

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тюменский государственный нефтегазовый университет»
Научно-исследовательский институт прикладной этики

ВЕДОМОСТИ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Выпуск сорок четвертый

«ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО?» В ИНЖЕНЕРНОМ ДЕЛЕ

Под редакцией
В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова

Тюмень
ТюмГНГУ
2014

«Что такое хорошо и что такое плохо?» в инженерном деле. Ведомости прикладной этики. Вып. 44 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2014. – 268 с.

ISSN 2307 – 518X

44-й выпуск журнала организован вокруг темы «"Что такое хорошо и что такое плохо?" в инженерном деле». Эта тема конкретизируется обращением к проблемам динамики предмета профессиональной ответственности инженеров. Раздел «Теоретический поиск» сконцентрирован на проблеме мировоззренческого напряжения профессии инженера в современном мире. Многообразие аспектов этики инженера представлено в разделах «Миссия университета» и «Кафедра прикладной этики». Возобновлена рубрика «Жизнь в профессии». В рубрике «Из истории инновационной парадигмы» публикуются избранные материалы экспертного опроса «Самотлорский практикум-2» (г. Ханты-Мансийск, 1988 г.).

СОРЕДАКТОРЫ

В.И. Бакштановский, директор НИИ ПЭ, д.ф.н., проф.

В.В. Новоселов, ректор ТюмГНГУ, д.т.н., проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р.Г. Апресян, д.ф.н., проф., Институт философии РАН

А.А.Гусейнов, д.ф.н., проф., академик РАН, Институт философии РАН

Е.И.Головаха, д.ф.н., проф., Институт социологии НАН Украины

М.В. Богданова, д.с.н., НИИ ПЭ ТюмГНГУ - отв.секретарь редколлегии

Е.В. Беляева, д.ф.н., проф., Белорусский государственный университет

Ю.В. Казаков, к.с.н., Общественная коллегия по жалобам на прессу СЖ РФ

И.М. Ковенский, д.т.н., проф., ТюмГНГУ

А.В. Прокофьев, д.ф.н., проф., Институт философии РАН

М.М. Рогожа, д.ф.н., проф., Национальный авиационный университет (Украина)

А.Ю. Согомонов, к.ист.н., Институт социологии РАН

Г.Л. Тутьчинский, д.ф.н., проф., НИУ ВШЭ, СПб-филиал

Ответственный секретарь журнала М.В. Богданова. Редактор выпуска И.А. Иванова. Ответственный за выпуск А.П.Тюменцева. Оригинал-макет И.В. Бакштановской. Обложка: М.М. Гардубей.

ISSN 2307 – 518X

© Научно-исследовательский институт прикладной этики, 2014

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тюменский государственный нефтегазовый университет», 2014

Tyumen State Oil and Gas University
Applied Ethics Research Institute

**SEMESTRIAL PAPERS
OF APPLIED ETHICS
Issue 44**

**“WHAT IS GOOD
AND WHAT IS BAD?”
IN ENGINEERING**

Edited by
V. Bakshtanovsky and V. Novoselov

Tyumen – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Мировоззренческое напряжение профессии инженера в современном мире (Предисловие редакторов)	6
---	---

Теоретический поиск

Этика инженера

<i>А.В. Прокофьев</i>	
Инженерная этика высоких устремлений (анализ профессионально-этического проекта)	11
<i>А.А. Сычев</i>	
Экологическая ответственность инженера	37
<i>Р.Г. Апресян</i>	
Инженерная этика перед дилеммой индустриализма и постиндустриализма	54
<i>А.Ю. Согомонов</i>	
Этические стратегии в инженерной профессии	67
<i>И.Ю. Алексеева</i>	
Этический кодекс в условиях морального релятивизма	82
<i>М.М. Рогожа</i>	
Специфика моральных действий в профессии инженера	94
<i>Е.А. Гаврилина</i>	
Инженер в современном мире: Homo faber vs Homo mechanicus	107
 <u>Рубрика академика А.А. Гусейнова</u>	
От ответственности к свободе	119

Ойкумена прикладной этики

В.А. Абилюкенова Новая старая идентичность журналистики: ренессанс профессиональной миссии?	136
--	-----

Миссия университета:

гуманитарное консультирование стратегии развития

В.И. Бакштановский, М.В. Богданова «Исполнение правильной работы» – доминанта этики инженера (аналитический обзор ректорского семинара)	147
---	-----

Жизнь в профессии

Ю.И. Некрасов «...Лезвие резца, которое при обработке сталей и сплавов на высоких режимах резания раскаляется и светится, для меня до сих пор является путеводной звездой»	176
---	-----

Кафедра прикладной этики

Е.Н. Викторук «Должное» и «сущее» в этическом образовании инженеров	202
--	-----

Из истории инновационной парадигмы

Практическая философия на перепутье: звездный час прикладной этики	214
---	-----

Summary	259
----------------------	-----

Авторы выпуска	264
-----------------------------	-----

List of authors	266
------------------------------	-----

Мировоззренческое напряжение профессии инженера в современном мире (Предисловие редакторов)

*Чествование юбиляров становится доброй традицией нашего журнала. Этот номер открывается поздравлением постоянному автору журнала, члену его редколлегии, а с 42-го выпуска – автору персональной рубрики **Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову**.*

Второе десятилетие жизни журнала академик А.А.Гусейнов поддерживает проекты НИИ прикладной этики своими теоретическими статьями, критическими текстами, экспертными заключениями, рецензиями на работы, написанные в духе инновационной парадигмы.

Высокий профессионализм работ Абдусалама Абдулкеримовича часто сочетается с мягкой, но не теряющей принципиальности иронией, которые поднимают креативность отечественного этического сообщества.

Соредакторы журнала желают Абдусаламу Абдулкеримовичу доброго здоровья, достойных продолжателей его научной школы и неиссякаемых творческих успехов.

Надеемся на продолжение всесторонне плодотворного сотрудничества.

СОБИРАЮЩАЯ тема 44-го выпуска журнала – «"Что такое хорошо и что такое плохо?" в инженерном деле». В 42-ом выпуске «Ведомостей» мы сосредоточились на проблеме трансформации профессиональной этики инженера

как исследовательского и учебного предметов в современной ситуации.

В 44-ом выпуске эта сосредоточенность конкретизируется обращением к проблемам динамики предмета профессиональной ответственности инженеров. Динамики, которая, полагаем, удачно схвачена суждением Стефана Унгера (его процитировал Карл Митчел в своей известной книге по философии техники): «В прошлом инженерная этика занималась главным образом проблемой, как добиться того, чтобы работа была *выполнена правильно*. Сегодня же – самое время подумать о том, добьемся ли мы того, чтобы выполнялась *правильная работа*» (курсив наш. – В.Б. и В.Н.).

Метафора «*правильная работа*» рассматривается в проекте как мировоззренческий аспект динамики предмета этики инженера, создающий смыслоценностное напряжение в ее современном развитии.

Потенциальным участникам проекта вместе с замыслом были предложены вопросы. Не ослабляет ли сосредоточенность на мировоззренческом аспекте акцент исследовательской литературы на заботе о создании институциональной системы, в рамках которой инженеры могли бы влиять на характер и содержание своей профессии? Не уведет ли мировоззренческая проблематизация профессиональной этики инженера от сверхнасушной заботы отечественной инженерии «чтобы работа была *выполнена правильно*»?

Другая проблематизация динамики предмета этики инженера связана с исследованием моральных дилемм, некоторые из которых выделили авторы 42-го выпуска «Ведомостей»: «конфиденциальность *versus* открытости» инженерного дела в постсовременном обществе; «экологичность *versus* практичности»; «думать как инженер или думать как менеджер».

В связи с этими дилеммами потенциальным участникам проекта были предложены вопросы. Первый: являются ли эти дилеммы основными в повестке дня профессиональной этики инженера, и как объяснить, что известные кодексы инженерной этики сосредоточены не на этих дилеммах, а скорее на столкновении ценностей профессии и откровенно аморальных интересов? Второй вопрос: если рассматривать такого рода дилеммы как вид общей, *инвариантной ситуации конфликта* требований современных профессиональных этик и корпоративных *этик*, регулирующих «жизнь в профессии» относительно интересов организации, делового предприятия, в которые профессия включена, то можно ли считать *дуализм* двух этик ядром современной этики инженера?

Ключевая проблематизация темы, которой посвящен новый этап проекта, сосредоточена на двух парадигмах этики инженера: этике ответственности и этике успеха. Обычно актуализация этики инженера мотивируется проблемами безопасности технического прогресса и потому в таком подходе доминирует парадигма профессиональной *ответственности* инженера. В нашем проекте парадигму ответственности, во многом построенную на аварийных, катастрофических кейсах, предлагается скорректировать выделением парадигмы этики профессионального успеха инженера.

Соответственно, потенциальным участникам проекта вместе с описанием его замысла был предложен вопрос: какому успеху должен служить инженер, каково должно быть его предпочтение в ситуации морального выбора между интересами профессии и корпорации (например, при дилемме «экологичность *versus* практичности»)?

Редакторы предложили приглашенным в проект авторам отнестись к рассматриваемым проблематизациям, по возможности сочетая их концептуальную экспертизу с характеристикой конкретных принципов и норм этики инже-

нера как «малой» нормативно-ценностной системы, учитывая формат «что такое хорошо...?».

ВЫДЕЛИМ прежде всего собранные в рубрике «Теоретический поиск» статьи, непосредственно сосредоточенные на исследовании динамики предмета профессиональной ответственности инженеров.

Особенностям мировоззренческого уровня инженерной этики – «инженерной этики высоких устремлений» в их противопоставлении «минимальной», «превентивной» этике, посвящена статья А.В.Прокофьева. Типологизируя многообразие подходов зарубежных исследователей, автор приходит к выводу: «основа профессиональной этики высоких устремлений может быть только синтетической. В ней базовое нормативное содержание морали должно выражаться и через комплексные личностные установки, и через принципы поведения, и через расчет и суммирование последствий».

Рассматривая трансформацию моральной ответственности инженера, А.А.Сычев выделяет и обосновывает три ее этапа. При этом, показывает автор, на третьем этапе – рубеж XX – XXI вв. – инженерная этика сливается с этикой экологической.

Указывая на отсутствие устойчивой дефиниции категории «ответственность» в инженерной этике, А.Ю. Согомонов рассматривает динамику ответственности в этике инженера через выделение моноцентрической и полицентрической моделей ответственности. *«Моноцентрическая ответственность инженера* эпохи индустриальной революции в конце прошлого столетия сменилась *полицентрической*. И это – не просто смена профессиональной парадигмы, а новая веха в культурной истории инженерной профессии. Служение профессии сегодня отнюдь не отменяется, но ставится в более жесткую зависимость от служения социуму, природе и культуре в целом (*правиль-*

ная работа). А это – и ценностный, и нормативный конфликт одновременно».

В статье Р.Г. Апресяна динамика предмета профессиональной ответственности инженера рассматривается в процессе перехода от индустриализма к постиндустриализму. Отмечая, что новейшее общество «гораздо обостренное» переживает технологические, экологические и гуманитарные риски, автор заключает: «в той мере, в какой эти риски обусловлены рисками, таящимися в использовании современных технологий, они оказываются предметом расширяющейся нравственной компетенции инженера».

Различные грани этики инженера рассматриваются в работах И.Ю.Алексеевой, Е.А.Гаврилиной, М.М. Рогожи.

Тема этики инженера отражена и в статьях разделов «Миссия университета» (В.И.Бакштановский, М.В.Богданова), «Кафедра прикладной этики» (Е.В.Викторук).

В этом выпуске продолжают «Рубрика академика А.А. Гусейнова» и раздел «Ойкумена прикладной этики» (статья В.А. Абилькеновой). Возобновляется рубрика «Жизнь в профессии», посвященная биографиям университетских интеллектуалов (интервью с доктором технических наук Ю.И.Некрасовым).

В рубрике «Из истории инновационной парадигмы» публикуются избранные материалы легендарного экспертного опроса «Самотлорский практикум-2» (г. Ханты-Мансийск, 1988 г.) – первой попытки инициативного движения этического сообщества в экспертно-консультативной форме приложить знание о морали и воспитании к современной отечественной практике.

А.В. Прокофьев

УДК 174.4

**Инженерная этика высоких устремлений
(анализ профессионально-
этического проекта)**

Аннотация. В статье исследуются особенности высшего уровня норм и ценностей инженерной этики. Он часто обозначается термином «инженерная этика высоких устремлений» и противопоставляется «минимальной», «обязательной», «негативной» и «превентивной» этике. Автор статьи реконструирует две наиболее влиятельных современных концепции инженерной этики высоких устремлений, разработанные Ч.Э.Харрисом и У.Р.Боуэном, и выявляет их сильные и слабые стороны. Основная трудность попыток создания инженерного этоса высоких устремлений связана с той неупорядоченностью, которую может вызвать свободный индивидуальный поиск способов реализации общественного блага в инженерной практике. В статье рассматриваются возможности преодоления этой трудности, существующие в сфере деятельности по созданию кодексов профессиональной этики.

Ключевые слова: профессиональная этика, этика высоких устремлений, этический кодекс инженера, добродетели инженера, Ч.Э. Харрис, У.Р. Боуэн.

Основная проблема, поставленная НИИ ПЭ перед участниками исследовательского проекта, касается преломления в инженерной этике некоторых свойств так называемых *высоких* профессий. Согласно концепции, разрабатываемой в последние годы В.И. Бакштановским в сотрудничестве с ушедшим в 2010 г. Ю.В. Согомоновым, *высокие* профессии характеризуются следующими чертами. Во-первых, «в них доминирует “установка” на служение, которая, не отменяя стремления (говоря словами М.

Вебера) к «честному заработку профессионала»,... ограничивает... возможность преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно, как это характерно, например, для бизнесмена, и оправдывается этикой бизнеса» [2, 54]. Во-вторых, они противостоят ряду тенденций современной общественной практики, таких как массовизация профессий, утрата автономии профессионала внутри бюрократизированных организаций, коммерциализация профессий, «отчуждение “мира профессионализма” от гуманистических задач профессии» [2, 55]. В-третьих, в этике *высоких* профессий присутствуют дополнительные императивы, наряду с правилами, которые связаны с «владением *специальностью*, “функциональной”, “операциональной” стороной профессионализма». Они определяют «ответственность не только за *правильное* исполнение работы, но и за исполнение *правильной* работы, *правильной* с точки зрения профессионально-этических ценностей» [1, 203]. В-четвертых, наличие этих дополнительных императивов предполагает сложносоставной характер фиксирующих ценностно-нормативное содержание профессиональной этики документов (преимущественно этических кодексов). Часть их содержания ориентирована на «функцию» профессии, другая – на ее «миссию». Во втором случае решающую роль играет «мировоззренческий ярус» этических документов, то есть «смыслоценностные ориентиры соответствующего вида деятельности, отражающиеся в ее идентификации как *высокой* профессии» [1, 103].

Итак, возможна ли и в каких формах возможна реализация этики *высоких* профессий в сфере инженерной практики? Этот вопрос формирует одно из направлений исследований в профессиональной этике инженера и одно из направлений практической деятельности по фиксации и развитию инженерного этоса. В своем исследовательском преломлении он неизбежно дополняется другим вопро-

сом: на какой теоретической основе могут быть осмыслены подобные аспекты инженерной этики?

Хотя в российском этическом сообществе проблематика, предложенная для анализа НИИ ПЭ, находится за пределами устойчивых интересов исследователей, в западной прикладной и профессиональной этике она воспринимается как предельно актуальная, как направление возможного теоретического и практического прорыва. Об этом свидетельствует тот факт, что в последние 10–12 лет стремительно растет количество книг и статей, в которых специалисты по этике инженера активно используют такой технический термин как «этика высоких устремлений» (*aspirational ethics*). В своей статье я хотел бы бегло реконструировать эту тенденцию, опираясь на работы наиболее ярких ее представителей, и кратко отозваться на предложенные ими идеи.

Обсуждение концепта «этика высоких устремлений» началось не в этике инженера, а в административной этике и этике социальной работы и профессий, связанных с заботой о людях, нуждающихся в поддержке и уходе. В некоторых случаях он до сих пор используется как синоним этического регулирования, построенного на апелляции к совести (*integrity-based*), в отличие от построенного на простой исполнительности в отношении к писанным нормам (*compliance-based*). Однако постепенно происходит размежевание этих понятий. Оно определяется теми же теоретическими и практическими вызовами, которые привели к созданию концепции «этики высокой профессии» В.И.Бакштановским и Ю.В.Согомоновым. Два основных критерия размежевания таковы. Во-первых, этика высоких устремлений чаще понимается не как альтернатива этике добросовестного исполнения простых и конкретизированных правил, а как одна из составляющих этического регулирования профессиональной деятельности в целом. При этом термин «этика высоких устремлений» в исследо-

ваниях по профессиональной этике и в этических документах профессиональных сообществ является устойчивым, а вот обозначение его *vis-à-vis* примечательным образом варьируется. С этикой высоких устремлений соотносят этику, которую называют «обязательной» (*mandatory*), «дисциплинарной» (*disciplinary*), «минимальной» (*minimal*) и т.д. Как мы увидим в дальнейшем, в работах по этике инженера на этом месте подчас оказываются также «превентивная» (*preventive*) и «негативная» (*negative*) этика. Во-вторых, этика высоких устремлений понимается не только как особый способ выразить и реализовать те же самые ценности, принципы и нормы, которые присутствуют на других уровнях этического регулирования деятельности профессионалов. С точки зрения тех, кто использует это понятие, этика высоких устремлений не просто повышает планку требовательности по отношению к единому нормативному содержанию или использует особые механизмы достижения одних и тех же целей, она накладывает на представителей профессии дополнительные, качественно специфические обязанности.

Вне инженерного контекста образцовой считается характеристика этики высоких устремлений, предложенная специалистами по этике психолога-консультанта Дж.Гори, М. Шнейдер-Гори, П. Кэленаном. «Обязательная этика, – считают они, – описывает тот уровень этического функционирования, на котором консультант действует в соответствии с минимальными стандартами и на основе осознания базовых “должен” и “не должен”. Его внимание сосредоточено на поведенческих нормах. Этика высоких устремлений описывает высшие стандарты нравственного мышления и поведения, к которым стремится консультант, она требует чего-то большего, чем простое соответствие букве этического кодекса. Она предполагает понимание духа, который стоит за кодексом и теми принципами, на которые тот опирается. Профессионалы, поведение кото-

рых соответствует первому уровню, не подвергаются правовому воздействию и профессиональным порицаниям. Суды и государственные лицензионные агентства требуют исполнения минимальных стандартов, которым должны отвечать представители профессии. На более высоком уровне, на уровне этики высоких устремлений, консультант должен задумываться обо всех воздействиях, которые его практика оказывает на благополучие клиента» [9, 13].

Проект создания инженерной этики высоких устремлений

В рамках западной инженерной этики осознание приоритетного значения фиксации и внедрения этики высоких устремлений связано с такими именами как Ч.Э.Харрис (Техасский аграрно-механический университет, США) и У.Р.Боуэн (Университет в Суонси, Уэльс). В данном разделе статьи я хочу кратко представить круг идей каждого из них.

Ч.Э.Харрис

В коллективной книге «Инженерная этика: понятия и кейсы», принадлежащей перу Ч.Э.Харриса, М.С.Причарда, М.Дж.Рэбинса, а также в индивидуальных публикациях Ч.Э.Харриса, выделяются два образца профессиональной этики: «этика предотвращения» и «этика высоких устремлений». Первая нацелена на то, чтобы инженеры не пренебрегали своими основными профессиональными функциями. Именно это позволяет предотвратить основной массив потенциального ущерба клиентам, нанимателям и обществу в целом. Исходя из своих целей, этика предотвращения формулируется преимущественно с помощью конкретизированных правил поведения, которые могут быть сведены в полноценный этический кодекс. Эти правила носят негативный характер, то есть являются прямыми или косвенными запретами. Как полагает Ч.Э.Хар-

рис, первая ипостась инженерной этики до сих пор безраздельно доминировала и как предмет исследований, и как предмет внимания профессиональных сообществ, фиксирующих и развивающих свой этос. Для примера он приводит кодекс американского Национального общества профессиональных инженеров (2003) [16], в котором 80 % норм носят запретительный характер. Часть их представляет собой прямые запреты (например, «инженеры *не должны* раскрывать факты, данные и информацию без предварительного согласия клиента или нанимателя», или «инженеры *должны* санкционировать *только* те инженерные решения, которые соответствуют применяемым стандартам»). Другую часть Ч.Э.Харрис называет предписаниями, обладающими «негативной силой». Так, предписание раскрывать все реальные и потенциальные конфликты интересов, которые могут влиять на техническое суждение инженера, является выражением более общего запретительного правила – не вовлекать себя в такие конфликты или не принимать на себя функции, в которых конфликты интересов могут сыграть свою негативную роль. Правило, требующее сообщать о нарушениях кодекса, хотя и является позитивным предписанием, но обслуживает запреты, придавая им действенность. Позитивное требование быть объективным и правдивым представляет собой перифраз запретов, которые не позволяют профессионалу проявлять пристрастность и лгать. Даже предписание улучшать свою профессиональную подготовку не дает инженеру *пренебрегать* своим развитием в качестве профессионала [14, 12–13; 13, 153–154].

Среди причин, которые ведут к неизбежному преобладанию негативной этики предотвращения в кодексах инженерной этики, Ч.Э.Харрис называет одну общеэтическую, одну, характеризующую специфику профессиональной этики в целом, и одну, относящуюся непосредственно к сфере инженерной этики. Общеэтическая причина со-

стоит в том, что моральные обязанности невреждения в любом практическом контексте (в том числе в профессиональном) имеют большую силу или, вернее, их полное исполнение должно предшествовать исполнению обязанностей, требующих содействия благу других людей [14, 12]. В рамках профессиональной этики к этому обстоятельству добавляется ее нацеленность на операциональную ясность правил и необходимость организовать эффективный контроль их исполнения со стороны профессионального сообщества или этической инфраструктуры организации. «Кодексы создаются на основе правил, которые могут опираться на принудительное исполнение, а его гораздо легче обеспечить в отношении негативных правил, чем в отношении позитивных» (Ч.Э. Харрис) [14, 12]. Наконец, негативная этика предотвращения доминирует в сфере морального регулирования деятельности инженера в силу того, что исторически формирование последней тесно связано с так называемыми «катастрофическими случаями». В них либо небрежность инженеров, либо давление на них со стороны нанимателя приводило к огромным потерям, и эти потери заставляли общественность и инженерное сообщество задуматься над этическими способами предотвращения подобных ситуаций [14, 13].

Этика высоких устремлений, которая пробуждает в инженерах потребность инициативно способствовать благу общества и искать способы реализации этой потребности, хотя и не доминирует в этических документах, является неотъемлемой частью моральных установок подлинного профессионала. Причины, по которым она не должна уходить на периферию, по мнению Ч.Э. Харриса, таковы. Одна из них связана с тем, что негативная этика предотвращения, находящая выражение в системе операциональных запретов и предписаний, не оставляет места для свободного индивидуального суждения инженера в процессе его повседневного профессионального самоопреде-

ления. Другая – состоит в том, что данная ипостась инженерной этики не отражает позитивной мотивации, приводящей профессионалов к выбору инженерной специальности. Этот выбор задают не опасности и риски, сопровождающие инженерную практику, а социальная и индивидуальная ценность деятельности инженера. Те, кто избирают данную специальность, чувствуют эмоциональный подъем в связи со своим участием в тех проектах, которые уменьшают тяжелую и монотонную работу, делают чище воду и воздух, позволяют быстрее и экономичнее передвигаться в пространстве, обеспечивают спасение жизней от болезней и т.д. [14, 14] Деятельность инженера становится эффективнее от осознания позитивной общественной роли собственной специальности, и одна из задач профессиональной этики поддерживать данный эмоциональный настрой и его практические последствия.

Ч.Э.Харрис делает попытку определиться с основными сферами деятельности инженера, в которых должна преобладать этика высоких устремлений. В первую очередь он указывает на так называемые «благие дела» (good works), то есть проекты, в которых инженеры самостоятельно избирают направления технического проектирования, способствующие благополучию общества в целом и отдельных социальных групп. Такая деятельность может быть единоличной или получать организованные формы, как в случае с общественными организациями, подобными «Инженерам без границ» [14, 15–16; 13, 162]. Наряду с яркими, но по определению не преобладающими случаями осуществления «благих дел», имеет место и такое проявление этики высоких устремлений как «обычная позитивная инженерия» (ordinary positive engineering). Она не является следствием героического самопожертвования и не выливается в специализированные проекты, мотивированные стремлением к общему благу. «Обычная позитивная инженерия» предполагает, что инженеры проявля-

ют это стремление при осуществлении проектов, которые по тем или иным причинам реализуются нанимающими их государственными агентствами, местными властями или корпорациями, и на его основе отстаивают те или иные технические решения, несмотря на их большую стоимость или трудоемкость [14, 16–17; 13, 162]. Как видим, в обоих случаях, хотя и с разной степенью чистоты, проявляется такой феномен как выбор профессионала в пользу «исполнения правильной работы».

У.Р.Боуэн

У.Р.Боуэн заметно более радикален в своем целеполагании. Он рассматривает развитие инженерного этоса, опирающегося на этику высоких устремлений, в качестве главного современного вызова не только для профессиональной этики инженера, но и инженерной практики в целом. Он отталкивается от рикеровского разграничения морали и этики, в рамках которого мораль это совокупность конкретизированных норм, а этика – совокупность конечных целей, и высказывает предположение, что современная профессиональная этика находится в неестественном состоянии «примата морали над этикой». Моральные нормы всегда служат частичной и несовершенной артикуляцией этических целей, и современная профессиональная этика (по сути своей являющаяся профессиональной моралью) закрепляет в своих нормативных документах заведомо ущербные и несовершенные требования к профессионалам. Этика инженера являет собой один из самых ярких примеров такого рода: она «в основном озабочена специфическими дилеммами, возникающими в инженерной практике, и может рассматриваться как по преимуществу толкование инженерной морали» [7, 6]. Однако это соотношение профессиональной этики и профессиональной морали должно быть развернуто на 180°: этика инженера должна стать по преимуществу этикой, то есть

адекватным выражением и скрупулезным исследованием нравственных целей. Только тогда она будет способствовать развитию «этоса высоких устремлений». Специфическое положение инженерной практики в современном обществе (ее решающее влияние на все аспекты человеческой жизни, ее огромный разрушительный и созидательный потенциал) является мощнейшим аргументом в пользу подобной трансформации.

У.Р.Боуэн полагает, что для успешного преобразования этики и этоса инженера необходимо проанализировать состояние этического регулирования иных профессиональных практик, прежде всего медицины и бизнеса. Этика врача, по его мнению, по многим направлениям является удачным примером для подражания. В ней уже реализованы два свойства, играющих ключевую роль в профессиональной этике высоких устремлений. «Во-первых, она сфокусирована на индивиде – то есть пациенте, на которого влияют действия врача, во-вторых, врач подчеркнуто персонально ответственен за свои решения» [7, 10; см. также: 7, 43–50]. Современное развитие этики бизнеса, напротив, указывает на некоторые опасности, которые угрожают этике инженера, хотя их присутствие в ней не так очевидно. Именно в бизнес-этике ярко выражается потеря нравственной свободы специалистом, нанимаемым в большую организацию и обреченным выбирать исключительно между средствами для достижения поставленных извне целей своей деятельности (а не между ее целями). Именно бизнес-этика демонстрирует предельную сосредоточенность на достижении скрупулезного исполнения минимальных стандартов профессионально-этического совершенства [7, 10, см. также: 7, 50–57]. Лишь в области развития механизмов социальной ответственности бизнеса, использующих творческую инициативу работников корпораций, этика бизнеса превращается в позитивный пример. Некоторые успехи в этой сфере могут

быть прямо ассимилированы в рамках инженерной этики высоких устремлений [7, 51–52].

Практически становление инженерного «этоса высоких устремлений» У.Р.Боуэн видит следующим образом. Оно должно происходить по ряду основных направлений. Во-первых, инженерное образование в целом (а не только отдельные этические курсы) следует построить так, чтобы цели инженерной деятельности, связанные с благом общества, и персональная ответственность за их реализацию всячески подчеркивались. Во-вторых, кодексы профессиональной этики должны инкорпорировать гуманистическое содержание этой специальности. В-третьих, понимание нужд конечных пользователей результатов инженерного труда должно быть обеспечено как системой образования, так и системой карьерного продвижения инженеров. В-четвертых, широкая общественность должна быть вовлечена в обсуждение ценностных приоритетов инженерной практики. В-пятых, формирование этоса высоких устремлений должно происходить на основе программ и инициатив, носящих международный характер и отражающих ценностные установки международных организаций, отвечающих за поддержание мира и обеспечение устойчивого развития [7, 13, 87–107].

***Теоретические основания проекта:
этика инженера – этика добродетели***

Позиция Ч.Э.Харриса, как и позиция У.Р.Боуэна, связана со сменой ряда теоретических установок профессиональной этики. И та, и другая ориентированы на преодоление утилитаристского и деонтологического фундамента и претендуют на выявление альтернативных оснований. Среди последних решающее значение имеет аристотелевская этика добродетели. У.Р.Боуэн, Ч.Э.Харрис и некоторые другие авторы, активно апеллирующие к понятию «этика высоких устремлений», полагают, что серьезным шагом для построения частной теории, позволяющей ре-

шать проблемы инженерной этики, является применение к условиям этой профессии теоретического аппарата, предложенного А.Макинтайром и Р.Херстхаус. Для осмысления связи добродетелей инженера со спецификой его профессиональной деятельности решающую роль приобретает макинтайровское понятие практики. Как известно, А.Макинтайр полагал, что полноценное применение этических концептов может осуществляться только в случае глубокой вовлеченности людей в те виды деятельности, которые имеют статус практик. «Под словом практика, – писал он в работе «После добродетели», – я имею в виду любую последовательную и сложную форму социально учрежденной кооперативной человеческой деятельности, через которую блага, внутренние по отношению к человеческой деятельности, реализуются в ходе попыток применения тех стандартов превосходства, которые подходят для этой формы деятельности и частично определяют ее с тем результатом, что систематически расширяют человеческие силы в достижении превосходства, а так же соответствующие концепции целей и благ» [4, 255]. «Добродетель есть приобретенное человеческое качество, обладание которым и проявление его позволяет нам достичь тех благ, которые являются внутренними по отношению к практике и отсутствие которых эффективно препятствует достижению любых таких благ» [4, 260]. Вне таких свойств-добродетелей как правдивость, храбрость и справедливость (в смысле честной оценки качества исполнения той деятельности, которую задает практика), никто не может быть полноценным участником практики, а практика как таковая не может существовать.

Однако наполнение этих свойств нормативно-практическим содержанием зависит от того, какого рода практика перед нами. Исследователи инженерной этики пытаются определить специфику изучаемого ими вида деятельности и замечают, что обсуждаемые А.Макинтайром

примеры практики неоднородны: некоторые из них (такие как шахматы) замкнуты по своим целям на самих себе, другие (такие как архитектура) имеют цели, которые разомкнуты в отношении интересов и потребностей более широких сообществ, чем сообщество участников практики. Для практик второго типа не так просто выявить подлинные, специфические для них цели. Ведь они и не самодостаточны, и не тождественны деятельности по обеспечению общественного блага как таковой. От точности понимания целей практики зависит корректность номенклатуры добродетелей, свойственных ее участнику. У.Р.Боуэн полагает, что телеологическое определение инженерной практики должно быть следующим: «цель инженерной деятельности состоит в обеспечении человеческого процветания с помощью содействия материальному благополучию» [7, 77] (другие исследователи используют в том же контексте понятие «качество жизни» [19, 13]). Отсюда следует, что и «внутренние блага» инженерной деятельности необходимо воспринимать более широко, чем это общепринято. В их число входит не только само по себе экономичное и надежное решение технических задач, порождающее личное удовлетворение и высокую оценку специалистов, но также участие в поиске тех инженерных проблем, которые имеют первостепенное значение для общества, и скрупулезная оценка влияния собственных технических решений на общество в целом и на разные категории его членов. Как замечают Э.Росс и Н.Атанасоулис, «основным внутренним благом инженерной практики является создание безопасных эффективных инноваций, служащих человеческому благополучию... инженеры не просто стремятся найти технологические решения человеческих проблем, но стремятся делать это так, как подобает именно инженеру, то есть выдвигая на первый план ценности безопасности и устойчивости» [18, 159]. Подобное переосмысление целей и внутренних благ ин-

женерной практики позволяет уличить современное состояние инженерного этоса и отражающих его этических документов в установлении неоправданного приоритета «технической изобретательности над помощью людям» (У.Р.Боуэн) [7, 77].

Для выявления преимуществ той интерпретации этики инженера, которая рассматривает ее как совокупность базовых профессиональных добродетелей, используется модель этики добродетели Р.Херстхаус. Добродетели рассматриваются Р.Херстхаус как комплексное явление, включающее в себя ценностные убеждения, эмоциональные установки и моральную чувствительность к тем или иным явлениям. Именно в связи со своим комплексным характером добродетели позволяют принимать решения там, где применение даже оптимально сформулированных норм не дает возможности провести разграничение между правильной и неправильной реакцией на сложившуюся ситуацию. Эта их способность привлекает сторонников внедрения инженерной этики высоких устремлений. Для Ч.Э.Харриса в рамках последней решающую роль играет чувствительность инженера к этическим проблемам и аспектам профессии (преимущественно «чувствительность к риску» и «техносоциальная чувствительность») [13, 158–161]. Вопрос лишь в том, как формировать у современного инженера профессиональные добродетели, в особенности ту их часть, которая связана с нравственной чувствительностью. Совершенно очевидно, что этот процесс не может быть обеспечен за счет передачи некой информации, даже если эта информация касается базовых ценностей профессии или носит нарративно-биографический характер (описывает случаи верности инженеров этим ценностям). Добродетели формируются посредством постоянного решения этически значимых вопросов в процессе повседневной практики, а также за счет постоянной коммуникации с другими профессионалами по поводу решения

таких вопросов. Именно этого пути следует придерживаться инженерной этике высоких устремлений. Поэтому этические документы инженерных сообществ должны быть составлены так, чтобы стимулировать выявление проблемных ситуаций и коммуникацию по их поводу.

Анализ проекта

Для того, чтобы дать оценку проекта создания инженерной этики высоких устремлений, необходимо получить ответ на два вопроса. Один из них – по преимуществу практический. Он связан с некоторыми неблагоприятными следствиями переориентации этики инженера на нормативные стандарты этики высоких устремлений. В исследовательской установке НИИ ПЭ он выражен следующим образом: «Не уведет ли мировоззренческая проблематизация профессиональной этики инженера от сверхнасыщенной заботы отечественной инженерии о том, “чтобы работа была *выполнена* правильно”?» Интересной развернутой параллелью этому опасению является приведенное ниже рассуждение Х.Ленка. «Всякие общие положения лишаются своей ценности, если они не “привязаны” к конкретной сфере деятельности инженера. Не следует, во всяком случае без меры, преувеличивать обязанность безоговорочного подчинения любым “высочайшим” ценностям. Было бы лишено всякого смысла требовать от инженера исполнения указанных принципов в буквальном их смысле с неременной ориентацией на общественное благо и на голос его совести, и все это за счет выполнения всех предписаний, инструкций и задач. Если бы инженер действительно следовал этим призывам к совести, то результатом был бы просто хаос. Реальные связи и дисциплина были бы нарушены, организации разрушены. Повальная критика всех “начальников” стала бы общепринятой нормой, вместо того, чтобы быть единственно оставшейся инстанцией после использования всех других средств. “Совершенно немыслимо, чтобы каждый инженер по собствен-

ному воображению определял, какие критерии он должен соблюдать, например, по каждой проблеме, возникающей перед ним в ходе его деятельности», – подчеркивает Флормэн. «Инженер, решающий проблему, не может вносить свою собственную фантазию в каждое уравнение», – продолжает он. Именно поэтому моральный долг инженера – выполнять свои ролевые обязанности, но не вносить в решение каждой данной своей задачи слишком много общей морали» [3].

Проект инженерной этики высоких устремлений явно подходит к рубежу стирания границ между профессиональной этикой и «общей моралью». Поиск «правильной работы» на основе соображений общественного блага вполне может быть одним из источников хаоса внутри организаций, а переключение инженеров на самодеятельные «благие дела» неизбежно снижает эффективность инженерного труда, поскольку та обеспечивается за счет привлечения значительных материальных ресурсов и коллективной организованной работы взаимосвязанных групп специалистов. В каком случае эти опасности будут блокированы? Только тогда, когда поиск «правильной работы» получит институционализированные формы. И здесь я могу лишь повторить то, что писал когда-то об этике *высокой* профессии в академической среде [5]. В сфере инженерной деятельности необходимо создание таких механизмов выявления «правильной работы», которые нельзя обеспечить с помощью самого продуманного этического образования и самой совершенной этической инфраструктуры. Конечно, инженер обязан обладать развитой «социотехнической чувствительностью», но при этом он не должен чувствовать постоянного прессинга нравственной неудовлетворенности, связанной с характером задач, над которыми он работает, или со способами применения его новаций. А этого можно достичь только в том случае, если существуют наделенные достаточными полномочиями

специализированные общественные институты, отвечающие за мониторинг социальных последствий применения технических разработок, и у каждого профессионала есть каналы, позволяющие влиять на их деятельность.

Этот общий тезис не исключает того, что в сфере этического регулирования как такового имеются те инструменты, которые способствуют как внедрению этики высоких устремлений, так и ограничению неприемлемых следствий этого внедрения. Один из них – правильный баланс разных форм нормативного содержания этических документов инженерных сообществ. К примеру, У.Р.Боуэн предлагает фактическое замещение, используя термины В.И.Бакштановского, «функциональной, операциональной стороны профессионализма» ее «мировоззренческой стороной». Он рассматривает в качестве примера адекватного отражения требований инженерной этики Декларацию этических принципов британской Королевской инженерной академии (2007) [17]. В ее преамбуле есть описание инженерной деятельности как практики, которая ориентирована на увеличение благополучия, здоровья и безопасности всех людей при обязательном соблюдении ограничений, связанных с сохранностью окружающей среды и устойчивым использованием ресурсов. Включенные в нее положения являются стандартом, к которому инженеры должны «всеми силами стремиться». И этот стандарт зафиксирован в виде списка добродетелей инженера, которые расшифровываются в требованиях, оставляющих максимальный простор для профессионально-этического совершенствования. В качестве контрастного негативного фона У.Р.Боуэн использует руководящие указания по составлению кодексов правильного поведения Британского инженерного совета (лицензирующей организации в сфере инженерной деятельности), также разработанные в 2007 г. [10]. В них прямо и непосредственно перечисляются ожидаемые от инженеров формы поведения, то есть

содержатся конкретизированные предписания и запреты, что, как полагает У.Р.Боуэн, не задает инженеру перспективу постоянного самосовершенствования, не стимулирует непрерывный поиск правильных форм профессионального самовыражения [7, 35–36, 77–78].

На мой взгляд, У.Р.Боуэн противопоставляет то, что требуется совместить, и тем самым создает благотворную почву для явлений, вызывающих опасение Х.Ленка. А вот Ч.Э.Харрис, наоборот, отчетливо понимает необходимость такого совмещения. Как исследователь, посвятивший много времени изучению предупреждающей этики [12], он признает приоритет негативных, превентивных и связанных с обеспечением простой эффективности инженерной работы, норм над декларациями, вдохновляющими свободный поиск профессионального совершенства. Он понимает причины преобладания таких норм в кодексах инженерной этики. Этика, отражающая функциональные и операциональные стороны профессионализма, может быть выражена только через более или менее развернутые нормативные формулировки и неизбежно занимает большой объем в рамках этических документов. Этика высоких устремлений, делающая ставку на свободный нравственный поиск и фронестическую деятельность, напротив, не требует для своего выражения столь же развернутых формулировок. Убеждение Ч.Э.Харриса состоит лишь в том, что этика высоких устремлений не должна уходить из инженерной профессии, а значит – должна присутствовать в качестве части ее кодексов. Если у него и есть претензии к «объемам», то не к «объемам» разных типов нормативного содержания этических документов, а к «объемам» проблематики одного и другого вида в рамках системы этического образования и этического инструктирования инженеров. Ч.Э.Харрис уверен в том, что проблематика «благих дел» и «обычной позитивной инженерии» должна быть широко представлена в этих процессах. Арсенал

используемых в них кейсов следует расширить за пределы случаев, связанных с нарушением функциональных запретов и героического противостояния тенденциям, ведущим к катастрофе [14, 14].

Итак, этика высоких устремлений должна получить в профессиональных этических кодексах адекватное выражение, соразмерное целям и задачам определенной профессии. Инженер не может быть ответственен за все негативные следствия своей практики и не должен пытаться установить их в ходе своей проектировочной деятельности. Он не является по совместительству специалистом по гуманитарной экспертизе технических проектов. Поэтому расширение его обязанностей, не связанных с добросовестным проектированием технологических решений тех задач, которые ставит перед ним корпорация, государственное агентство или местные власти, должно быть тщательно отрефлектировано и ограничено. В этом отношении мне кажутся очень интересными и поучительными некоторые современные тенденции в области институционализации этики инженера и дискуссии вокруг них.

Если в первые десятилетия развития инженерной этики в кодексах преобладали обязанности перед другими инженерами, а также клиентами и нанимателями, то с 1970-х гг. в них закрепляется ответственность инженера перед обществом, которая собственно, и служит основанием этики высоких устремлений. В значительном количестве кодексов, отразивших эти изменения, начинает применяться стандартная формулировка «инженер должен придавать первостепенное значение безопасности, здоровью и благосостоянию общества». Широта трактовки этого положения и возможность дополнений к нему является одним из важнейших вопросов, обсуждение которых выявляет границы профессиональной этики высоких устремлений в сфере инженерной деятельности. Исследователи и представители инженерных сообществ постоянно пыта-

ются установить: какие именно аспекты общественного блага должен иметь в виду инженер?

Первым направлением расширения этической чувствительности инженеров стали проблемы сохранения окружающей среды. При этом внедрение экологических императивов в этические документы инженерных сообществ давалось очень нелегко. Дополнительные обязанности, связанные с этими императивами, по мнению критиков процесса расширения, могут лишь отвлекать внимание инженера от основных проявлений его профессионального долга. К примеру, в 1984 г. Американское общество гражданских инженеров начало обсуждение возможности ввести в свой кодекс восьмой канон инженерной этики, предполагавший, что «инженеры будут исполнять свою работу таким образом, чтобы мировые ресурсы, а также природная и культурная среда использовались во благо нынешних и будущих поколений» [20, 18]. Однако данное расширение не было принято. Границы требований этики высоких устремлений в сфере инженерной деятельности оказались раздвинуты лишь в результате изменения целеполагания международных гуманитарных организаций. В 1987 г. была впервые официально закреплена и начала активно развиваться идеология устойчивого развития, в которой цели сохранения окружающей среды тесно связаны с обеспечением общественного блага. Это понятие оказалось более приемлемо для инженерной этики. Борьба за введение понятия устойчивого развития в кодекс общества гражданских инженеров привела к заметно большим успехам, чем борьба за прямую интеграцию экологических соображений. В 1997 г. требование «придавать первостепенное значение безопасности, здоровью и благосостоянию общества» было дополнено формулировкой: «пытаются соответствовать принципам устойчивого развития» [20, 19]. Специалисты в сфере профессиональной этики до сих пор спорят о том, достаточно ли энергично

предъявлено требование сохранения устойчивости, необходимо ли в самом кодексе расшифровывать понятие «устойчивое развитие» (что, кстати, и было, в итоге, сделано в 2009 г.) [6]. Однако в целом расширение ответственности инженера в этом направлении признается ими оправданным. Есть, конечно, несколько кодексов влиятельных инженерных организаций, не включающих этот пункт, но их изменение, скорее всего, является вопросом времени.

А вот другой пункт потенциального расширения ответственности инженера перед обществом так и остается на уровне предложений отдельных исследователей. Этот пункт касается такой ценности как социальная справедливость. Данное расширение имеет убежденных сторонников, которые полагают, что вмененное инженеру стремление способствовать устранению неоправданных неравенств вытекает из самого понятия устойчивого развития, которое предполагает удовлетворение основных потребностей людей вне зависимости от времени или места их существования. Например, Д.Мичелфелдер и Ш.А.Джонс находят необходимым, с одной стороны, сделать формулировку об устойчивом развитии более требовательной (не просто «стремиться к исполнению принципов устойчивого развития», а «придавать первостепенное значение... устойчивому дизайну человеческих и индустриальных систем при исполнении своих профессиональных обязанностей»), а с другой стороны, прямо в тексте кодекса полно раскрыть ее связь с идеей распределительной справедливости. Требования кодекса, по их мнению, должны обязать инженеров исполнять «принципы социальной справедливости», то есть специально отслеживать и учитывать «распределение воздействий» инженерных решений между сообществами и группами населения [15].

Однако закрепление распределительной справедливости в качестве самостоятельной цели инженерной практики слишком существенно отрывает инженера от реше-

ния его непосредственных задач. Оно погружает специалиста в неопределенность, связанную с нормативным содержанием и оптимальными способами достижения социальной справедливости. Критики проекта Д.Мичелфелдер и Ш.А.Джонс пытаются найти наиболее убедительные формы артикуляции этой мысли. Хорошо известный нам Ч.Э.Харрис формулирует свои возражения как аргументы против «политизации» инженерной практики, неизбежно возникающей в связи с привнесением цели социальной справедливости в этику высоких устремлений инженера. Он пишет: «Использование формулировки, связанной с социальной справедливостью, как цели инженерной деятельности одновременно неразумно и не нужно. Это неразумно, поскольку отсылка к социальной справедливости... предполагает политическую повестку, по отношению к которой многие инженеры или их большинство чувствуют неудобство. Таким образом возникает препятствие на пути достижения достойной цели – поддержки более позитивного и связанного с высокими устремлениями элемента инженерной этики. Это и не нужно, поскольку термин “благосостояние”, который имеет место в кодексах, не настолько политически нагруженный и не настолько подверженный существенным расширениям и интерпретациям, может выразить многие из идеалов, которые инкорпорированы в понятие “социальная справедливость”» [11, см. также: 8].

Второй вопрос касается теоретической основы инженерной этики высоких устремлений. Мы видели, что ее сторонники проявляют очевидное тяготение к тем теоретическим схемам, которые предлагает современная этика добродетели. Деонтология кантианского типа (в том числе ее договорные образцы), консеквенциалистская этика (в том числе утилитаризм действий и утилитаризм правил) рассматриваются ими как фундамент существующей системы, требующей реформ. Они не могут стать основой

разрабатываемого ими поворота. Пытаясь обобщить доводы в пользу этики добродетели, высказанные в работах, защищающих инженерную этику высоких устремлений, Й.Э.Шмидт выделяет несколько обобщенных тезисов. Консеквенциализм и деонтология «алгоритмичны» по своей природе и пытаются «управлять» действиями морального субъекта в каждой ситуации, а этика добродетели, основанная на развитии комплексных личностных установок, более «эвристична». Консеквенциализм и деонтология структурно предполагают «превентивный» и «негативный» характер требований. Они являются по сути своей «безличными» этическими теориями, что усугубляет проблемы, связанные с размытием ответственности внутри организаций и отсутствием личного контакта инженеров с теми, на чьем благополучии сказываются результаты их деятельности. Наконец, консеквенциализм и деонтология заставляют воспринимать этику как отдельное от инженерной практики, не включенное в профессиональную деятельность, а внешнее по отношению к ней [19, 8–9, 24].

В целом можно было бы согласиться лишь с последним пунктом. Хотя и он не имеет абсолютной значимости. Этические требования не могут не восприниматься как в определенном смысле «внешние». В профессиональном контексте, например, они выступают и как требования профессионала к самому себе, и как требования общества к профессионалу. Этика добродетели позволяет подчеркнуть неразрывную связь между некоторыми этическими свойствами личности представителя какого-то рода деятельности и его профессионализмом. Однако другие теоретические подходы позволяют сохранить связь профессиональной этики с моралью в целом (то есть с диктуемым ею заботливым и уважительным отношением к другому человеку). Что касается первых трех пунктов, то они выглядят убедительно только в том случае, если деонтологическая и консеквенциалистская этика воспринимаются

крайне схематизировано, а значит – искаженно. Например, кантианская деонтология определяет не только поступки, которые сами по себе являются недопустимыми, но и должные цели. В этой своей ипостаси, а также в связи с идеей уважения к нравственному закону, она, без сомнения, выступает как этика высоких устремлений. Консеквенциализм также оставляет значительное пространство для этики высоких устремлений, ведь именно внимание к широкому ряду последствий своей деятельности позволяет профессионалам «придавать первостепенное значение безопасности, здоровью и благосостоянию общества». Таким образом, основа профессиональной этики высоких устремлений может быть только синтетической. В ней базовое нормативное содержание морали должно выражаться и через комплексные личностные установки, и через принципы поведения, и через расчет и суммирование последствий.

Список литературы

1. Бакштановский В.И. Прикладная этика: лаборатория ноу-хау. Т.2. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2010.
2. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005.
3. Ленк Х. Размышления о современной технике. М.: Аспект Пресс, 1996.
4. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический проект. Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
5. Прокофьев А.В. Академическая этика как этика «высокой» профессии: уточненная локализация проблем // Прикладная этика как фронестика морального выбора / Вестник. Вып. 40. Под ред. В.И. Бакштановского, В.В.

Новоселова. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2012. С. 126–140.

6. ASCE Code of Ethics (2006) // URL:<http://www.asce.org/leadership-and-management/ethics/code-of-ethics> (дата обращения: 12.04.2014).

7. Bowen W.R. Engineering Ethics: Outline of an Aspirational Approach. L: Springer-Verlag, 2009.

8. Brauer C.S. Just Sustainability? Sustainability and Social Justice in Professional Codes of Ethics for Engineers // Science and Engineering Ethics. 2013. Vol. 19. P. 875–891.

9. Corey G, Schneider Corey M., Callanan P. Issues and Ethics in the Helping Professions. Belmont, CA: Tomson, Brook-Cole, 2007.

10. ENGC Guidelines for Institution Codes of Conduct (2007) // URL: <http://www.engc.org.uk/engcdocuments/internet/Website/Guidelines%20for%20Institutions%20Codes%20of%20Conduct.pdf> (дата обращения: 12.04.2014).

11. Harris C.E. «Welfare» vs. «Social Justice»: How Should Aspirational Ethics Be Formulated? // Twentieth Anniversary Annual Meeting. Association for Practical and Professional Ethics. March 3–6, 2011. URL: <http://appe.indiana.edu/files/5713/5274/2705/2011AbstractFinal.pdf> (дата обращения: 12.04.2014).

12. Harris C.E. Explaining Disasters: The Case for Preventive Ethics // IEEE Technology and Society Magazine. 1995. Vol. 14. № 2. P. 22–27.

13. Harris C.E. The Good Engineer: Giving Virtue its Due in Engineering Ethics // Science and Engineering Ethics. 2008. Vol. 14. P. 153–164.

14. Harris C.E., Pritchard M.S., Rabins M.J. Engineering Ethics: Concepts and Cases. Belmont, CA: Wadsworth, Cengage Learning, 2009.

15. Michelfelder D., Jones S.A. Sustaining Engineering Codes of Ethics for the Twenty-first Century // Science and Engineering Ethics. 2013. Vol. 19. P. 237–258.

16. NSPE Code of Ethics for Engineers (2003) // URL:<http://www.nspe.org/resources/ethics/code-ethics> (дата обращения: 12.04.2014).

17. RAENG Statement of Ethical Principles (2007) // https://www.raeng.org.uk/societygov/engineeringethics/pdf/Statement_of_Ethical_Principles.pdf (дата обращения: 12.04.2014).

18. Ross A., Athanassoulis N. The Social Nature of Engineering and Its Implications for Risktaking // Science and Engineering Ethics. 2010. Vol. 16. P. 147–168.

19. Schmidt J.A. Changing the Paradigm for Engineering Ethics // Science and Engineering Ethics. (forthcoming, published online: 2013).

20. Vesilind P.A., Gunn A.S. Hold Paramount: The Engineer's Responsibility to Society. Belmont, CA: Wadsworth, Cengage Learning, 2011.

А.А. Сычев

УДК 179.3

Экологическая ответственность инженера*

Аннотация. В статье рассматривается трансформация моральной ответственности инженера. Выделяется три этапа ее развития. Показывается, что инженерная этика XIX в. не нуждалась в каких-либо принципах или кодексах, так как она сама по себе была деятельностным выражением моральных воззрений Нового времени и практическим воплощением этики ответственности. В XX в. моральная основа инженерной деятельности перестала казаться самоочевидной. Стало понятно, что техника способна использоваться и в явно аморальных целях. Для решения проблем потребовались особые принципы и нормы, которые стали активно разрабатываться инженерными сообществами с начала XX столетия. На рубеже XX – XXI вв. инженерная этика сливается с этикой экологической.

Ключевые слова: инженерная этика, экологическая этика, ответственность, техника, кодекс.

Инженерная деятельность как этика ответственности

А. Макинтайр пишет, что специфика любой культуры, так же как особенности драматической постановки, определяется набором ее характеров. Характер в этом контексте понимается как особый вид социальной роли, который накладывает на личность четкие моральные ограничения. В деятельности представителя того или иного характера отображаются специфические ценностные установки и по-

---

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Этика экологической ответственности: теоретические и прикладные аспекты» (грант Президента РФ МД-3512.2013.6).

зиции, за которыми, в свою очередь, стоят сложные метафизические доктрины и теории. Каждый характер – например, университетский профессор, исследователь, менеджер – является уполномоченным моральным представителем своей культуры. «Характеры, – заключает Макинтайр, – это маски, которые носят моральные философы» [9, 142].

Для европейской культуры XIX века инженер – это ключевой характер, в деятельности которого отражены основные морально-философские установки Нового времени: рационализм и эмпиризм, вера в социальный прогресс и преобразовательную силу науки, технологический оптимизм. В сущности, с начала промышленной революции именно инженерная деятельность рассматривалась в качестве движущей силы социального прогресса и основного способа достижения общего блага. С этой точки зрения профессия инженера имеет особый моральный смысл. В отличие от многих профессиональных этик, которые пытаются регулировать деятельность специалистов извне, инженерная этика является конституирующим элементом профессии и основой самоопределения специалиста.

Инженерная этика в эпоху своего становления не нуждалась в каких-либо принципах или кодексах, так как она сама по себе была деятельностью, выражением моральных воззрений Нового времени и практическим воплощением этики ответственности в том смысле, который придавал этому М. Вебер: «Глубиннейшая противоположность существует между тем, действуют ли по максиме этики убеждения — на языке религии: “Христианин поступает как должно, а в отношении результата уповает на Бога”, или же действуют по максиме этики ответственности: надо расплачиваться за (предвидимые) последствия своих действий» [8, 697].

Этика ответственности, в отличие от этики убеждения, не предполагает достижения «царства божия» в по-

тустороннем мире, а всецело ориентирована на достижение блага в реальном мире и реалистичными средствами. Она ставит перед собой цели не духовного, а материального развития – улучшения качества жизни, комфорта, безопасности. В сущности, цели этики ответственности в интерпретации Вебера и инженерной деятельности совпадают. В этом отношении работа инженера выражает ценности и моральные установки эпохи так же, как проповеди священника отображали положения этики убеждения.

В этике ответственности существует ряд положений, определивших характер всей европейской культуры в целом. Прежде всего, это касается отношения к природе. Протестантская этика стала уникальным сплавом различных моральных ценностей, норм и добродетелей, заложивших основания для специфического образа жизни, основанного на бережливости, упорном труде, самоограничении – своеобразной «мирской аскезе». Вебер предлагал рассматривать её как «систематически разработанный метод рационального жизненного поведения, целью которого было преодоление *status naturae*, освобождение человека от иррациональных инстинктов, от влияния природы и мира вещей и подчинение его жизни некоему планомерному волеию, а его действий – постоянному самоконтролю и проверке их этической значимости» [7, 91].

Представление о том, что путь к нравственному совершенствованию лежит через покорение, порабощение природы является одной из сквозных идей этики Нового времени. В понятие «природа» при этом включается как окружающий мир, так и биологическое начало в человеке. Соответственно, и инженерная деятельность трактуется в координатах морали как освобождение от природной зависимости: как триумф разума над чувствами, инноваций над традициями, искусственного над естественным, механического над органическим, общественного над общин-

ным. Наука Нового времени отказалась от представлений о природе как о «священном храме»; человека стали описывать в виде активного субъекта, а природу – в качестве бесчувственного объекта изучения, препарирования и укрощения ради удовлетворения потребностей человека в познании. В отношении результата такого взаимодействия наука была оптимистична – выпытав у природы ее тайны, общество должно было употребить полученные знания и ресурсы для удовлетворения своих растущих материальных потребностей.

Для обустройства общества на разумных началах человечеству было необходимо оставить позади традиционные нормы, обычаи и практики, как оковы, препятствующие движению вперед. Циклические, природосоразмерные ритмы доиндустриальной жизни, которые были ориентированы на прошлое как на образец, должны были смениться тщательно просчитанными стратегиями прямолинейного поступательного развития. Экономический рост из инструментальной ценности превратился в самостоятельную цель, а эффективность стала основным ориентиром промышленной деятельности. Общественный прогресс мыслился в виде нескончаемого процесса духовного совершенствования, неизменно сопряженного с одновременным повышением количества и качества материальных благ. Однозначно позитивной ценностью и единственно возможным способом существования человеческого общества было признано безграничное техническое и экономическое развитие. Его лейтмотивом стало стремление выйти за пределы всяких ограничений – завоевывать, покорять, раздвигать пространственные и временные границы; любая остановка на этом пути приравнивалась к катастрофе.

Необходимые инструменты для экономической и технической экспансии человечеству предоставила инженерная деятельность. Она стала основой экономического,

технического, социального развития, движущей силой научных исследований, условием сохранения материального благополучия для населения ряда регионов планеты. Совершенствование техники повысило производительность труда и подняло комфортность бытовой жизни до уровня, который ранее был доступен лишь немногим избранным. Индустриализация позволила человеку обеспечить относительную экономическую стабильность и гарантировать нуждающимся социальную защиту. Следствием этого стало снижение вероятности крупных эпидемий, падение уровня детской смертности, быстрый рост средней продолжительности жизни и т.д.

Помимо повышения уровня жизни, индустриализация привела и к другим изменениям – в характере труда, структуре общества, образе жизни, системе моральных ценностей. Прежде всего, она предоставила современному человеку широкий диапазон возможностей для выбора и самоопределения. Если в доиндустриальную эпоху человек большую часть времени был занят заботой об элементарном выживании, то промышленная цивилизация предоставила ему значительное количество свободного времени, которое можно употребить для отдыха и самосовершенствования: учебы, творческих занятий, гражданского самовыражения. В этом отношении саму инженерную деятельность можно рассматривать как инновационную творческую деятельность, особый род искусства.

Как бы ни идеализировали некоторые защитники окружающей среды образ жизни традиционных сообществ, их нравы и близость к природе, нельзя не согласиться с утверждением, что «в действительности жизненные стандарты в них были крайне низкими, работа – грубой, социальные роли – жестко предопределенными» [3, 7]. Инженерия позволила обществу избавиться от серьезных проблем, явившись адекватным ответом на общественные запросы, выражавшие стремление большинства населе-

ния к повышению как качества жизни, так и уровня свободы. Сегодня человечество настолько далеко ушло по пути технического развития, что его возвращение к традиционному образу жизни представляется маловероятным.

Оборотная сторона техники

Индустриализация (как, впрочем, и любые другие масштабные перемены, ведущие к разрушению привычного уклада жизни) подвергалась критике уже на самых ранних этапах осуществления промышленной революции. Однако до определенного периода антииндустриальные настроения были маргинальными и бессистемными. Они выражали ностальгию по идеализированному естественному состоянию и утраченной гармонии с природой (романтизм в искусстве), защиту интересов сельскохозяйственного производителя (физиократизм в экономике), или же реакцию людей, непосредственно пострадавших от резких социальных перемен (луддизм, призывавший к разрушению машин). В целом же господствующие представления Нового времени о возможных последствиях индустриализации и покорения природы были вполне оптимистичными, а возникающие в этом процессе трудности казались временными и – в перспективе – вполне разрешимыми.

До определенного периода казалось, что эти надежды оправданы. Многие негативные моменты индустриализации (чрезмерная эксплуатация рабочих, однообразие и монотонность труда) были упразднены в ходе развития инженерного дела, автоматизировавшего и облегчившего производственный процесс. Но к XX веку четко проявились не только положительные моменты, связанные с ростом благосостояния, но и негативные тенденции в различных сферах общественного сознания – в морали, религии, искусстве. Стало очевидным, что уровень духовного развития человека не соответствует уровню его материальных возможностей. Всё чаще начали раздаваться предос-

тережения, обращающие внимание общества на опасные симптомы духовного кризиса, проявившиеся в ходе промышленного развития. Многие мыслители указали на то, что промышленная цивилизация, проповедующая рациональный, технократический подход к обществу, фактически дегуманизирует человеческие отношения. Н.А. Бердяев писал, что техника подменяет цели жизни ее средствами и орудиями: «Жизнь перестает быть органической, теряет связь с ритмом природы. Между человеком и природой становится искусственная среда орудий, которыми он пытается подчинять себе природу... Человек окончательно удаляется от природы в процессе технического овладения природой и организованного властвования над ее силами. Организованность убивает органичность. Жизнь делается все более и более технической. Машина налагает печать своего образа на дух человека, на все стороны его деятельности» [6, 168].

Массовое производство закономерно привело к нарастанию однообразия, унификации воззрений, вкусов, ценностей. В индустриальную эпоху отношения между людьми формализуются, становятся механическими и обезличенными. Сами люди все чаще рассматриваются не как цели сами по себе, а как объекты манипулирования в идеологических или коммерческих целях. В итоге подавление природного начала низводит человека на уровень средства, критерием использования которого является только экономическая эффективность или политическая целесообразность.

Моральная основа инженерной деятельности перестала казаться самоочевидной. Стало понятно, что техника способна использоваться и в явно аморальных целях, не только во имя созидания и прогресса, но и в целях разрушения. Кроме того, усложнение техники и усиление технологической мощи привели к увеличению количества и масштаба техногенных катастроф. Для решения проблем

потребовались особые принципы и нормы, которые стали активно разрабатываться инженерными сообществами с начала XX столетия. У появившихся этических кодексов было несколько основных целей: они были призваны более четко определить контуры инженерной ответственности, ограничить определенные действия моральными рамками, отрегулировать отношения инженера к работодателю и клиентам и, наконец, восстановить пошатнувшееся доверие общества к специалистам.

К середине XX века, однако, обнаружились еще более серьезные проблемы, связанные с отношением человека и окружающей среды. Ценности, основанные на узко понимаемой выгоде, пользе, удовольствии, оказались несовместимыми с задачами поддержания систем жизнеобеспечения планеты. Традиционные нормы морали обнаружили свое бессилие в ситуации трансформации ответственности, когда человек оказался в ответе не только за своих близких, но и за благополучие жителей других стран, представителей будущих поколений, природы в целом. Общество показало свою неспособность контролировать вызванную им к жизни промышленную мощь, поставив жизнь и благополучие человека в прямую зависимость от машин и технологий.

Стало очевидно, что между потребностью в экономическом росте и желанием сохранить природу возникли глубокие, фактически неразрешимые противоречия. Оказалось, что самые серьезные недостатки промышленной цивилизации невозможно устранить техническими средствами, так как они являются закономерным продолжением ее преимуществ, их неотъемлемой стороной. Более того – эти преимущества кратковременны, в то время как негативные следствия индустриализации проявляют тенденцию к росту и накоплению, что в долгосрочной перспективе грозит перечеркнуть все возможные достоинства. Ф. Энгельс в этой связи предупреждал: «Не будем, однако,

слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь, совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых» [13, 495].

Дегуманизация общества сопровождается нарастающим отчуждением человека от природы. Человек – часть природы, а природа в каком-то смысле – часть человека (как «неорганическое тело», которым живет человек), поэтому отчуждение человека от всего своего природного окружения является следствием дегуманизации. Не случайно отчуждение от природы разворачивается по сценарию, похожему с процессом отчуждения от человека: природа становится объектом манипулирования, а объекты и связи природного мира рассматриваются не с органических, а с механистических позиций, в результате чего сложные и взаимозависимые биологические и экологические системы анализируются как простейшие механизмы. Следствием этого упрощенного взгляда на природу являются некомпетентные инженерные решения о масштабном вмешательстве в окружающую среду, не подкрепленные этико-экологическим анализом долгосрочных последствий этих вмешательств. Таким образом в индустриальном мире происходит обесценивание не только человеческого, но и природного: и то, и другое легко приносится в жертву ради увеличения прибыли и стабильного роста производства.

Непрерывный рост производства предполагает непрерывный рост потребления. На смену протестантской этики аскетизма, самоограничения приходит совершенно противоположная ей по духу идеология консьюмеризма, приобретательства, расточительности и зависимости от вещей и моды. По словам Э. Фромма, в XX веке «Евангелие от труда» утратило свое влияние, главным стало

“Евангелие от продажи”» [12, 75]. Переориентация человеческой жизни на рыночные цели привела к ситуации, когда мерилom достоинства человека становятся не его способности, а количество материальных благ, которыми он обладает: важнее становится не «быть», но «иметь». По мере индустриального развития потребление становится основным содержанием и целью жизни, оказывая влияние не только на экономику, но и на все другие сферы общественной жизни.

Большинство защитников окружающей среды полагают, что в основе современного экологического кризиса лежит именно признание ориентации на удовлетворение потребностей приоритетом человеческой деятельности. В этих условиях противоречия между требованиями практичности, эффективности, с одной стороны, и устойчивости – с другой, становятся важным объектом для этической рефлексии: «Дилемма “экологичность versus практичность”... предлагает инженерам в своей профессиональной жизни отвечать, среди прочего, и на вызовы фундаментально философского, а подчас даже и религиозного значения» [11, 21].

Экологическая ответственность в современных условиях

В центре анализа современных экологических проблем находится дилемма «устойчивость – развитие», которая воспроизводит в более широком контексте дилемму инженерной этики «экологичность – практичность». С одной стороны, экономическое развитие требует ресурсов: нефти, атомной энергии, заводов, новых дорожных коммуникаций. С другой стороны, это ведет к увеличению уровня рисков и деградации окружающей среды. Поэтому, например, считается само собой разумеющимся, что в ходе принятия стратегических решений о «развитии», природозащитники и инженеры находятся по разные стороны баррикад, отстаивая взаимоисключающие интересы природы

и повышения качества жизни человека, в особенности наименее защищенных слоев.

Однако при рассмотрении данных о качестве жизни в динамике выясняется, что в действительности развитие промышленности сопровождается резким увеличением уровня социального неравенства. В условиях индустриализации человек фактически низводится до уровня товара. Развитие идет по классической схеме: чем больше продукции он производит, тем беднее он становится и тем богаче становится владелец средств производства. В этом смысле можно говорить о том, что форсированное промышленное развитие ускоряет процесс имущественного расслоения, порождая одновременно крайнюю нищету и чрезмерную бедность.

Самые обездоленные не только не получают ожидаемых выгод, но все чаще оказываются потерпевшими от деградации окружающей среды. В тех районах, где проживают люди с низким доходом или представители национальных и расовых меньшинств, как правило, экологическая обстановка не только оставляет желать лучшего: именно здесь наблюдаются самые высокие профессиональные риски, концентрируются «грязные» производства и свалки токсических отходов. Фактически социальные низы платят ухудшением своего здоровья и качества жизни за форсированное экономическое развитие и увеличение доходов отдельных представителей элиты. С этой точки зрения, меньшинства и люди с низким доходом являются такими же жертвами деградации окружающей среды, как вымирающие виды или исчезающие экосистемы.

На макроуровне индустриализация приводит к не менее стремительно увеличивающемуся неравенству между доходами, уровнем жизни промышленных и развивающихся стран. Если до промышленной революции средний доход населения в Европе превышал аналогичный показатель в Азии или Африке максимум на треть, то сейчас он

превышен более чем в пятьдесят раз [4, 77]. При этом высокий уровень жизни в развитых странах продолжает поддерживаться за счет чрезмерной эксплуатации ресурсов развивающихся стран. Увеличивающееся социальное неравенство практически нивелирует тезис о достижениях индустриализации в экономической сфере. Это значит, что у инженерной этики и экологической этики есть не только точки пересечения. В некоторых вопросах, таких как экологическая справедливость, они едины.

В современных условиях дилемма «практичность – экологичность» теряет свое значение для этики. Инженерная этика сливается с этикой экологической: «Можно предположить, что в случае с профессией инженера уже произошел выход человеческих действий и отношений за традиционные пределы антропоцентристской сферы с присущими ей добродетелями и наглядностью их проявления, возникла мощная экотехносфера, зародился технозос, природу которого еще предстоит уяснить усилиями специалистов различного профиля» [2, 4-5].

Поскольку теоретические основания для анализа новой ситуации не разработаны, специалисты пытаются восходить к теории от конкретных случаев. Основным жанром работ по инженерной этике сегодня – это анализ ситуации (кейс-стади). Если рассмотреть многочисленные исследовательские и учебные кейсы в публикациях и учебниках по этике инженера, выяснится, что сегодня большая часть крупномасштабных проблем, связанных с инженерной деятельностью, имеет прямое или косвенное отношение к экологическим вопросам. В числе анализируемых проблем – аварии на химическом заводе Union Carbide в Бхопале в 1984 г., на атомных электростанциях в Чернобыле в 1986 г. и Фукусиме в 2011 г., масштабные разливы нефти из-за крушения танкера Eххон Valdez у побережья Аляски в 1989 г., военных действий в Персидском заливе в 1991 г. и аварии на нефтяной платформе компании British Petroleum

в Мексиканском заливе в 2010 г. Эти и подобные им катастрофы продемонстрировали, насколько серьезный ущерб природе и человеку могут нанести пренебрежение безопасностью и недостатки проектирования.

В отечественной литературе также имеются анализы ряда случаев, находящихся на стыке инженерной и экологической этики. Их примером может служить очерк Р.Г. Апресяна о Химкинском лесу [1]. Обширный материал по проблеме представлен в сборнике «Этика и экология», где рассматриваются ситуации с реками Свияга и Амур, озером Байкал, Керченским проливом и т.д. [14]. Здесь отделить инженерную этику от собственно экологической также не всегда представляется возможным.

Необходимо отметить, что важнейшая особенность аварий, стоящих в центре рефлексии инженерной этики, – не в том, что они находятся в числе самых масштабных техногенных катастроф в истории, а в том, что они являются звеньями в серии однотипных случаев. Анализ катастроф показывает, что наращивание и аккумуляция промышленных рисков стали закономерным продуктом индустриализации. Опасности, угрожающие современному человеку, – не только следствие локальных решений, ошибок отдельных людей или определенного стечения обстоятельств. Их причиной является индустриализация, поставившая человечество в ситуацию, в которой риски становятся обыденностью, а ошибки – неизбежностью.

У. Бек пишет, что современные риски отличаются «глобальностью своей угрозы (человеку, растительному и животному миру) и современными причинами своего возникновения. Они в общем и целом продукт передовых промышленных технологий, и с их дальнейшим совершенствованием будут постоянно усиливаться» [5, 24]. Самые серьезные риски являются следствием развития таких сложных промышленных систем как атомная энергетика, химическое производство, биотехнология и т.д. Непред-

сказуемые, не воспринимаемые органами чувств, риски (радиация, отравленная химикатами атмосфера) окружают человека со всех сторон, фактически определяя ожидания и ценностные ориентации современного общества. В подобных условиях нормативным идеалом становится не равенство, не благополучие, а безопасность. Иными словами, приоритетной сегодня становится ориентация не на то, как добиться лучшего, а как избежать худшего.

Как следствие «инженерная этика в обществе риска из сугубо профессиональной превращается в прикладную, включая в свое предметное поле – наряду с вопросами профессионального совершенствования и обязательствами перед коллегами и работодателями – вопросы социальной ответственности, собственно и удостоверяющие ее прикладной характер» [10, 91].

Экологическая ответственность в обществе риска была осознана как важная часть социальной ответственности инженера в конце XX в., что нашло свое отражение в современных кодексах инженерной этики. Первое положение, которое имело отношение к окружающей среде, появилось в кодексе Американского сообщества инженеров-строителей (ASCE) в 1977 году. Оно гласило: «Инженеры должны принять на себя обязательства по улучшению состояния окружающей среды ради повышения качества жизни человека». Постепенно, в соответствии с требованиями времени, в кодекс были включены новые положения, имеющие отношение к экологической проблематике. Большая часть этих положений появились на волне интереса к проблеме устойчивого развития в 1980-х гг. В нынешнем варианте кодекс требует, чтобы инженеры прилагали все усилия для реализации принципов устойчивого развития, информировали своих клиентов и работодателей о возможных последствиях игнорирования этих принципов, сообщали в соответствующие органы обо всех случаях нарушения принципов и сотрудничали с этими орга-

нами для принятия решения. Кодекс также рекомендует инженерам пользоваться всеми возможностями для защиты окружающей среды и принимать на себя обязательства по улучшению её состояния в соответствии с принципами устойчивого развития ради улучшения качества жизни [15]. Похожие положения присутствуют и в других кодексах инженерной этики как за рубежом, так и в России.

Большая часть новых инженерных принципов сегодня появляется в виде реакции на крупные техногенные катастрофы. Типичным примером такого документа являются «Принципы Цереры». Они были разработаны и добровольно приняты рядом нефтяных компаний после крушения Exxon Valdez. Эти принципы включают в себя защиту биосферы, устойчивое использование природных ресурсов, снижение количества отходов и их устранение, экономию энергии, снижение рисков, безопасность продуктов и услуг, восстановление окружающей среды, информирование общественности, ответственное управление, подотчетность [16]. Необходимо отметить, что этот и подобные ему документы выдвигают требования, которые выходят за рамки требований закона. Их цель – предупредить возможные катастрофы в будущем в условиях отсутствия четкого знания о возможных рисках. Корпорации в данном случае хорошо осознают, что профилактика обходится дешевле лечения, а самой гибкой формой профилактики являются этические принципы, провозглашенные в добровольно принятых нормативных документах.

Сегодня инженер не может быть противником природоохранных действий, если он хочет оставаться в пространстве морали; ответом на современные вызовы должна стать интегральная *инженерно-экологическая* этика. Только в случае принятия на себя ответственности и за человека, и за окружающую среду инженер может вновь стать ключевым характером современной культуры и вернуть статус ее уполномоченного морального представителя.

Список литературы

1. Апресян Р.Г. Борьба за Химкинский лес. Ситуационно-аналитический очерк. www.econet.mrsu.ru/id9/post/151.
2. Бакштановский В.И., Новоселов В.В. Моральные дилеммы и мировоззренческое напряжение профессии инженера // Этика инженера: через понимание к воспитанию. Ведомости прикладной этики. Вып. 42 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2013. С. 5.
3. Барбур И. Этика в век технологии. М.: ББИ, 2001.
4. Бауман З. Возвышение и упадок труда // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 77-86.
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
6. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.
7. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2006. 656 с.
8. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
9. Макинтайр А. После добродетели. М.: Академический проект. 2000.
10. Рогожа М.М. Инженерная этика в обществе риска // Этика инженера: через понимание к воспитанию. Ведомости прикладной этики. Вып. 42 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2013. С. 87-96.
11. Согомонов А.Ю. Этика инженера – гибкий свод моральных практик // Этика инженера: через понимание к воспитанию. Ведомости прикладной этики. Вып. 42 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2013. С. 14-27.

12. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. 415 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 20. М.: ГИПЛ, 1961. 826 с.
14. Этика и экология / Под ред. Р.Г. Апресяна. В. Новгород: МИОН, 2010. 368 с.
15. ASCE Code of Ethics // <http://www.asce.org/Leadership-and-Management/Ethics/Code-of-Ethics/>
16. Ceres Principles // <http://www.ceres.org/about-us/our-history/ceres-principles>.

Р.Г.Апресян

УДК 17.01 + 17.02 + 174К

Инженерная этика перед дилеммой индустриализма и постиндустриализма

Аннотация. Само по себе постиндустриальное общество не меняет конфигурацию инженерной этики. К тому же вызов постиндустриализма все менее актуален для современной России; впору думать о минимизации потерь от деиндустриализации – процессов, которые идут в России уже более двух десятилетий. Однако независимо от этого в современном обществе формируется новая модальность мышления, гораздо обостреннее переживающего, наряду с технологическими, экологическими и гуманитарными рисками. В той мере, в какой они обусловлены рисками, таящимися в использовании современных технологий, они оказываются предметом расширяющейся нравственной компетенции инженера.

Ключевые слова: инженерная этика, постиндустриальное общество, постсовременное общество, деиндустриализация, социальная ответственность, этика профессий.

Профессия инженера массова и разнообразна. В широком смысле слова, инженерная деятельность включает в себя изобретение и создание (а также поддержание и совершенствование) материалов, продуктов, устройств, систем на основе научного знания и с использованием техники. Очевидно, что спектр функциональных обязанностей и компетенций внутриинженерной деятельности чрезвычайно широк. Так что если и можно говорить о *специальных нормах* инженерной этики (а предположение об их целесообразности по-прежнему не кажется мне убедительным [1, 62–63]), то их возможный инвариант, релевантный всему разнообразию инженерных профессий, доволь-

но узок, и его нормативное содержание – неизбежно довольно общо.

Обычно речь идет о социальной, профессиональной и корпоративной ответственности. Профессиональная этика актуализирует социальную ответственность инженера: инженер должен заботиться о безопасности, здоровье и благополучии общества и граждан, содействовать хорошей репутации своей профессии, соблюдать корпоративную лояльность. Иными словами, перед инженером ставится задача – в работе с техникой и технологиями помнить о социальных эффектах их применения и стремиться к минимизации возможных рисков для людей и общества от их использования. Независимо от общественных условий, на инженере лежит нравственная и профессиональная обязанность использовать знания и умения для улучшения качества жизни людей и общества, быть добросовестным в отношениях с партнерами, коллегами и подчиненными, делать все возможное для своего профессионального роста. При этом корпоративные соображения не должны перевешивать мотивы профессиональной добросовестности и заботу о благе общества [10, 16, 18, 19, 27, 33, 48, 50, 70–71, 87, 92–93].

Приводимые М.М.Рогожей (по С. Робертсону) добродетели инженера: добросовестность, открытость и честность, объективность, беспристрастность, компетентность, свобода действий и ответственность [7, 92], и приводимые мною (по одному из известных кодексов инженерной этики) правила инженерной деятельности в названной статье [1, 70–71] не несут в себе никакого специфического для инженерной деятельности нормативного содержания. К этому же выводу приходит А.Ю. Согомонов, анализируя эволюцию инженерной этики на протяжении предшествующего столетия: «Сегодняшние “инженерные каноны” чаще всего суть случайные и весьма приблизительные

реплики ценностей и норм этики гражданского общества» [8, 26].

Однако отсутствие и, по-видимому, нецелесообразность специальных этических норм, регулирующих инженерную деятельность, отнюдь не лишает смысла проект инженерной этики (в разных формах – направления исследования, области кодификации и образовательной дисциплины) как этического осмысления инженерной деятельности, анализа возникающих в процессе ее осуществления нравственных (этических) проблем и, конечно, создания нормативных документов (в том числе этических кодексов), фокусирующихся на инженерной деятельности. У инженерной деятельности, несомненно, есть этическая составляющая. Этическое значение инженерной деятельности обусловлено обеспокоенностью общества тем, чтобы инженерная деятельность и ее результаты в наибольшей степени отвечали общественным интересам и не создавали рисков для человека, общества и окружающей среды. Внимание к этическому содержанию инженерной деятельности призвано мобилизовать ценностную составляющую в мотивации инженерной деятельности.

Во введении редакторов к 42-му выпуску «Ведомостей прикладной этики» предложено проблематизировать этику инженера в сравнении индустриального и постиндустриального общества [2, 6]: меняется ли что-нибудь в профессии инженера и в этическом значении инженерной деятельности в постиндустриальном обществе по сравнению с индустриальным? В этой статье я бы и хотел остановиться на этом вопросе, принимая во внимание прошедший в 42-м выпуске обмен мнениями об инженерной этике.

В своем понимании постиндустриального общества я исхожу из классического, хотя во многом и перспективного, представления этого феномена, данного Даниелом Беллом в фундаментальном труде «Грядущее постинду-

стриальное общество». Согласно Беллу, это общество характеризуется преобладанием: а) в общественном производстве – сферы услуг над промышленной и сельскохозяйственной сферами; б) в структуре занятости – профессионалов и технических специалистов; в) фактора теоретических знаний – в новациях и формулировании политики; г) технологических оценок – в прогнозировании; д) «интеллектуальной технологии» – в принятии решений [3, 18].

Принимая во внимание черты постиндустриального общества (повышение в обществе удельного веса производства услуг в сравнении с производством продукции; расширение доли технических работников, в том числе технических работников высокой квалификации, в общественном производстве; усиление роли технологической аргументации в принятии решений), правомерно ли предполагать и неизбежные изменения в характере инженерной деятельности, а также, что важно, в характере ответственности (социальной и профессиональной) людей, ее выполняющих?

Если мы говорим об инженерной деятельности, то следует признать существенными изменения, касающиеся характера технических систем и их роли в обществе. Но является ли повышение роли технических систем в функционировании различных сфер общества, появление масштабных технических систем (от штатного функционирования которых зависит благополучие, а то и выживаемость людей) показателем постиндустриального общества? Отметим, что Белл, перечисляя характеристики постиндустриального общества, этот фактор не выделяет.

В современную эпоху возникли технические системы, от которых люди оказываются зависимыми даже тогда, когда эти системы не имеют к ним ни непосредственного, ни вообще какого-либо отношения; они оказываются зависимыми, даже проживая вдали от страны, на территории которой некая техническая система функционирует.

При упоминании таких систем в первую очередь вспоминаются атомные электростанции. Катастрофа, не сравнимая по масштабам и последствиям на Чернобыльской АЭС в 1986 году, авария на Фукусимской АЭС в 2011-ом. Чернобыльская авария произошла в результате грубых технических ошибок, допущенных при ее эксплуатации в режиме эксперимента. Причины аварии на Фукусимской АЭС – мощнейшие стихийные явления (землетрясение и цунами), выведшие из строя технические системы, обеспечивавшие работоспособность станции. Но радиационная авария могла бы быть меньшей или ее можно было бы избежать, во-первых, не допустить персонал станции ошибок в процессе ликвидации последствий стихийного бедствия, а во-вторых, при более высокой степени защиты технологической станции.

Впрочем, в современную эпоху происходят техногенные катастрофы, не связанные с эксплуатацией атомных электростанций.

Так, в 1984 году крупнейшая по количеству жертв авария произошла на заводе химических удобрений Юнион Карбайд в индийском городе Бхопал. Авария стала результатом нарушения техники безопасности, что, в свою очередь, явилось следствием допущенных грубых управленческих ошибок (владелец предприятия сэкономил на мерах по обеспечению технической безопасности).

Однако наличие АЭС, не говоря о заводах типа бхопальского Юнион Карбайд, не показатель постиндустриальной стадии развития того общества, на территории которого такого рода технические системы находятся или даже разработаны и произведены. Например, в России в настоящее время эксплуатируется 10 АЭС (на них установлено 34 энергоблока) и ведется строительство еще 5. Разработка и строительство АЭС требует значительного уровня развития науки и наличия высокотехнологического производства в рамках целой отрасли атомной промыш-

ленности. Тем не менее этого еще недостаточно для вывода, что российское общество находится на постиндустриальной стадии развития.

Эта стадия предполагает не только наличие отдельных высокотехнологических производств и превышающий половину валового внутреннего продукта (ВВП) объем сферы услуг. В России, по разным оценкам, доля сферы услуг составляет около 57 процентов, при доле промышленности в 36 процентов и сельского хозяйства – в 7 процентов. Определяющим для характеристики общества в качестве постиндустриального является качественная структура сферы услуг, как и качество промышленного и сельскохозяйственного производства. Снижение доли промышленности в объеме ВВП может быть результатом постиндустриальных тенденций в развитии экономики, но может быть и следствием регрессивной деиндустриализации, что и имеет место в современной России.

Все наукоемкое производство в России – наследие поступательной индустриализации эпохи СССР, научно-технологических программ 1950–1980-х годов. После развала СССР действительное технологическое развитие получила только топливно-энергетическая промышленность, добыча нефти и газа, экспорт которых занимает в структуре экспорта России до 85%. Этот показатель экспорта является типичным для доиндустриальных экономик. Если принять во внимание тенденции экономического развития страны (абсолютный рост значения добычи и экспорта природных ресурсов для поддержания национальной экономики и тенденции деиндустриализации, постепенный «уход науки» из производства; растущая научно-технологическая зависимость от импорта), то надо будет признать, что преобладающий вектор идущих в российском производстве изменений не свидетельствует об актуальности для России постиндустриальной повестки.

Белл, указывая на приоритетную роль услуг в ВВП, имел в виду широкую сферу деятельности – коммерцию (торговля, финансы), транспорт, коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание, здравоохранение, индустрию развлечений, науку, образование, управление. Существенным является то, что постиндустриальное общество, в отличие от индустриального общества (направленного на производство благ), «складывается вокруг знаний»; оно заинтересовано в новациях и переменах, а последние невозможны без активного развития научных знаний. «Каждое современное общество, – говорит Белл, – живет сейчас нововведениями» [3, 25].

Ориентация постиндустриального общества на производство знаний, роль научно-технических знаний в управлении обществом и вообще в функционировании его дает основание многим исследователям именовать его обществом знаний, или информационным обществом. Иными словами, дело не только в удельном весе сферы услуг в ВВП, но и в том, каково содержание предоставляемых услуг, насколько они наукоёмки, какую роль в них играет информация и научно-технологические новации. Именно благодаря росту роли знания, превращению науки (по ставшему крылатым у нас в свое время выражению Маркса) в «непосредственную производительную силу» [5, 215] и повышению технологической оснащенности производства, оказывается возможным сокращение сравнительной доли промышленности без снижения реального экономического потенциала. Основанная на передовых научно-технологических разработках автоматизация многих видов производственных работ и производств в целом ведет к кардинальному изменению качества труда и профессионализму рабочих, технических, инженерных кадров. Указывая на повышение доли работников умственного труда, профессионалов, Белл говорит об исключительной роли интеллектуалов, их определяющей значимости для

производства. Эти изменения опосредованы кардинальным ростом роли университетов, научно-исследовательских центров в производстве и управлении.

По таким структурным показателям, как наукоемкость производства, в том числе производства услуг, нет оснований для характеристики России в качестве постиндустриального общества. Более того, по сравнению с временами СССР эти показатели, начиная с 1990-х, неуклонно снижались. И наоборот, неуклонно рос удельный вес неквалифицированного и физического труда¹. При том, что темпы компьютеризации и распространения Интернета в России довольно высоки, степень внедрения в производственные процессы, государственное, муниципальное, корпоративное управление электронных средств коммуникации, передачи и хранения информации неудовлетворительно, и одним из детерминирующих факторов этого является образовательная и ментальная неподготовленность кадров, в первую очередь управляющих кадров.

Наряду с деиндустриализацией, в России активными темпами идет деинтеллектуализация многих видов производственной деятельности. В 1990-е годы в России фактически произошла девальвация высоких стандартов эрудиции, компетентности, профессионализма. Эти стандарты полностью изгнаны из медиасферы, в которой, наоборот, утверждаются в качестве приоритетных ценности бытового комфорта, консьюмеризма и меркантильности. Произошедшие в этом плане изменения при существующих условиях и возможностях образования уже можно признать необратимыми. Постепенно покидают сферу наибольшей трудовой активности высококвалифицированные рабочие, врачи, учителя, педагоги. Достойной им сме-

---

¹Доля работников, занятых в России тяжелым физическим трудом, выросла в 2007–2011 годы с 8 до 12 процентов [6]. Более детальные сведения по этим вопросам см. [19].

ны нет. В значительной мере это касается и инженерного корпуса.

Имея в виду эти российские реалии, интересно вновь посмотреть на то, как А.Ю. Согомонов рисует в названной работе перспективы инженерной деятельности в постсовременном обществе (как нередко обозначается то, что Белл называл «постиндустриальным обществом»). В качестве актуальных трансформаций А.Ю. Согомонов называет: а) принципиальное изменение социального и культурного контекста инженерной деятельности (компьютеризация разработок, дистантное проектирование и управление технологическими процессами); б) к тому же этот контекст становится этно – и культурно нейтральным (что негативно сказывается на «мотивационном потенциале профессиональной ответственности инженера»), но одновременно и поликультурным; в) уникальные возможности «для профессионального роста, переподготовки и постоянного образования»; г) благоприятные «условия мобильности, проживания и коммуникации»; д) *по-видимому*, изменчивость этических стандартов; е) острая потребность в широком научном и гуманитарном кругозоре; ё) включение инженеров в процессы «общественного проектирования и экспериментирования» с соответствующим расширением профессиональных обязанностей; ж) как следствие, расширение ответственности инженеров за сферу технологии: «инженер постепенно становится ответственным... за общественный прогресс в целом»; з) что ведет к переплетению инженерной этики с другими профессиональными этиками, в частности, с такими «постинженерными» «этическими эпистемами», как «цифровая этика», «этика антропогенных рисков» и т.д. [8, 22–23].

Из проведенного выше обзора современного социально-экономического состояния России следует: если и можно говорить о релевантности характеристик постиндустриального общества российским реалиям, то очень

условно, ограничивая эту релевантность лишь отдельными сегментами общественной реальности. Соответственно, лишь относительно уместными для российского контекста оказываются и те вызовы инженерной деятельности, которые так живо представил А.Ю. Согомонов. Это нужно иметь в виду, формулируя задачи образования будущих инженеров: на работу в каком обществе, в каких социально-экономических, культурных, когнитивных, административно-организационных реалиях нужно ориентировать будущих инженеров? По меньшей мере, на работу в обществе переходного типа, с продолжающимися дегенеративными социальными, экономическими, политическими процессами, на производствах не с самым прогрессивным оборудованием, с такой организацией труда, при которой сохраняются высокие риски производственного травматизма, порой с летальным исходом².

Я не случайно обратил выше внимание на то, что А.Ю. Согомонов использует термин «постсовременное общество», который нередко используется как синоним термина «постиндустриальное общество». Однако при допустимости их взаимозаменяемого использования, нельзя не заметить и определенные отличия в понятиях, этими терминами обозначаемых, или, по меньшей мере, в том, какие акценты делаются в тех новациях, которые имеют место в новом, народившемся или нарождающемся типе общества. Концепция постиндустриального общества указывает на те перемены, которые происходят в структуре общественного производства, в качестве человеческих ресурсов, обеспечивающих эффективность и успешность производства, в изменении состава факторов эффективности и успешности производства и оценки эффективности и успешности, в широком плане. Скажем, когда Белл

---

² Соответствующие российские показатели по этим параметрам превосходят показатели постиндустриальных стран в 3–4 раза (хотя и не смертельно плохи на общемировом фоне). См. [4].

разрабатывал свою концепцию постиндустриального общества, экологическая проблематика воспринималась как предмет тревоги, но проблематика окружающей среды не была тематизирована в терминах глобального потепления и изменения климата. Проблематика климата вообще еще не воспринималась в этических терминах, в отличие от нашего времени, когда состояние климата и естественные (физические и биохимические) процессы, определяющие изменения в нем, становятся фокусом политической и этической обеспокоенности и, стало быть, воспринимаются как предмет нравственной ответственности. По отношению к инженерам эта ответственность осознается особенно остро, поскольку инженеры – это профессионалы, имеющие дело с технологиями, а технологии не безосновательно рассматриваются как один из факторов риска для окружающей среды.

Не думаю, что характер нравственной ответственности инженера перед лицом вызовов общества постиндустриального иной, чем перед лицом тех реалий, в условиях которых чаще приходится работать российскому инженеру. Нравственная чувствительность к социально-ответственной составляющей инженерии может быть разной как в условиях индустриального, так и постиндустриального общества, и поэтому задача возбуждения этой чувствительности сохраняется в постиндустриальном обществе так же, как и в индустриальном; сам по себе переход от индустриального общества к постиндустриальному не сказывается на ее постановке и решении.

Но маркировка «постсовременное общество» (насколько она лексически удачна для русского языка, другой вопрос) указывает на состояние после-нового-времени, или состояние постмодерна (modernity, современности). Новейшее общество – это общество с другой модальностью мышления, гораздо обостренное переживающее, наряду с технологическими, экологические и гуманитарные

риски. В той мере, в какой эти риски обусловлены рисками, таящимися в использовании современных технологий, они оказываются предметом расширяющейся нравственной компетенции инженера.

Список литературы

1. *Апресян. Р.Г.* Параметры и контекст инженерной этики // *Этика инженера: через понимание к воспитанию / Ведомости прикладной этики. Вып. 42 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013.*
2. *Бакштановский В.И.* Моральные дилеммы и мировоззренческое напряжение профессии инженера // *Этика инженера: через понимание к воспитанию. // Ведомости прикладной этики. Вып. 42 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013.*
3. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер с англ. Изд. 2-ое, испр. и доп. М.: Academia, 2004.
4. *Кузнецов А.* Производственный травматизм // *Экономика и мы. Народная экономическая газета* [дата публикации неизвестна, не ранее 2007 года], <http://economicsandwe.com/doc/2292/>.
5. *Маркс К.* Экономические рукописи 1856–1857 годов // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. М.: Политиздат, 1969.*
6. Результаты мониторинга: состояние условий труда в Российской Федерации, ВНИИ охраны и экономики труда Минтруда России, <http://www.vcot.info/>.
7. *Рогожа М.М.* Инженерная этика в обществе риска // *Этика инженера: через понимание к воспитанию // Ведомости прикладной этики. Вып. 42 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013.*
8. *Согомонов А.Ю.* Этика инженера – гибкий свод моральных практик // *Этика инженера: через понимание к*

воспитанию / Ведомости прикладной этики. Вып. 42 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013.

9. Труд и занятость в России. 2013: Статистический сборник / Ред. К.Э. Лайкам. М.: Росстат, 2013.

10. Этика инженера: через понимание к воспитанию. // Ведомости прикладной этики. Вып. 42 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013.

А.Ю. Согомонов

УДК 174.7

Этические стратегии в инженерной профессии

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы этического поиска в современной инженерной профессии. Ответственность выступает стержневой категорией инженерной этики, однако нет единого понимания ответственности. Модель моноцентрической ответственности периода простого индустриализма в эпоху постиндустриального капитализма была заменена моделью полицентрической ответственности. Кроме того в настоящее время ситуация осложнена тем, что инженеру все труднее определиться с тем, на какую этическую теорию ему все же опираться. И он уходит в лоно этического эгоизма, где моральные основания профессии перестают быть жесткими и становятся все более рефлексивными и сбалансированными.

Ключевые слова: моральная ответственность, моноцентрическая и полицентрическая модели ответственности, этический эгоизм.

*Меня всегда расстраивает, когда,
выступая по вопросам общественным,
я оказываюсь против тех, кого иногда из
чувства уважения, а иногда и попросту в
шутку, именуют филантропами.*

Джон Стюарт Милль

Прикладная этика в XX столетии претендовала на моральную рефлексию социокультурной динамики, прежде всего смыслов жизни и смерти: аборт и эвтаназия, смертная казнь и пытки, генная инженерия и биотехнологии, бедность и эксплуатация, природные риски и разрушение окружающей среды, качество жизни и неравенство,

и т.д. Даже в тех случаях, когда она касалась каких-то иных и весьма отдаленных от витального состояния человека вопросов, все равно ее моральная оптика предполагала такую референциальную рамку, которая радикальным образом противопоставляет *достоинство жизни* *бесмысленности смерти*.

Можно сказать, что в целом моральная философия в ее прикладных версиях оппонировала религиозной этике, позволяя себе декартовское сомнение по большинству из смысложизненных вопросов. При этом она так и не заняла раз и навсегда антиклерикальные позиции. Но то, что она «позволила» обсуждать эти вопросы публично, допуская церковь лишь в качестве одной из спорящих сторон, как будто бы игнорируя ее «высший» культурный авторитет, по сути, означало исторический конец этического традиционализма в ареале западной цивилизации. Нет более фундаментальных моральных истин, на которых зиждется всё мироздание практической этики, и без которых никакое нравственное суждение не обретает необходимой ему валидности и весомости.

Обновленная моральная философия, как кажется, в прошлом столетии обрела важное качество *чистого метода* нравственного познания в массовом «обществе знаний», и такой этический разворот в глобальной культуре оказался на руку в первую очередь именно профессиональным этикам.

Динамика этического мышления в инженерной профессии

Сегодняшние условия, в которые поставлен инженер, существенно отличаются от тех, в которых около 150 лет назад зарождалась инженерная профессия. Тогда профессиональная деятельность инженера преимущественно ограничивалась договорными отношениями с работодателями и правом, с одной стороны, национальными традициями и христианской этикой – с другой. Его не очень за-

ботили вопросы справедливости и честности, открытости и публичности, ответственности перед глобальным человечеством и будущими поколениями, окружающей средой и планетой в целом. Точнее, он, конечно же, мог об этом задумываться, но в своей профессиональной деятельности оглядывался на всё это далеко не в первую очередь, оставляя на суд академических и университетских ученых вопросы научной и технологической этики.

Не случайно, видимо, первые инженерные этические кодексы не выходили за рамки ответственности инженеров перед собственниками и акционерами. И в известном смысле ограничивали нравственные скрепы профессии долгом по отношению к работе как таковой (*правильное исполнение профессиональных обязанностей*). Надо помнить при этом, что концепция профессионального долга подпитывалась традиционной трудовой моралью и – более широко – протестантской «этикой призвания»¹. И если довериться её веберовской интерпретации, то она предполагала, прежде всего, ответственность человека перед профессией=делом, которому инженер биографически служит. Это служение происходило на протяжении всего жизненного пути человека, а межпрофессиональные перемещения в те времена были чрезвычайно редкими. «Экстраделовое» служение ограничивалось преимущественно малым социальным кругом ближнего окружения – семья, религиозная община, городская коммуна. И они, очевидно, весьма незначительно влияли на моральную концепцию профессии.

Современный инженер нравственно «повязан» бук-

---

¹ Возможно, это и объясняет то, что первые этические кодексы инженеров появляются именно в протестантских странах, а значительно позднее были распространены и в других регионах западного мира, причем чаще как просто отредактированные реплики протестантских оригиналов. Об историческом пути инженерных кодексов см. [1].

важно со всех сторон. И социальной ответственностью бизнеса, и доктриной рискованного менеджмента, и глобальной ориентированностью, и корпоративными кодексами, а еще – гражданской толерантностью, сбережением планеты, уважением к правам человека и политической корректностью. *Моноцентрическая ответственность инженера* эпохи индустриальной революции в конце прошлого столетия сменилась *полицентрической*. И это – не просто смена профессиональной парадигмы, а новая веха в культурной истории инженерной профессии. Служение профессии сегодня отнюдь не отменяется, но ставится в более жесткую зависимость от служения социуму, природе и культуре в целом (*правильная работа*). А это – и ценностный, и нормативный конфликт одновременно [4].

Инженер с полицентрической ответственностью, разумеется, лишь частично, то есть уже не полностью, разделяет кредо инженерной профессии столетней давности и поэтому ориентирует самого себя и призывает своих коллег к более взвешенному подходу к профессиональному кодексу. Он привносит в него такие положения, которые скорее продиктованы «духом времени», чем просто хозяйственной необходимостью. Он сам выстраивает для себя такие ценностные рамки, которые напрямую не предопределены ни прагматикой профессии, ни правовыми ограничениями. Инженер в наше время больше социально ориентирован вовне и старается своей профессиональной деятельностью решать культурно-нравственные противоречия эпохи и, разумеется, – не плодить новых.

Инженер с полицентрической ответственностью с большей долей уверенности считает свою профессию «делом» (бизнесом, если угодно). И поэтому вне зависимости от места и обстоятельств занятости ощущает большую свободу в принятии профессиональных решений. В то же время бизнесмен, менеджер и инженер во многих культурно-нравственных аспектах своей деятельности

становятся гораздо ближе друг к другу и, очевидно, профессионально исходят из сходных философско-этических принципов². А отсюда понятно, почему все они, в том числе и инженеры, свои профессиональные стратегии зачастую толкуют как *прагматико-этические*. Их объединяет синтез лидерского начала и социально-проектные подходы, индивидуальная установка на успех и цеховое стремление к устойчивому развитию общества [10]. Впрочем, все эти новые смыслы отчетливо вербализованы, но чрезвычайно плохо реализованы в практической сфере. Опросы общественного мнения по всему миру показывают, что обычные граждане все меньше верят в честность и этически скорректированное поведение сегодняшних профессионалов. Инженеры, разумеется, опережают антирейтинги политиков и бизнесменов, но весьма незначительно. Граждане цивилизованного мира в общей массе полагают, что за фасадом громких фраз и высокого философского пафоса все еще скрывается старая модель моноцентрической ответственности инженеров, которая всегда ставила прагматику «дела» превыше всего остального.

Современный инженер перед выбором этической стратегии

Вероятно ли, что современное общество и культура ставят перед инженерами «непомерно» высокую нравственную планку, требуя от них подчас невозможного? Вполне. Но дело в том, что актуальное общество высокой современности в своих надеждах и ожиданиях в гораздо большей степени полагается на технологии и технику в широком смысле, чем на человеческий капитал, социальные ресурсы и общественные связи [19]. И при этом с невероятным прогрессом технологии, а также с ее повсеме-

---

² Культурно-нравственная трансформация многих «деловых» профессий проанализирована в 1990-е гг. в серии книг, изданных издательством «Шпрингер» [2; 3; 6; 7; 8; 15; 17].

ственным вторжением в повседневную жизнь людей связывает человечество сегодня свои главные опасения и страхи, эмоциональные и нравственные переживания³.

Инженер в этой новой культурной логике оказывается как бы *приставленным* к технологиям и новейшей сложной технике, в частности. И поэтому от него требуется моральное поведение особого типа, ибо существенно возросла глобальная зависимость всего человечества от его профессиональной деятельности (*правильная работа*). А в его профессиональном профиле, соответственно, моральная ответственность и социальные обязательства откровенно гиперболизированы, в то время как права и идеалы заметно принижены.

Моральный выбор инженера эпохи полицентрической ответственности не ограничивается только разрешением нравственных конфликтов или/и моральных дилемм. Но даже если сосредоточиться исключительно на них, то следует помнить, что инженеру всегда предстоит непростой и фундаментальный выбор этической парадигмы и – что, пожалуй, самое сложное – последующей модульной этической теории.

Аскриптивная парадигма основана на нормативном подходе к любой ситуации выбора. Моральные нормы (чаще всего – производные от дихотомии добра и зла) сформулированы и поддерживаются вовне сфер профессиональной деятельности человека и по необходимости прилагаются к конкретным кейсам, предполагающим разновекторный выбор.

---

³ «Этика риска» – зарождающаяся прямо на наших глазах – оригинальная версия морального осмысления актуального состояния общества и глобализации. В этой новой теоретической концепции *принцип предосторожности* пронизывает буквально все современные сферы профессиональной деятельности людей и, прежде всего, связанные с новейшими технологиями. См. подробнее об этом [13; 16].

Дескриптивная парадигма, напротив, допускает кристаллизацию ценностей и норм внутрипрофессиональных сообществ. Генри Форду приписывают моральную максиму относительно инженерной этики (она так и именуется нередко «фордистская этика»). Согласно ей, американские инженеры могут исповедовать свои ценности и действовать в согласии с ними, даже и без универсально-этического их обоснования и, тем более, оправдания [15, 10]. Однако обе парадигмы не обязательно рассматривать в качестве взаимоисключающих, хотя на деле они действительно бывают очень трудно совместимы.

Куда серьезнее для инженера – выбор этической теории. Если он (или некое инженерное сообщество) исповедует философский принцип максимальной пользы, то ему, безусловно, ближе этический утилитаризм. Этот выбор, кстати, доминировал в историческую эпоху моноцентрической ответственности, с чем, собственно, и связана метафора «правильно исполненной» работы. Если же инженер во главу угла ставит философскую концепцию «прав человека», то соответствующим образом он начинает следовать этике прав человека. Близка ей и этика долга, которая, в свою очередь, строится на уважении автономии личности. Напротив, если инженер сконцентрирован почти исключительно на своих личных достижениях, то его «путеводной звездой» в ситуациях морального выбора становится этика самореализации профессионала. Ну и, наконец, если под моралью инженер понимает характер человека, отвечающий «заповедям» добра, то в своем профессиональном выборе он обязательно будет ориентироваться на нормы и ценности этики добродетели⁴.

Итак, какой теоретический вектор выбрать современному инженеру?

---

⁴ Примечательна недавняя попытка рассмотрения этики добродетели применительно к профессиональной этике менеджера [18].

Этика прав человека. Собственно говоря, все этические теории допускают «права», но эта ставит права человека в самый центр моральной вселенной, делая их своего рода культурной «красной лентой», перейдя которую любой профессионал утрачивает нравственный *raison d'être*. Всякие ожидания и претензии по отношению к поступкам людей должны отталкиваться от прав другого, его достоинства и свободы (так по-прежнему полагают многие либеральные мыслители вслед за Локком). В некоторой своей воображаемой совокупности права человека составляют тот высший моральный авторитет, который легитимизирует наш моральный выбор и призывает других уважать его, правда, в то же время принуждает и нас уважать выбор других.

Этика прав человека самым общим образом касается всех профессиональных кодексов инженеров. Она затрагивает такие темы, как общественная безопасность и благосостояние граждан, охрану здоровья и право на приватность, а главное – защиту человека от опасного воздействия на него со стороны технического прогресса и право на полную информацию о технологических продуктах.

Не нужно забывать при этом, что и в основе всякой инженерной сделки на рынке лежит имплицитный контракт, который допускает, что каждый инженер предлагает любым клиентам товар безопасный и полезный. И это тоже – особые моральные права контрактующих сторон [15, 50].

Этика долга. Часто можно услышать мнение о том, что права и обязанности в этике рассматриваются в логической связке. Главное – что из них считать нравственным приоритетом. Если мы ставим профессиональные обязанности во главу угла, то, соответственно, апеллируем к этике долга, а не этике прав. Однако, несмотря на большую близость обеих теорий, исторически они развивались как разные интеллектуальные традиции. Кант, наиболее по-

следовательный теоретик культуры долга, определил один фундаментальный долг человека: уважение к лицу. Лицо заслуживает уважения прежде всего потому, что выступает автономным моральным агентом, а автономия лица означает его нравственное самоопределение и самоуправление, то есть возможность выстраивания собственной жизни в соответствии со своим пониманием морального долга. Все остальные – частные – разновидности нравственных обязательств проистекают из уважения к моральной автономии другого человека⁵.

Впрочем, и к самим себе мы относимся рационально и с уважением, так как сами являемся автономными субъектами. Иными словами, долг – универсален, императивен и абсолютен. Кант не мыслил в этике долга каких-то исключений. Однако и в современной этической мысли по-прежнему высказываются большие сомнения относительно того, насколько такой абсолютизм применим к актуальным профессиональным этикам. Неслучайно, видимо, в учебных пособиях по инженерной этике авторы чаще ищут реалистический баланс между долгом и правами, обсуждая многие вопросы нравственной ответственности инженера⁶.

Этический утилитаризм. Обе рассмотренные выше этики – прав и долга – исходят из постулата о том, что многие виды действий должны быть общеобязательными независимо от их конкретных последствий (в качестве

---

⁵ Бернارد Герт в своей книге «Обыденная мораль» во вполне кантовском духе приводит «бытовую» типологию частных долгов в отношении другого: (1) не убивать, (2) не причинять боль, (3) не запрещать, (4) не лишать свободы, (5) не лишать удовольствия, (6) не обманывать, (7) не нарушать обещаний, (8) не плутовать, (9) не нарушать закона, (10) соблюдать свой долг в отношении работы, семьи и других социальных обязательств [9, 20]. Буквально все они утилизированы в современных инженерных кодексах.

⁶ См., к примеру, ставшее уже хрестоматийным пособие Каролины Витбек [20; ср.: 5].

примера часто вспоминают о принципе честности и правдивости в жизни современного человека). Утилитаристы, в полемике с этими подходами, утверждают совершенно обратное. Единственным критерием моральности являются благие последствия всяких и всех поступков людей. А из этого вытекает их моральное кредо: творить максимальное благо для максимального числа людей.

На первый взгляд это правило кажется простым, правдоподобным и даже несколько наивным. Однако на деле его реализация выливается в сложную процедуру бесконечного взвешивания затрат-и-выгод. И, несмотря на всю ее сложность, именно это правило также лежит в основании практически всех профессиональных кодексов инженеров. В их преамбулах чаще всего зафиксировано буквально следующее: инженер должен первостепенное значение придавать безопасности, здоровью и благосостоянию широких слоев публики, исполняя свои профессиональные обязанности. В данном случае все три понятия объединяет «общая польза (благо)» [15, 55].

Впрочем, утилитаризм может принимать разные формы. И связано это, прежде всего, с тем, что понятие «блага» (добра) не содержит в себе внутреннего, аутентичного критерия. То есть благо может пониматься по-разному, а значит и конструкция «максимального блага» может интерпретироваться неоднозначно. Милль в свое время предлагал в качестве универсального критерия «счастье», хотя и не определял его бескомпромиссно и четко, видимо, полагая, что его универсальный смысл очевиден каждому. Другие утилитаристы, особенно в среде экономистов, видели этот критерий в человеческих предпочтениях, полагая, что только на рынке можно понять что такое «максимальное благо» для людей. Кроме того, Милль и его последователи верили в «правильность» нравственных поступков человека (act-utilitarianism). А их оппоненты, коих, пожалуй, будет большинство

среди современных утилитаристов, верят в общие правила, которые могли бы максимизировать «благо» как результат следования людей этим правилам (rule-utilitarianism). Скорее всего, именно такие общие правила держали в голове авторы большинства из известных нам моральных кодексов инженеров.

Этика добродетели. Характер и действия людей, как бы это не прозвучало старомодно, все же состоят из добродетелей и пороков. И весь вопрос заключается не в том, чтобы устранить пороки и следовать только идеалам добродетельности, а избегать крайностей, утверждал еще Аристотель и уточнял – в поведении, чувствах и желаниях. Добродетель есть тенденция в поведении и мыслях человека к обнаружению разумной золотой середины между чрезмерностью и дефицитом, а способность к проектированию медиан Аристотель именовал практической мудростью. С недавних пор считается, что важнейшей добродетелью инженера выступает ответственный профессионализм⁷, ибо он помогает инженеру избежать крайностей – между желанием угодить клиенту (заказчику, работодателю и т.п.) и гиппократовским принципом «не навреди!» [4; 14].

Этика самореализации профессионала. Все рассмотренные выше модульные этические теории допускают «индивидуальный интерес», но инкорпорируют его в более сложные и высокие конструкции. Даже утилитаристы полагают, что эгоистический интерес может быть этически одобрен, только если он включен во благо социального целого. И только достижительская этика «отваживается» превратить индивидуальный интерес в самостоятельную нравственную ценность.

---

⁷ Нередко эта добродетель именуется «зонтичной», ибо внутри нее скрываются добродетели второго порядка, такие как профессиональная компетентность, личная включенность, установка на кооперативные стратегии, стремление к общему благу [15, 60].

Впрочем, и здесь не все просто. Достижительно ориентированный профессионал в этой теории по-прежнему остается социально-повязанным в своих личных и карьерных устремлениях. И это вполне закономерно, ибо профессиональная реализация предполагает как раз таки активное насыщение работы, профессии и труда отдельного человека общественными и культурными смыслами и символами. Очень часто в этой связи вспоминают про Джека Килби, почти единственного за всю историю инженера, который в 2000-м году был удостоен Нобелевской премии, как известно, присуждаемой за фундаментальные открытия в науке. Но изобретение им микрочипа в конце 1950-х гг., мотивированное простыми желаниями славы и денег (по его же собственному признанию), продвинуло все человечество в принципиально новую цифровую эпоху. Таким образом, компенсационные мотивы сделали его успешным изобретателем, моральные – переместили в самый эпицентр мировой цивилизации.

Итак, может показаться, что модульные теории лишь самым незначительным образом пересекаются, а в основном же – противоречат друг другу. И только проблема «ответственности» (в ее разных аспектах – информационно-знаниевом, политическом, экологическом, социальном и культурно-нравственном) объединяет их всех. Однако, как мы выяснили в начале статьи, ответственность и исторически, и социокультурно понимается очень по-разному. И свести ее к общему знаменателю не получится равно так же, как и не удалось в свое время Миллю определить, что такое счастье.

Впрочем, есть еще один стратегический путь для инженера, выбрав который он снимает всю внешнюю конфликтность между модульными этическими теориями. Это – *путь этического индивидуализма* (нередко его именуют этическим эгоизмом). И смысл его в радикальном и осознанном принятии на себя всей полноты ответственности

за процветание общего целого. Его кредо в априорном признании того факта, что подлинно этический интерес человека - в индивидуальном усилии в деле максимизации общего блага, в *усилии единичной личности* (посему этот интерес именуется «эгоистическим»).

И это то, что Айн Рэнд, возможно, вслед за Гоббсом, называла долгосрочным, просвещенным и рациональным интересом современного человека. В этой концепции прагматика дела и честолюбивый мотив не приходят в столкновение с идеей служения. Ее аргументация строилась на том, что, во-первых, всякий профессионал движим чувством самоуважения, а действуя из альтруистических соображений, лишь способствует деградации деловой и нравственной среды в обществе. Независимость профессионалов делает их взаимозависимыми в гораздо большей степени и именно естественным образом, чем любые другие неэгоистические принципы. И, во-вторых, действуя в своих интересах, профессионалы чаще и логичнее выбирают кооперативные этико-деловые стратегии и, тем самым, вносят свою лепту в общее благо (и здесь Рэнд вторит Адаму Смиту) [цит. по: 15, 71]. Такую моральную философию можно, наверное, и оспорить, но то, что она актуальна и вполне адекватна сегодняшним профессиональным этикам, вряд ли подлежит сомнению.

Здесь мы перемещаемся в лоно современных дискуссий о рациональной морали вообще, что вовсе не является предметом размышлений рядовых инженеров. И поэтому сколь бы жесткими не были нынешние инженерные кодексы, их реальное профессиональное поведение в этическом смысле будет, как, очевидно, сформулировал бы Джон Роулс, *рефлексивным и сбалансированным*. А это значит в моральном смысле не строгим, а в культурном – не жестким. Возможно, именно такова природа профессиональных этик рубежа столетий.

Список литературы

1. Согомонов А.Ю. Этика инженера – гибкий свод моральных практик.// Ведомости прикладной этики. Вып. 42. Тюмень, 2013.
2. Applied Ethics in Management: Towards New Perspectives / S.K. Chakraborty, S.R.Chatyerjee (Eds.) Berlin: Springer, 1999.
3. Business Ethics in Progress? / H. De Geer (Ed.) Berlin: Springer, 1994.
4. Catalano G. Engineering Ethics. Peace, Justice, and the Earth / Synthesis Lectures on Engineering, Technology and Society. Morgan and Claypool Publishers, 2006.
5. Encyclopedia of Science, Technology and Ethics / Ch. Mitcham (Ed.) Farnington Hills: Thomson Gale, 2005. Vol. I-II.
6. Ethics in Business and Society / G. K. Becker (Ed.) Berlin: Springer, 1996.
7. Ethics in Economics, Business and Economic Policy / P. Kozlowski (Ed.) Berlin: Springer, 1992.
8. Etzioni A. Essays in Socio-Economics. Berlin: Springer, 1999.
9. Gert B. Common Morality. New York: Oxford University Press, 2004.
10. Harris Ch., Pritchard M., Rabins M. Engineering Ethics. Concepts and Cases. Wadsworth: Cengage Learning, 2009.
11. Martin M., Schinzinger R. Introduction to the Engineering Ethics. Boston: McGraw Hill, 2009.
12. Moriarty G. The Engineering Project. Its Nature, Ethics and Promise. Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 2008.
13. Munthe Chr. The Price of Precaution and the Ethics of Risk. Berlin: Springer, 2011.
14. Speight J., Foote R. Ethics in Science and Engineering. New Jersey: Wiley & Scrivener Publishers, 2011.

15. The Ethics of the Professions / J. Kucuradi (Ed.) Berlin: Springer, 1999.

16. The Ethics of the Technological Risk/ L. Asveld, S. Roeser (Eds.) Berlin: Springer, 2008.

17. The Good and the Economical Ethical Choices in Economics and Management / P. Kozlowski (Ed.) Berlin: Springer, 1993.

18. The Heart of the Good Institution / H. Harris, G. Wijesinghe, S. McKenzie (Eds.) Berlin: Springer, 2013.

19. Turkle S. Alone Together. New York: Basic Books, 2012.

20. Whitbeck C. Ethics in Engineering Practice and Research. 2nd Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

И.Ю. Алексеева

УДК 165.723

Этический кодекс в условиях морального релятивизма

Аннотация: этический релятивизм, прежде обитавший в области теоретизирования немногих интеллектуалов, стремительно расширяет сферу своего влияния. В этих условиях проблема нахождения основ, позволяющих личности определять и осуществлять собственную линию поведения, не имеет очевидных решений. Этические кодексы весьма полезны в условиях, когда возникает необходимость договариваться о правилах, формулировать установки, которые должны разделяться всеми членами организации или сообщества.

Ключевые слова: моральный релятивизм, этический кодекс, этика инженера.

Поставленный редакторами «Ведомостей прикладной этики» вопрос о «мировоззренческом напряжении», связанном с осознанием установки на выполнение «правильной работы» (а не просто «правильного выполнения работы») как ключевой установки инженерной этики, важен во многих отношениях.

Нравственный смысл создания и применения техники издавна определялся в контексте осуществления творческих возможностей человека, удовлетворения насущных потребностей, ответственного отношения к вопросам, затрагивающим благополучие других людей, их здоровье, имущественные и иные интересы. Когда речь идет не о традиционной технической системе, границы которой проходят по стенкам корпуса машины [1], а о качественно новом продукте инженерной и социотехнической деятельности, не имеющем четкой пространственно-временной локализации, то категории творчества, потребности и ответ-

ственности не переходят в разряд устаревших, однако их практические корреляты меняются.

Современные технологии развиваются не в культурном вакууме. Каждая эпоха дает свои импульсы развитию нравственного сознания и создает трудности для такого развития. Трудности, характерные для начала XXI века, не в последнюю очередь связаны с формированием глобального информационного пространства, позволяющего массам людей расширять свои представления о допустимых и рекомендуемых формах поведения за счет знакомства (пусть и поверхностного!) с элементами самых разных культур и субкультур. Широкое распространение получают эстетизированные образцы поведения, формально признаваемого не только безнравственным, но и противоправным. Возведение финансово-экономической реальности в ранг основной, если не единственной, социальной реальности способствует тому, что разговоры о нравственных основаниях общества воспринимаются как несерьезные и даже неприличные. Надежды на то, что распространение компьютерных технологий по всему миру позволит выработать согласованные стандарты поведения, которые могли бы стать основой глобальной этики [2], выглядят скорее наивными, чем имеющими веские основания. Глобализация экономики и создание «глобального информационного общества» сопровождаются скорее разрушением ранее сложившихся этических систем, чем формированием глобального нравственного сознания.

Мир разрывают культурные напряжения и сотрясают культурные конфликты. Это происходит и в так называемых стабильных странах, избежавших политических и экономических потрясений последнего десятилетия XX века. Оставив в прошлом классовую этическую структуру, сочетавшую универсальную систему норм (тесно переплетенных с религиозной моралью) с относительно автономными системами разных классов и социальных слоев, эти обще-

ства отнюдь не приблизились к состоянию «этической однородности». Более того, – отвергается и сама правомерность стремления к подобному состоянию как к цели: ценностью провозглашается разнообразие, понимаемое как проявление свободы.

В России же в XX веке дважды происходили революционные изменения в экономической, политической и социальной системе, закономерно сопровождавшиеся коренными изменениями в сфере морально-этической. Дважды (после революции 1917 года, а затем в 90-х годах) радикально менялось отношение к собственности, к социальному расслоению, к формам взаимодействия людей. На смену сословному обществу, существовавшему в Российской империи, пришло советское общество, стремившееся к полному социальному равенству всех своих членов и почти достигшее такого равенства.

Важным условием и результатом формирования советской социальной однородности была официальная система нравственности, сознательно вырабатываемая и пропагандируемая. Эта система была разрушена вместе с системой государственного устройства и экономики. На месте одного государства образовалось другое, прежняя экономическая система заменена новой, получившей статус переходной (предполагалось, что ей предстоит совершенствоваться, чтобы достичь стандартов, принятых за рубежом), однако признаки формирования новой системы нравственности практически отсутствуют. И может ли подобная система возникнуть из смеси «осколков» советской морали с элементами религиозных представлений и лозунгами общества потребления?

Этический релятивизм, прежде обитавший в области теоретизирования немногих интеллектуалов, стремительно расширяет сферу своего влияния. В обществе, где изменение ценится больше, чем постоянство, разрыв с традицией – больше, чем преемственность, проблема нахож-

дения основ, позволяющих личности определять и осуществлять собственную линию поведения, не имеет очевидных решений.

Серьезные расхождения в представлениях о поведении подобающем и недопустимом затрудняют совместную деятельность людей. Все чаще возникает необходимость договариваться о правилах, формулировать установки, которые должны разделяться всеми членами той или иной организации или сообщества, принимать этические кодексы и устанавливать санкции за их нарушение. Не ведут ли эти процессы к существенному изменению в понятии морали и этики?

Исходя из представлений об этике как о способе регуляции, не предусматривающем организационных ограничений за нарушение своих норм, мы не сможем признать этические кодексы, принимаемые сегодня множеством самых разных организаций, этическими в полном смысле слова. Свобода субъекта морального действия ставится под вопрос, если нарушение правил этического кодекса чревато увольнением с работы или исключением из ассоциации.

Некоторые авторы квалифицируют подобные способы регуляции как квазигирические, решительно отвергая их притязания на этический статус. Дж.Лэдд, например, утверждал, что само понятие организованной профессиональной этики абсурдно и в интеллектуальном, и в моральном плане. При этом собственно этика трактуется как открытая, рефлексивная и критическая интеллектуальная деятельность. Этические принципы как таковые, считает Лэдд, не могут устанавливаться ассоциациями: даже если эти принципы приняты на основе консенсуса, попытка навязать их другим под видом этики противоречит самому понятию этики, которое предполагает, что личности являются автономными моральными субъектами [4].

Оценивая подобные критические высказывания, следует отметить, что тревоги по поводу сведения этики к этическому кодексу имеют под собой основания: иногда приходится сталкиваться с упрощенными представлениями об этике как о совокупности четко зафиксированных правил. Из этого, однако, не следует, что этические кодексы не нужны вовсе. В идеальном случае формулировки принципов профессиональной этики могут быть поняты как выражение нравственных позиций автономных личностей, объединенных в рамках профессионального сообщества или организации. Д.Джонсон видит основное достоинство профессиональных кодексов в том, что в них воплощена «коллективная мудрость» – ведь содержание кодексов определяют люди, имеющие многолетний опыт работы в соответствующей области [3].

Что же касается практического значения кодификации, то его трудно переоценить. «Организованная этика», возможно, и не является этикой в полном смысле слова, однако служит способом противодействия радикальной индивидуализации моральных представлений, ведущей к состоянию, когда «у каждого человека своя мораль».

Требования современных этических кодексов, как правило, соответствуют традиционным системам норм, регулирующим поведение инженера. Речь идет о создании устройств, приносящих людям пользу и не причиняющих вреда (особый случай в этом отношении – военная техника); о необходимости добросовестно исполнять свою работу; ответственности за результаты профессиональной деятельности. Всегда существовали обычаи и правила, регулирующие отношения инженера с другими участниками процесса создания и использования техники. Ряд таких норм имеет статус юридических: например, закрепляется в законах, относящихся к вопросам безопасности, трудового права, интеллектуальной собственности. Некоторые нормы профессиональной деятельности инженеров отра-

жены в административных документах, регулирующих деятельность той или иной организации.

Обычно этические кодексы инженерных обществ (или обществ, членами которых являются инженеры наряду с учеными и представителями других профессий, имеющих дело с определенного рода техникой) содержат нормы, регулирующие отношения «инженер – общество», «инженер – работодатель», «инженер – клиент», «инженер – другие инженеры». Инженеру предписывается принимать во внимание влияние результатов его труда (в той степени, в какой оно ему известно) на осуществление основных прав людей – будь то сотрудники организации, ее клиенты, население определенной территории или вообще все те, кого так или иначе затрагивает работа инженера. Инженеры должны всегда осознавать, что их первой обязанностью является защита безопасности, здоровья и благосостояния людей. Если профессиональные суждения инженера отвергаются в обстоятельствах, когда под угрозой оказываются безопасность, здоровье, собственность или благосостояние людей, современные кодексы предписывают уведомить об этом работодателя или заказчика, при необходимости, другие авторитетные инстанции.

Этические нормы, регулирующие отношения «инженер – работодатель» и «инженер – клиент», требуют добросовестного выполнения деловых обязательств. Необходимо предоставлять заказчику или работодателю обещанные результаты, завершать работу в установленное время и в рамках бюджета. Если же это оказывается невозможным, следует как можно раньше предупредить заказчика или работодателя с тем, чтобы они могли скорректировать свои действия. Разумеется, инженеру вменяется в обязанность не передавать другим сторонам и не обнародовать информацию, касающуюся состояния дел или технических процессов своего бывшего или нынешнего клиента или работодателя без их согласия. Используя

проекты заказчика, инженер помнит, что эти проекты остаются собственностью заказчика и не могут быть скопированы другими без разрешения.

Этические кодексы предписывают уважительно относиться к коллегам, требуют не вредить злонамеренно или по оплошности, прямо или косвенно, профессиональной репутации, работе и служебному положению других инженеров, а также не подвергать несправедливой критике их работу. Но это отнюдь не предполагает круговой поруки. В случаях, когда речь идет о нарушении коллегами закона или этических требований, инженеру вменяется в обязанность предоставить информацию об этом в соответствующие органы с тем, чтобы могли быть приняты надлежащие меры. Принимаются во внимание и сложные ситуации, которые могут возникнуть в отношениях между коллегами, совместно получившими ценные результаты. Рекомендуются до начала работы договориться с коллегами о собственности на результаты, каковыми могут стать усовершенствования, проекты или другие достижения, на которые распространяется право копирования или патентное право.

Действенность этического кодекса зависит в значительной мере от того, как он будет применяться в конкретных ситуациях. Одно дело – сформулировать правила, другое – определить, как в соответствии с этими правилами следует поступить в том или ином случае. Вопрос о том, соответствует ли поведение субъекта данному этическому кодексу, далеко не всегда может быть решен однозначно.

Богатый набор исследования примеров этого рода представлен в издании «Мнение редколлегии этического обозрения» Национального общества профессиональных инженеров США.

Здесь рассматриваются и оцениваются с точки зрения этического кодекса данного общества примеры, осно-

ванные на действительно имевших место случаях (с изменением имен, названий фирм или иных организаций). Рассмотрение примеров ведется таким образом, чтобы получить ответы на вопросы «какой пункт этического кодекса должен быть использован в оценке данной ситуации?» и «соответствует ли поведение инженера в описываемом случае норме, выражаемой данным пунктом?».

В качестве примера приведем статью «Общественное благо и обладание информацией, причиняющей ущерб интересам клиента» из V тома «Мнений редколлегии этического обозрения». Статья (как и другие статьи данного издания) состоит из 5 разделов: «Факты», «Вопросы», «Ссылки», «Обсуждение», «Вывод».

В разделе «Факты» описывается следующая ситуация. Корпорация XYZ была извещена организацией, осуществляющей контроль за загрязнением окружающей среды, о том, что в течение 60 дней она должна представить документы для получения разрешения на сброс промышленных отходов в получаемый контейнер с водой. XYZ извещается также о минимальных стандартах, которые должны быть соблюдены. Чтобы убедить власти в том, что получаемый объем воды после сброса отходов не будет превышать допустимый уровень загрязнения, корпорация нанимает инженера Доу, который должен осуществить инженерные консультационные услуги и представить детальный отчет.

После завершения своих исследований Доу приходит к выводу, что сбросы фабрики превысят допустимый уровень загрязнения воды. Он заключает, далее, что корректирующие меры будут очень дорогими. Доу устно сообщает корпорации XYZ о результатах своих изысканий. После этого корпорация прерывает контракт с Доу, полностью оплатив выполненную им работу, и сообщает, что инженер не должен представлять в корпорацию письменный отчет. Впоследствии Доу узнает, что властями объявлены пуб-

личные слушания и что корпорация XYZ представила данные в поддержку своей декларации о непревышении допустимого уровня загрязнения.

Вопрос, который должен быть решен членами редколлегии этического обозрения: требуют ли правила профессиональной этики, чтобы инженер Доу сообщил компетентным органам о результатах своих исследований после того, как узнал о слушаниях?

В разделе «Ссылки» содержатся ссылки на разделы этического кодекса, имеющие отношения к рассматриваемому случаю. В качестве таковых указываются следующие.

Раздел 1. «Инженер руководствуется в своих профессиональных отношениях высочайшими стандартами честности и ведет себя в профессиональных вопросах по отношению к любому клиенту или работодателю как преданный агент или доверенное лицо». Пункт (с) того же раздела гласит: «Он должен известить клиента или работодателя, если полагает, что проект не будет успешным».

В разделе 2 содержится утверждение: «Инженер должным образом принимает во внимание безопасность, здоровье и благополучие людей при выполнении своих профессиональных обязанностей. Если его профессиональное суждение не принимается во внимание инстанциями, не имеющими необходимых технических знаний, он должен ясно обозначить последствия. Инженер должен уведомлять соответствующие инстанции о любых обнаруженных условиях, угрожающих безопасности и здоровью людей». Пункт (а) того же раздела гласит: «Инженер не должен завершать, подписывать или скреплять печатью планы, которые не находятся в соответствии с требованиями безопасности для общественного здоровья и благосостояния и не соответствуют принятым инженерным стандартам. Если клиент или работодатель настаивают на таком непрофессиональном поведении, он должен поставить в

известность соответствующие органы и прекратить дальнейшее выполнение службы или участие в проекте».

Раздел 7. «Инженер не раскрывает конфиденциальной информации, касающейся состояния бизнеса или технических процессов любого настоящего или прежнего клиента или работодателя без его согласия».

В разделе «Обсуждение» приводятся следующие оценки деятельности инженера и их обоснования. «Инженер Доу действовал в соответствии с требованием раздела 1 этического кодекса – “вести себя в профессиональных вопросах по отношению к каждому клиенту или работодателю как преданный агент или доверенное лицо”. В соответствии с духом этого требования инженер Доу известил корпорацию XYZ о результатах своих исследований, показавших, что установленные стандарты нарушены. Его устное сообщение корпорации соответствует букве и духу процитированных выше положений из раздела 1 и пункта 1(с). Расторжение контракта с полной оплатой за проделанную работу – это чисто деловое решение, которое, как можно предположить, вполне допускалось характером контракта между Доу и его клиентом. Как бы то ни было, Доу имел основание спросить, почему корпорация специально отметила, чтобы он не представлял письменный отчет.

Известие о слушаниях ставит инженера перед необходимостью выполнять обязательства, касающиеся безопасности, здоровья и благосостояния людей. Пункт 2(а) гласит: “обязательства инженера по отношению к обществу первостепенны. Предполагается, что несоответствие сброса минимальным стандартам, установленным законом, несет в себе угрозу безопасности и здоровью людей”.

В рассматриваемой ситуации существенна та часть пункта 2(с), которая предписывает инженеру сообщать о непрофессиональном поведении в соответствующие инстанции. Указание клиенту не представлять письменного

отчета вкупе с информацией, представленной корпорацией для слушаний, позволяет поставить вопрос об обязательствах Доу, вытекающих из пункта 2(с). В данном контексте этот пункт трактуется таким образом, что позволяет квалифицировать как «непрофессиональное поведение» отказ Доу от защиты интересов общества. Раздел 7 кодекса не служит препятствием для этого, поскольку сообщение инженера соответствующим властям о явной угрозе интересам общества не является в данном случае раскрытием технических процессов или состояния бизнеса клиента.

В результате формулируется вывод: профессиональная этика обязывает Доу сообщить в компетентные органы о результатах своих исследований после того, как он узнал о слушаниях».

Приведенный пример позволяет судить о том, насколько детально прорабатываются вопросы применения этического кодекса в конкретных ситуациях, с которыми сталкивается инженер в своей профессиональной жизни.

Вместе с тем эффективность этических кодексов оставляет желать лучшего даже в странах с сильными профессиональными инженерными обществами и ассоциациями. Она существенным образом зависит и от заинтересованности инженера быть членом данной профессиональной ассоциации (ибо нарушение кодекса может повлечь исключение из ассоциации), а также от способности сообщества установить в том или ином конкретном случае сам факт нарушения.

Список литературы

1. *Гаврилина Е.Л.* Виртуализация современных инженерных практик // Предпринимательство. Этика. Техника. 2007. № 1 (13). С. 34

2. *Gorniak-Kocikowska K.* From Computer Ethics to the Ethics of Global ICT Society // Proceeding of ETHICOMP (CD-ROM). Linkopings Uniiv. Center for Computing and Social Responsibility. 2005.

3. *Johnson D.* Computer Ethics. 3rd ed. Prentice Hall, N.J., 2000. P. 76.

4. *Ladd J.* The Quest for f Code of Professional Ethics: An Intellectual and Moral Confusion // Ethical Issues in the Use of Computers. Calif., 1985. P. 8.

М.М. Рогожа

УДК 174:62 (045)

Специфика моральных действий в профессии инженера

Аннотация: Профессиональная деятельность инженера рассматривается в статье с позиций этики поступка. Автор стремится показать культурно-историческую обусловленность ценностно-нормативного содержания профессиональной этики в эпоху Модерна и ее дегероические основания. Этика инженера как одна из профессиональных этик в обществе риска акцентирует социальную (специальную) ответственность профессионала, который в своей деятельности ориентирован не на подвиг, а на рутину повседневности и решение этически неоднозначных вопросов профессиональной деятельности. В свете этого институционализация морали призвана способствовать профессионалам поступать ответственно в повседневной деятельности и в морально неоднозначных ситуациях. Предельные ситуации, в которых инженер выходит за рамки институционализированных правил, задают масштаб нравственной ответственности постольку, поскольку у человека нет алиби в бытии. Утверждается, что единство специальной и нравственной ответственности в профессиональной деятельности инженера обусловлено соразмерностью целей и средств.

Ключевые слова: ответственность, моральный поступок, дегероическое начало, профессиональная деятельность, этический кодекс, не-алиби в бытии, соразмерность.

Вопросы об этике инженера, вынесенные на обсуждение организаторами проекта – НИИ ПЭ, дают основания обратиться к теме критериев моральности (ответственности) действий в профессии инженера, отчасти прояснить, отчасти развить идеи, высказанные на предыдущем этапе проекта, и определить содержание и соотношение инди-

видуально и социально значимых факторов ответственной деятельности инженера.

***

Развернутое этическое обоснование ответственной деятельности и ответственного поступка как ее единицы представил М. М. Бахтин. Моральный поступок – это сложный акт, системообразующим элементом которого является ответственность. «Ответственность поступка есть учет в нем всех факторов: и смысловой значимости, и фактического свершения во всей его конкретной историчности и индивидуальности; ответственность поступка знает единый план, единый контекст, где этот учет возможен, где и теоретическая значимость, и историческая фактичность, и эмоционально-волевой тон фигурируют как моменты единого решения» [3, с.29]. Единство поступка, его целостность возможны как «стянутые воедино» ответственная мотивация, ответственное действие и результат, полноту ответственности за который деятель берет на себя. Ответственность – это принятие на себя обязательства, которое понуждает не содержанием, но подписью под ним удостоверить абсолютную причастность деятеля к поступку. По Бахтину, это нравственная ответственность – ответственность за бытие в целом.

Подчеркнув приоритетность ответственности, Бахтин перенес на нее этическую нагрузку, которая в этике И. Канта была аккумулирована в мотиве поступка. Моральная безупречность мотива как внутреннего субъективного побуждения к действию выступала в качестве основного критерия моральности поступка в целом. Однако никогда нельзя быть до конца уверенным в чистоте мотива деятеля. В силу чего он поступает правильно? Помогает ли он ближнему ради корысти и тщеславия? Наконец, может обстоятельства сложились для него удачно и он имеет возможность поступить на благо других людей или общества в целом, не прилагая каких-либо усилий для

этого? И. Кант, способствовавший утверждению мотива как ведущего критерия моральности действия, полагал, что такого рода сомнения возникают не только у постороннего, но и у самого деятеля, которому «не дано проникнуть в собственную душу столь глубоко, чтобы быть вполне уверенным в чистоте своих моральных намерений и ясности своего образа мыслей хотя бы в одном своем поступке, даже если он не сомневается в его легальности» [8, с. 327]. Невозможность удостовериться в нравственной чистоте мотива привела Канта к выводу о невозможности воплощения морального поступка в чистом виде в реальной жизни, но не заставила отказаться от понимания мотива как критерия моральности.

Бахтин, в свою очередь, подчеркивал, что техническая безукоризненность действия не решает вопрос его нравственной ценности. Ему было важно поместить поступок в пространство жизнедеятельности человека, сделать его материальным. Поэтому именно ответственность выступила в качестве основоположного фактора моральности поступка.

Сфера действия ответственности – прежде всего жизненное пространство человека, индивидуальная ответственная жизнь, где он может быть полновластным хозяином, контролировать свои намерения, дела и их результаты. Ответственный индивид может и будет прилагать усилия в практике совершенствования, для того чтобы своим поступком удостоверить принятое решение: как я могу повлиять на свою жизнь, как я должен ориентировать ее, чтобы придать ей наилучший, совершенный вид [5, с.36]. Это, согласно Бахтину, может быть и единичный поступок, и вся жизнь в целом, рассмотренная как некий сложный поступок. Главное, чтобы в этом пространстве человек мог конструировать собственную жизнь и распоряжаться ею так, «как если бы все зависело только от него». Такой высокий настрой индивидуальной ответственности в общем

задает практику индивидуального духовного совершенствования и находит воплощение в подвиге или подвижничестве, если последнее рассматривать как взаимосвязанную цепь подвигов в «жизни как сплошном поступлении».

***

В свете поставленной задачи – прояснить специфику этической составляющей профессиональной деятельности инженера в обществе риска – следует учитывать, что профессиональная деятельность по сути выходит за рамки индивидуальной ответственной жизни (частной сферы).

Природа профессиональной деятельности неразрывно связана со становлением общества Модерна, современным этапом развития которого и является «общество риска»; ее формирование обусловлено развитием капитализма. В данном случае капитализм рассматривается как экономическая система, складывавшаяся в связи с подъемом городов, в которой производство и распределение товаров и услуг происходило под воздействием рыночных механизмов. Усложнение производства требовало качественного выполнения каждого участка работы, что вело к разделению труда и его специализированности, необходимости приобретения специальных навыков и знаний. Горожане (фр. *bourgeoisie*), ремесленники, купцы, лавочники, банкиры, собственники мануфактур вместе с представителями свободных профессий сформировали класс буржуазии, движущей силой которого стали предприниматели и собственники капитала. Буржуазный этос и позднее этика определили ценностное пространство западного, а сегодня – глобального мира.

Философы Модерна с ранних этапов его становления стремились осмыслить ценностные основания эпохи. Одни обращались к исследованию «в режиме реального времени», описывая и давая оценку явлениям, которым были свидетелями; другие – предпринимали попытки осмыслить ее с определенной исторической дистанции. Раз-

нообразие мировоззренческих, идеологических позиций, диаметрально противоположные оценки и прогнозы составили, по сути, «философский дискурс Модерна». Возможно, одним из немногих общих мест в концепциях мыслителей является признание того, что в основании эпохи практически отсутствует героическое начало. При этом дегероизация представлена преимущественно в качестве производной коммерческой деятельности.

Одним из первых на это указал шотландский просветитель А. Фергюсон. В «Опыте истории гражданского общества» (1767) он предостерегал современников от чрезмерной увлеченности коммерцией, превращающей общество в равнодушных к гражданским обязанностям индивидов, озабоченных поисками коммерческой выгоды. Он сокрушался, что современное ему «человечество все время будет ставить все ветви управления по ту сторону прилавка и вместо государственного деятеля и воина поставит себе на службу клерка и счетовода» [15, с. 320].

Практически одновременно с Фергюсоном, французский просветитель Ж.Ж. Руссо в трактате «Об общественном договоре» (1762), подразумевая современное общество, указывал на опасность коммерциализации гражданской жизни, из которой выветривается дух героического: «Как только служение обществу перестает быть главным делом граждан и они предпочитают служить ему своими кошельками, а не самолично, – Государство уже близко к разрушению. Нужно идти в бой? – они нанимают войска, а сами остаются дома. Нужно идти в Совет? – они избирают депутатов и остаются дома» [13, с. 221].

Упрекая увлекшихся коммерцией современников в утрате героического духа, Фергюсон и Руссо приводили примеры доблести, мужества полководцев и рядовых граждан античности, снискавших себе славу в веках. Конечно, обращение к героическим началам античности характерно для Просвещения в целом, а неотъемлемой чертой мо-

ральной философии всегда была критика современных нравов. Но регулярно повторяющееся противопоставление героического прошлого и дегероического настоящего свидетельствует о том, что уже мыслители раннего Модерна уловили и стремились осмыслить дух своего времени. Подвиги героев ушли в прошлое, буржуазный мир создал свои образцы для подражания – «клерка и счетовода», подчеркнуто дегероизировав их дела, показав их в рутине повседневности.

Социологи М. Вебер, В. Зомбарт, М. Оссовская подробно исследовали ценностные установки буржуазии, детально описали буржуазный и неразрывно связанный с ним мещанский этосы. Бережливость, расчетливость, трудолюбие, умеренность, скромность, самодисциплина, любовь к порядку, отказ от обмана – вот далеко не полный список ценностей, прямо или косвенно связанных с профессиональной деятельностью.

Анализируя буржуазные и сопряженные с ними мещанские ценности, Оссовская неоднократно подчеркивала, что исходно личностные установки мелких купцов и ремесленников находили выражение в их профессиональной этике как системе норм осуществления профессиональной деятельности, а «профессиональная этика купца» постепенно превращалась в «этику человека вообще», в единственно возможную программу этического поведения. Оссовская доказывала этот тезис на примере поучений Б. Франклина [10, с. 318]. Исследуя ценностные основания профессии в европейской культуре, на эту же идею выходит и О. П. Зубец: «... [профессия] определяет образ жизни, мышление, веру, одежду и речь. Выбор профессии оказывается выбором себя самого» [7].

Определяя жизнь человека, профессиональная деятельность получает религиозное оправдание. М. Вебер проследил переход призвания из религиозной категории в социально-экономическую. Добросовестное выполнение

обязанностей, исключительная честность и порядочность в делах – такими коннотациями мирской деятельности наполнилась идея призвания, определяя каждого человека по занимаемому им месту в профессии [4, с. 97].

В профессиональной деятельности как системообразующем факторе социального пространства Модерна заложено четкое дегероическое ценностное основание. Профессиональные нормы ориентированы на обеспечение жизнедеятельности человека в профессии, его рутинное взаимодействие с другими людьми, профессионалами и клиентами, потребителями его товаров и услуг.

***

Общая картина формирования и интенсивность развития профессиональных этик свидетельствуют, что этическое регулирование охватывает, прежде всего, те сферы общественной жизнедеятельности, функционирование которых актуально или потенциально способно нанести моральный ущерб здоровью и благополучию отдельного человека, группе лиц или обществу в целом. Этические системы регуляции профессиональной деятельности определяют взаимодействие профессионалов между собой и с обществом и задают ценностно-нормативные основания их действий в повседневных ситуациях при решении морально неоднозначных вопросов.

В рамках профессии модифицируется архитектура морального (ответственного) поступка. Сама природа профессиональной деятельности задает параметры этически значимых действий в ее рамках. Традиционный для этики поступка вопрос о целях приобретает здесь особое значение: целесообразность взаимодействий обуславливает ориентированность целей и результатов на социальную значимость. Более важным оказывается не то, *почему* профессионал поступает морально (ответственно), а то, что он *поступает* морально, что его действия ведут к морально значимому результату, а последствия и риски про-

гнозируемы, т.е. в них учтены возможные побочные эффекты. В профессиональной этике именно такое содержание наполняет смыслом понятие социальной ответственности профессионала.

В кантовской терминологии речь идет о легальных поступках – действиях, которые соответствуют нравственному закону, но совершаются не ради него. Мотивом действия выступает не сам моральный закон, а определенные практические соображения, вынуждающие профессионала поступать правильно, т.е. совершать внешне правильное действие, не обусловленное моральным законом [9, с. 233]. Моральное обоснование поступков по критериям социальной значимости (полезности) результатов и их последствий дают консеквенциалистские теории морали.

Профессиональная сфера, требующая регуляции, включает в себя трудовые коллективы, профессиональные сообщества и ассоциации. Здесь мораль актуализируется прежде всего в своей дисциплинарной функции [1, с. 42–46]. Дисциплинарность, понимаемая как внешне обусловленное упорядочивание взаимодействий в профессиональной сфере, не дополняет, а вытесняет на задний план требование личностного совершенствования в силу специфики требований, которые предъявляются деятелю в ситуациях, задаваемых профессиональной деятельностью.

Такая особенность морали в профессиональной сфере обуславливает необходимость институциональной поддержки, включение ее в общий дизайн корпоративной культуры, формирующейся в рамках профессии. Члены профессиональных групп как субъекты морали прямо или опосредованно участвуют в создании правил профессионального взаимодействия, их внедрении в практику и контроле за их соблюдением.

Внешнее регулирование профессиональной деятельности посредством этики, по большому счету, может быть

соотнесено не с индивидуальной моралью, а с административно-правовым регулированием, по сравнению с которым оно является менее формализованным, обеспечивая регуляцию преимущественно обязывающими в мягкой форме средствами, а не путем прямого постоянного принуждения [11, с. 107–108]. В свете этого этическое обеспечение профессиональной деятельности не устраняет индивидуальную ответственность, а задает ее масштаб в соответствии с общественной значимостью этического выполнения профессиональных обязанностей и потребностью в регулировании их посредством этических инструментов.

Рассмотренный на предыдущем этапе обсуждения проекта НИИ ПЭ этический кодекс Института электротехников и инженеров по электронике [12, с. 93–94] вполне отражает эту тенденцию. Нормы Кодекса 1) определяют ответственность инженера за общественную безопасность, здоровье и окружающую среду; 2) ориентируют инженера на профессиональное совершенствование; 3) задают обязательства перед коллегами и профессиональным сообществом. В данном случае важна не очередность изложения норм Кодекса, а их очевидная направленность на социально значимые процесс и результат деятельности. Нормы также отражают и стремление к совершенствованию инженера, но с четким указанием на профессиональную ориентированность совершенствования.

***

Моральный поступок в пространстве личной ответственности – это всегда результат волевого усилия, самостоятельно принятого решения деятеля. Никто не может принудить осуществить его, обязать совершить подвиг. Требование подвига в профессиональной деятельности противоречит самой ее природе. Заложенное в основания эпохи дегероическое начало, по большому счету, и обуславливает необходимость институциональной поддержки

ответственной деятельности в этически неоднозначных ситуациях профессиональной жизни. Профессиональное совершенствование – по сути дегероическое. В Кодексе представлены требования профессиональной компетентности, постоянного повышения квалификации и получения новых знаний, профессиональной честности, недопущения взяточничества и коррупции, конструктивной критики в профессиональных вопросах и т.п. Выполнение такого рода требований не превышает возможностей отдельного человека поступать правильно, ответственно. Для обеспечения этих возможностей ответственных действий в профессиональной сфере и создана этическая инфраструктура как составляющая корпоративной культуры, приобретающей в современном мире все большее значение. В упомянутом Кодексе представлена система сдержек и противовесов, позволяющая профессионалу поступать ответственно на основе институционально обеспеченных возможностей.

Предельные ситуации, в которых принятие решения выводит деятеля на логику подвига, всегда находятся за границами, в которых действуют нормы и правила повседневности. Этические кодексы, клятвы, присяги не задают логику действий в пограничных ситуациях. Кроме того, не существует никаких внешних инстанций или служащих, уполномоченных контролировать моральность таких действий, их содержание на соответствие некоему образцу. Только деятель сам, на свой страх и риск, берет на себя полноту ответственности, а решимость свою удостоверяет подписью под обязательством, принятым по своей воле.

Таким образом, очевиден разрыв между социальной (специальной) ответственностью, задаваемой профессиональной деятельностью, и личной (нравственной) ответственностью, ставящей деятеля «на кон, когда он показывает и доказывает, что он больше себя самого, что для него есть вещи, которые поважнее удовольствий, выгоды, бла-

гополучия» [6, с. 693]. В этой связи важно помнить ключевую идею нравственного поступка философии М. М. Бахтина – единство двусторонней ответственности за содержание действия и за его бытие: «Акт должен обрести единый план, чтобы рефлексировать себя в обе стороны: в своем смысле и в своем бытии, обрести единство двусторонней ответственности: и за свое содержание (специальная ответственность) и за свое бытие (нравственная), причем специальная ответственность должна быть приобщенным моментом единой и единственной нравственной ответственности» [3, с. 8].

Инженер – не просто профессионал, он всегда остается автором-творцом своей жизни. Он субъект поступка «поступления жизнью своей», ответственный за каждый акт своего бытия. И в этом отношении апелляция к какой-либо внешней инстанции (будь то кодекс, инструкция или указания начальства) как к истине в последней инстанции – не что иное как перекладывание на нее личной ответственности, поиск алиби, что по большому счету безответственно [14, с. 135]. Поступая ответственно, инженер делает выбор и держит за него ответ, не имея алиби в бытии.

Однако такая высокая тональность ответственности требует соразмерности целей и доступных средств. Несоразмерность чревата трагическими последствиями и для самого деятеля, и для дела, за которое он берет на себя ответственность. Принимая на себя ответственность в ситуациях, превосходящих возможности отдельного человека, он может отказаться от действия вообще. Ориентированный на подвиг, он сталкивается с невозможностью его совершить, оказавшись бессильным перед лицом обстоятельств. Тогда вполне вероятно запускается логика выбора: «или все – или ничего». Несоразмерность целей и доступных средств ведет к отказу от действия, к снятию с себя непосильной ответственности. Ответственность «за все» оборачивается ответственностью «ни за что конкрет-

но». Или, перефразируя Х. Арендт: «когда отвечаешь за все – ни за что не отвечаешь» [2, с. 413].

Список литературы

1. *Апресян Р. Г.* Перфекционистский и дисциплинарный языки морали // Оправдание морали: Сб. науч. ст. к 70-летию профессора Ю. В. Согомонова /Отв. ред. В. И. Бакштановский, А. Ю. Согомонов. М.; Тюмень: Издание Центра прикладной этики и НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2000.
2. *Арендт Х.* Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Издательство Европа, 2008.
3. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т.1: Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2003.
4. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
5. *Гусейнов А. А.* Мораль: между индивидом и обществом (к вопросу о месте морали в современном обществе // Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы / Под ред. Р. Г. Апресяна. М.: Альфа-М, 2009.
6. *Гусейнов А. А.* Философия – мысль и поступок. СПб.: СПбГУП, 2012.
7. *Зубец О. П.* Профессия в контексте истории ценностей // Этическая мысль. Вып. 4 / Под ред. А. А. Гусейнова. М.: ИФ РАН, 2003.
8. *Кант И.* Метафизика нравов // Кант И. Сочинения в шести томах. Т.4. Ч.2. М.: Мысль, 1965.
9. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения в шести томах. Т.4. Ч.1. М.: Мысль, 1965.
10. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987.

11. *Прокофьев А. В.* Этическая инфраструктура университета и теоретические образы морали // Прикладная этика для магистрантов и профессоров. Ведомости. Вып. 38 / Под ред. В. И. Бакштановского, В. В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2011.

12. *Рогожа М.М.* Инженерная этика в обществе риска // Этика инженера: через понимание к воспитанию. Ведомости прикладной этики. Вып. 42 / Под ред. В. И. Бакштановского, В. В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2013.

13. *Руссо Ж.Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1969.

14. *Сычев А. А.* Этика поступка и науки о природе // Вторые саранские философские чтения: памяти М. М. Бахтина. Сб. статей. Саранск: Нижегородский гуманитарный центр, 2005.

15. *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000.

Е.А. Гаврилина

УДК 174: 007.51: 316.42:378.4

Инженер в современном мире: Homo faber vs Homo mechanicus

Аннотация. Статья посвящена обоснованию места и роли инженерной этики в структуре профессиональной компетенции. Показано, что инструментальное прагматическое понимание пафоса инженерной профессии не обеспечивает необходимую степень рефлексии над ценностно-смысловыми основами инженерного этоса. Обозначены основные современные вызовы к инженерному корпусу и описаны моральные дилеммы, возникающие у его членов. Зафиксирована конфликтность между существующими профессиональными практиками, транслируемыми, в том числе, и через институт высшего технического образования, и вызовами времени к профессиональной группе. Намечены пути преодоления этого разрыва.

Ключевые слова: инженерная этика, инженер, инженерная деятельность, инженерное проектирование, прототип, кодекс инженерной этики, социотехническая система, виртуализованная инженерная деятельность, высшее техническое образование, инженерный этос.

Структура современного мира усложняется и диверсифицируется. Все более значительную роль в нем играет техника и созданная человеком техническая среда, причем значение последней будет возрастать, вероятно, и дальше. В таком ракурсе все более значимой становится профессия инженера и, шире, инженерная деятельность, которая охватывает сейчас уже практически все сферы общественной жизни.

В массовом представлении понятие «инженер» многозначно: это создатель новой техники и технологии, проектировщик, исследователь, технолог, дизайнер, организа-

тор производства. Актуальными стали понятия генной и социальной инженерии, что позволяет нам говорить об «изготовимости» самых разнообразных систем: от традиционных технических до биологических и социальных. А это и означает их включенность в пространство инженерной деятельности. Кроме того, в рамках современной инженерной деятельности, помимо выполнения традиционных технико-технологических расчетов и проектирования сложных социотехнических систем, инженеры часто вынуждены выступать в роли экспертов при принятии управленческих и политических решений.

Разумеется, в таком ключе на первый план в деятельности профессиональных инженеров выходит этическая рефлексия последних над ценностными и смысловыми основами этой деятельности. Конечно же, любое профессиональное пространство формирует собственные нормы и ценности, как те, которые вырабатываются членами социально-профессиональной группы, так и те, которые включаются в это пространство из более широкого социального контекста. Они выстраиваются в иерархию в зависимости от факторов, обусловленных, соответственно, как логикой внутреннего развития сферы рассматриваемой деятельности, так и более широким культурным фоном.

Однако здесь необходимо отметить, что любая профессиональная этика конституируется не только функциональностью той профессиональной группы, к которой она относится, но и ее пафосом, то есть некоторым пониманием глобального предназначения профессии и ее носителей в обществе, пафоса, выраженного, в том числе, и в создании трендов общественной динамики. Такой подход развивает В.И. Бакштановский: «Наличие у профессии отрефлексированной миссии прямо связано с предназначением (миссией) соответствующей профессиональной этики» [3, 107]. Фактически можно сказать, что понимание па-

фоса профессии задает параметры профессиональной этики. Следовательно, любая профессиональная этика не только задает образцы и нормы «того, что должно», но и критикует, регулирует «то, что не должно» как в рамках профессиональной группы, так и в широком социокультурном контексте. Причем эта регуляция должна осуществляться даже в случае, если «не должно» становится распространенной социальной практикой. Разумеется, написанное выше относится и к этике инженерной.

Очевидно и обратное. До тех пор пока миссия профессии воспринимается исключительно инструментально, профессиональная этика будет сводиться только к профессиональным кодексам, которые чаще всего понимаются как нормативный документ, а в пределе – как документ, на основе которого могут осуществляться карательные функции.

Изучая материалы, относящиеся к проблематике инженерной этики, автор статьи столкнулась с тем фактом, что большая их часть обращается к апологии создания профессиональных инженерных сообществ и их кодексов как средству регуляции профессионального инженерного этоса [например, 5; 12]. Что отражает, на взгляд автора, понимание пафоса инженерной профессии в современном мире, мире достаточно «технологизированном» для того, чтобы человек в нем успел стать «одномерным» в смысле Г. Маркузе [13], как исключительно инструментального и прагматического.

Подтверждается такое понимание смысла инженерной профессии и в разговорах, как с состоявшимися инженерами, так и со студентами, получающими техническое образование. Обычно на вопрос о том, как понимается этос инженерной профессии и первые и вторые отвечают: «Я должен качественно и правильно выполнить свою работу. Я отвечаю только за правильность инженерных расчетов». Вопрос о выполнении «правильной» работы, в том

смысле, который заявлен в эпиграфе проекта, предложенного авторам данного выпуска «Ведомостей прикладной этики», в среде профессиональных инженеров и людей, собирающихся ими стать, пока даже не предполагается [ср. с 4].

Возможно, это особенность исключительно России и связана она с масштабной трансформацией социальной структуры нашей страны в девяностых годах прошлого столетия и последовавшей за ней деформацией (если не сказать, разрушением) промышленности и, как следствие, вымыванием инженерного слоя: квалифицированные инженеры вынуждены были заниматься деятельностью, хоть как-то обеспечивающей возможность их физического выживания. А инженеры сегодняшние, утратив профессиональную преемственность, еще «не дозрели» до более глубокого понимания пафоса своей профессии.

Однако и общение с коллегами за рубежом, в частности в Германии, где, несмотря на развитость институтов, осуществляющих общественную рефлекссию над последствиями научно-технического развития, инженеры говорят в первую очередь о важности использования правильных моделей, расчетов и т.п., подтверждает распространенность утилитарного, прагматического понимания смысла инженерной профессии в профессиональной инженерной среде.

Этот же прагматический подход отражен и в исследованиях [напр., 20; 26; 27], и в учебниках [напр., 2; 14; 21; 22], и в профессиональных этических кодексах [напр., 7; 8; 9; 10; 11], и даже в институализированных системах общественной рефлексии над техникой типа оценки техники (Technology Assessment) [24; 25]. Их авторы обращаются к проблеме ответственности инженера (перед работодателем, клиентом, обществом) как ключевой, однако понимание ответственности подразумевает не только ограничение власти эксперта в поле его профессиональной дея-

тельности, пусть даже и с помощью только моральных регулятивов, но и оправдание необходимости самой этой деятельности, что с неизбежностью приводит к поиску прагматических ее основ.

Получается замкнутый круг, выход из которого возможен только через формирование содержательно-аксиологической идентификации профессионалов-инженеров, в том числе и через этическую рефлексию своей деятельности. И именно в этом видится возможность ухода от рациональной механизированной парадигмы инженерной деятельности, и именно в этом – предназначение профессиональной, в нашем случае, инженерной этики. Для дальнейшего анализа нам необходимо обратиться к обзору динамики инженерной деятельности.

Сама профессия инженера (и инженерная деятельность) существенно изменилась с момента своего возникновения, отличается она также и от инженерной деятельности в двадцатом веке. На рубеже XIX – XX веков П. К. Энгельмейер определял роль техники так: «Своими приспособлениями она усилила наш слух, зрение, силу и ловкость, она сокращает расстояние и время и вообще увеличивает производительность труда. Наконец, облегчая удовлетворение потребностей, она тем самым способствует рождению новых... Техника покорила нам пространство и время, материю и силу и сама служит той силой, которая неудержимо гонит вперед колесо прогресса» [19].

К концу XX века формируется социотехнический тип инженерной деятельности, когда объектом проектирования становится коллективная человеческая деятельность, что приводит к актуализации поиска социокультурных оснований, в том числе морально-этических, в инженерной сфере. [17, 370].

А к началу XXI века в связи с существенным изменением понятия проекта, а также проектной культуры [18], изменилось и понимание инженерной деятельности, кото-

рая теперь носит в значительной мере информационный характер и реализуется в основном посредством технологии компьютерного моделирования. Что закономерно формирует новую модель инженерной деятельности – виртуализованную инженерную деятельность. Характерной особенностью нового типа инженерной деятельности является создание так называемых распределенных творческих коллективов для совместной работы по реализации инженерных и инженерно-научных проектов при оперативном взаимодействии исполнителей по сети Интернет [6].

Изменения характера инженерной деятельности формируют новые вызовы к профессии и новые моральные дилеммы для ее носителей. Опишем более подробно некоторые из них.

Во-первых, проектирование современных сложных социотехнических систем – это проектирование без прототипов [подробнее см. в 15; 16]. Прототип играет важнейшую роль в проектировании, это своего рода некий «идеальный тип» создаваемого объекта в веберовском смысле, или даже платоновский эйдос. При сооружении материальных объектов мы всегда создаем нечто определенное – самолет, станок, здание, завод и т.п. Фактически в проектировании артефактов и технических систем всегда можно найти тот или иной прототип, который и задает параметры будущего реального объекта, включая и его ограничения. Это, однако, не означает, что прототипы не могут изменяться со временем. Разумеется, время от времени инженеры были вынуждены решать принципиально новые задачи, фактически создавая новые прототипы. Но они всегда могли опираться на предшествующий опыт технологически и эстетически, по сути, новые прототипы были новыми комбинациями известных ранее принципов.

Не так обстоит дело в проектировании социотехнических систем. Здесь, из-за беспрецедентного изменения структуры социума и включения человека в эти системы

как их элемента, часто приходится решать задачи, которые раньше даже не мыслились как возможные. Поэтому прототипов для их решения часто нет, и дело не только в профессиональной компетентности разработчика этих новых объектов. Речь идет о том, что искомый прототип просто отсутствует в профессиональной традиции. И, конечно, здесь возникает ряд вопросов.

Например, возможно ли в проектировании объектов, в которые человек оказывается включен как структурный элемент, идти путем «проб и ошибок»; какова цена этих ошибок, насколько она приемлема и как она изменится в мире глобальном; насколько деятельность по созданию этих систем может подчиняться технической рациональности и насколько в ней должны учитываться социокультурные аспекты; можем ли мы здесь использовать традиционные технико-технологические подходы или необходимо разрабатывать новые способы организации инженерной деятельности; если необходимы новые способы, можем ли мы сохранить преемственность профессии инженера и профессиональную самоидентификацию ее носителей. Все эти вопросы требуют специальных исследований, но ответ на них с неизбежностью должен повлиять на ценностно-смысловые основы самой инженерной профессии.

Во-вторых, сегодня очень часто ресурсные ограничения самого разного толка, с одной стороны, и активно развивающиеся информационные технологии – с другой, приводят к тому, что инженерная деятельность от создания реальных материальных образцов на этапе проектирования и создания новой техники перемещается в виртуальное пространство, а многие виды инженерного исследования проводятся с помощью технологий компьютерного моделирования. Здесь возникает проблема, связанная с возможностью экстраполяции полученных в модельном эксперименте результатов на реальные практики, особенно

учитывая социотехнический характер большинства разрабатываемых теперь систем.

Особенно остро этот вопрос встал после осознания того, что маловероятные события, так называемые «тяжелые хвосты» в нормальном гауссовом распределении вероятности событий или «черные лебеди» [23], как сейчас их принято обозначать, обычно не рассматриваются при моделировании социотехнических систем как граничные условия. Но если они все же происходят в реальности, то это влечет за собой колоссальные, как правило, очень тяжелые последствия для конкретных обществ и даже для всего человечества.

Это, на наш взгляд, третий вызов, который встает перед профессиональным инженерным сообществом, и третья моральная дилемма, которую нужно решать его членам. Современный инженер просто обязан осознавать все мыслимые последствия своей деятельности, особенно учитывая их антропологическое и социокультурное измерения.

И наконец, постепенно приходящее осознание того, что в ситуации доминирования социотехнического проектирования, осуществляемого преимущественно в виртуальной среде компьютерных моделей, симуляций и эмуляций, когда все, даже человек, мыслится «изготовимым», то есть в пределе «искусственным», традиционный для XX века технократический подход, основанный на технической рациональности и технико-технологической оптимальности, становится неприемлемым. В этом видится моральная дилемма для представителей инженерного цеха, потому что им труднее, чем людям других профессий отказаться от технократического взгляда на действительность.

Для подтверждения последнего тезиса можно найти достаточно большое число примеров. Так, в одной из новостных рассылок в МГТУ им. Н.Э. Баумана представитель инженерного сообщества, комментируя события, про-

исходящие сейчас на Украине, призвал своих собратьев по цеху «быть аполитичными технократами». На этом примере видно, что представители инженерного цеха даже не фиксируют негативных коннотаций понятия «технократизм». Именно поэтому преодоление технократических тенденций в мышлении и сознании может быть обозначено как моральная дилемма для инженеров, во всяком случае в перспективе.

Характерно, что система высшего технического образования продолжает транслировать технократические смыслы и ценности профессии, уже устаревшие этос, нормы и правила, что, вообще говоря, не удивительно, так как именно для этого и предназначено профессиональное образование. Однако сейчас происходит изменение доминирующего «идеального типа» личности, уход молодых людей от образцов «книжной культуры», формирование визуально-клипового мышления. Этот факт подтверждается, с одной стороны, наблюдениями, в ходе которых выясняется, что молодые люди не знакомы со многими хорошо известными прежде фамилиями и произведениями писателей, поэтов, художников, музыкантов, ученых. С другой стороны, на него указывают жалобы преподавателей, которые сетуют на то, что студенты плохо воспринимают материал лекций, не умеют работать с литературой, не фиксируют причинно-следственных связей и т.п.

Собственно в этом разрыве между традиционными академическими способами передачи информации и организации обучения и потребностями молодежи и может появиться то окно принятия решений, та точка бифуркации, неопределенности [1], из которой потом вырастет и новая система технического образования, и новый способ понимания ценностно-смысловых основ инженерной профессии, способ, ориентированный не только на прагматический инструментальный подход, но и на подлинно гуманитарные основания культуры.

Но разрыв этот может быть преодолен только при движении с двух сторон: из профессионального сообщества, где рефлексироваться моральные основания, ценностные детерминанты и пафос профессии и, с другой стороны, из образовательного пространства, где упор будет делаться именно на формирование подлинно гуманитарной среды, независимо от профиля обучения.

Тогда у нас может появиться шанс из состояния *Homo mechanicus* вернуться к *Homo faber* и, возможно, даже к *Homo creator*.

Список литературы

1. Багдасарьян Н.Г. Культура как среда выживания: эффект бабочки и «окно принятия решений» // Культурологическая парадигма: исследования по теории и истории культурологического знания и образования. Научный альманах. Вып.2. Культурологич. интерпретации соц. динамики. – М.: Согласие, 2011. – 368 с. С.24-41.

2. Багдасарьян Н.Г., Горохов В.Г., Назаретян А.П. История, философия и методология науки и техники: учебник для магистров / Под общ. ред. Н.Г. Багдасарьян. – М.: Изд-во «Юрайт», 2014. – 383 с.

3. Бакштановский В.И. Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров (Часть вторая): Учебное пособие. – Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2012. – 268с.

4. Богданова М.В. Этика инженера: материалы пилотных интервью // Профессиональная этика инженера. Вестники. Вып.17 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2000. С. 6-15.

5. Васенкин А. В. Мировоззренческая роль инженерной этики // Молодой ученый. 2011. №3. Т.1. С. 213-216.

6. Гаврилина Е.А. Инженерное творчество в информационном обществе: типология, динамика, критерии оценки

инженерной компетентности. Дис. ...канд. филос. наук. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2006. – 162 с.

7. Кодекс профессиональной этики инженера АТЭС / Российский центр сертификации и регистрации профессиональных инженеров АТЭС [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://portal.tpu.ru/apec/certification/requirement/code> (дата обращения 10.05.2014).

8. Кодекс профессиональной этики российских инженеров-проектировщиков. НП Столичное объединение проектировщиков «Техпроектсовет». [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.st-sovet.ru/sro-proekt-codex.html> (дата обращения 10.05.2014).

9. Кодекс профессиональной этики российских инженеров-проектировщиков. Предлагается ассоциацией «Росгражданпроект» и гильдией проектировщиков Владимирской области / Сайт торгово-промышленной палаты Владимирской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.cci.vladimir.ru/chamber/kodeks_prof_etiki.doc (дата обращения 20.04.2014).

10. Кодекс этики и профессиональной деятельности в области программной инженерии (версия 5.2). Рекомендован ACM/IEEE-CS Joint Task Force on Software Engineering Ethics and Professional Practices и совместно одобрен ACM и IEEE-CS в качестве стандарта обучения и работы в области программной инженерии. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://club.shelek.ru/viewart.php?id=277> (дата обращения 10.05.2014).

11. Кодекс этики ученых и инженеров. Редакция Российского союза научных и инженерных общественных организаций. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.rusea.h11.ru/code.html> (дата обращения 10.05.2014).

12. Косарукин В.А. Основы формирования инженерной этики // Электронный журнал «Труды МАИ». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mai.ru/sci->

ence/trudy/published.php?ID=13412 (дата обращения 08.05.2014).

13. Маркузе Г. Одномерный человек /пер. с англ. А.А.Юдина. – М.: Изд-во АСТ, 2009. – 336 с.

14. Разин А.В. Основы этики: учебник. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА – М., 2008. – 304с.

15. Раппопорт А.Г. Проектирование без прототипов / Библиотека. Тексты московского методологического кружка и других интеллектуальных школ, включенные в работы PRISS-laboratory // Сайт лаборатории проектирования и исследования социокультурных и социотехнических систем. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://priss-laboratory.net.ru/library/library_rappaport.htm (дата обращения 10.05.2014).

16. Раппопорт А.Г. Границы проектирования / Тексты участников ММК // Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого» [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.fondgp.ru/lib/journals/vm/1991/1/v911rpp0> (дата обращения 10.05.2014).

17. Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М. А. Философия науки и техники. – М.: Контакт – Альфа, 1995. С. 370.

18. Философия техники: история и современность / Под ред. В. М. Розина. – М.: ИФ РАН, 1997.

19. Энгельмейер П.К. Технический итог XIX века. – СПб., 1898. – Цит. по: Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М. А. Философия науки и техники. – М.: Контакт-альфа, 1995. – С. 293.

20. Этика инженера: через понимание к воспитанию. Ведомости прикладной этики. Вып. 42 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2013. – 258 с.

21. Fleddermann Charles B. Engineering Ethics. – Upper Saddle River, New Jersey: Pearson Prentice Hall, Pearson Education, Inc, 2008 – 168p.

А.А. Гусейнов

УДК 159.947.23

От ответственности к свободе

Аннотация. Основная идея статьи состоит в том, что в истории этики в отличие от традиционного взгляда, рассматривавшего человеческую ответственность как следствие его свободы, необходимо саму свободу человека выводить из его ответственности. Ответственность понимается как отношение человека к своей собственной деятельности, обусловленная тем фактом, что он сам является причиной своих действий. Выделены три уровня (формы) ответственности человека – перед природой, перед другими людьми (обществом) и перед самим собой. Им соответствуют три уровня (формы) свободы - свобода действий, свобода выбора, свобода воли.

Ключевые слова: ответственность, свобода, нравственность, поступок, целесообразная деятельность, субъект деятельности, причина и следствие.

Привычная и превалировавшая в истории философской этики логика рассмотрения вопроса о соотношении и взаимодействии свободы и ответственности состояла в том, чтобы выводить нравственность из свободы. Она хорошо воспроизведена в сочинении В. Виндельбанда «О свободе воли» [2]. Такой ход мыслей, который в целом соответствовал превалировавшему в европейской традиции общеполитическому убеждению, рассматривавшему мораль как род познания, является тем не менее уязвимым, как и сама общетеоретическая установка, на которой он основан.

Дело в том, что общеполитические концепции свободы строились таким образом, чтобы из них можно было вывести и объяснить феномен ответственности. Это значит, что они заранее содержали в себе то, что предстояло

из них вывести. На самом деле ключ к свободе, включая и свободу воли, лежит в ответственности, а не наоборот.

Предлагаемая статья исходит из такого понимания.

1

Понятие ответственности, рассмотренное в первом приближении, совпадает с буквальным и общеупотребительным значением самого слова. Оно выделяет тот аспект деятельности, согласно которому человек отвечает за то, что он делает. Быть ответственным означает всего лишь – платить по своим счетам или, как говорит английский исследователь Ф. Брэдли, «быть призванным к ответу» [1], называя такой взгляд простонародным, точкой зрения обычного человека, ум которого не испорчен многочисленными теоретическими спорами вокруг данной темы. Принимая такое понимание, попытаемся его уточнить, конкретизировать *кто, кого, за что и каким образом* может призвать – и призывает – ответу. При этом нас будут интересовать не мнения философов, а то, что предшествует им – реальная практика ответственных отношений в том виде, в каком она представлена (закреплена, клиширована) в повседневном сознании и признается любым современным здравомыслящим человеком. Особо следует подчеркнуть, что речь идет не только о том, что думают простые люди (если они вообще об этом думают), а о том, прежде всего, из какого понимания ответственности они (в том числе, между прочим, философы в качестве простых людей) исходят в своем жизненном опыте.

Итак, ответственность означает быть «призванным к ответу». В этом определении – две смысловые единицы: «ответ» и «быть призванным», соединенные в одно. Начнем со слова «ответ». Оно указывает на такое звено в цепи человеческой деятельности, которое является вторичным, производным. Ответу всегда предшествует вопрос, и он прямо зависит от вопроса. Чтобы уточнить, кто призывает к ответу или, что одно и то же, перед кем необходимо

держат ответ, надо установить, о какого рода вопросах идет речь в случае ответственности.

Ясно, что это не могут быть обычные вопросы эпистемиологического характера, которые имеют своим предметом знания, и ответ на которые не зависит от того, кто их задает и кому их задают. В нашем случае вопросы касаются действий, не знаний о мире, а позиции по отношению к нему. К примеру, одно дело спросить кого-то (школьника, например), сколько будет дважды два, и совсем другое спросить его же, почему он не выучил таблицу умножения. В этом, втором, случае мы его не только спрашиваем, а призываем к ответу за то, что он должен был, призван был сделать. Здесь уже, в строгом смысле, речь идет не о вопросе, а о вызове, точнее – о продолжении, итоге некоего предшествующего вызова. В контексте ответственности ответу предшествует именно вызов, некая настоятельная обращенность, призванность, требовательность.

Под вызовом часто понимают любые требуемые настоящего решения задачи, стоящие перед человеком и обществом; так, головоломную научную проблему называют вызовом для ученых, преодоление технической отсталости – вызовом для страны, глобальные опасности – вызовом для человечества. А. Тойнби придавал большое значение механизму вызовов и ответов в своей теории цивилизаций, рассматривая его в качестве их основной движущей пружины. Возможно, отчасти именно благодаря ему, понятие вызова получило широкое хождение и закрепилось в общегуманитарной лексике.

В рамках такого суждения не проводятся различия между объективными потребностями и субъективно оформленными требованиями. А оно (данное различие) для понимания интересующего нас предмета имеет первостепенное значение. К примеру, человек, в отличие от других приматов, не имеет природной защиты от суровых клима-

тических условий. Он самим положением вещей поставлен перед жизненной необходимостью найти выход из этой ситуации. Можно сказать, что природа бросила ему вызов, на который он ответил тем, что научился шить одежды и строить жилища. Сопоставим это с другим вызовом, заключающимся в том, что человеку запрещено появляться обнаженным в публичном пространстве. В первом случае речь идет о внешне заданной необходимости, которая безлична и неотвратима. При этом необходимость совершенно не зависит от того, будет ли она воспринята в качестве вызова и получит ли продолжение в ответе. Суровые погодные условия, являющиеся вызовом для незащищенного человеческого тела, совершенно не зависят от того, будет ли на них какая-либо реакция или нет.

Во втором варианте мы имеем дело с культурной (цивилизационной) нормой, которая субъективно обусловлена и произвольна. В этом случае вызов, совпадающий с нормой, не только нуждается в ответе, но прямо зависит от него; более того – только в ответе и через ответ обретает свое бытие. Если люди не будут следовать запрету и начнут ходить обнаженными в публичном пространстве, то исчезнет сам запрет, а в каком-то смысле и публичное пространство. Ответственность связана с вызовами второго рода – установлениями культуры, которые задают определенные каноны мышления и поведения и за которыми в качестве источника и гарантии стоит та или иная повелевающая воля.

Ответу, как было сказано, предшествует вызов, и он связан вызовом, является его выражением и продолжением. Очень важно отметить – повелевающая воля не только источник вызова, но и его страж. Она заинтересована в ответе. Ответ проверяет и оценивает тот, кто задает вопрос и кто изначально был призван в качестве имеющего право делать это, а именно – та воля, которая повелевает

и стоит за предшествующим ответу вызовом. Для гражданина – это государство, для верующего – бог, для морального индивида – моральный закон, для детей – родители.

Существует несомненная и давно известная философско-антропологическая истина, согласно которой нельзя жить в обществе и быть независимым от него. Она говорит о том, что человек есть общественное существо, что он обретает свою индивидуальность, становится самостоятельно действующей единицей в обществе и в качестве общественного существа, что, следовательно, он зависит от общества и общество – не только арена, пространство его деятельности, но и его животворный источник. На вопрос: кто задает человеку требующие ответа вопросы, и бросает ему «вызовы», можно было бы отвечать кратко – общество. Ганс Йонас, осуществивший развернутое исследование ответственности и даже разработавший специальную этику ответственности по аналогии с философскими теориями этики счастья, этики долга и т.д., полагает, что ответственность уходит своими корнями в природное существование человека и ещё дальше – в метафизические глубины бытия. Он считает, что цели заложены в природе, и заповедь может исходить не только от повелевающей воли, например, личного бога, но и имманентного притязания блага как такового на свою действительность [4, 153]. Бытие в его неравнодушии к себе и противостоянии небытию «становится постоянным выбором самого себя [4, 157].

В рамках такого подхода понятие ответственности онтологизируется, и Йонас выделяет две её разновидности: природную и договорную. Первая является естественной и воплощается, в частности, в родительской ответственности; вторая свободно избирается, исторически изменчива, многообразно и наиболее полно выражается в ответственности политика. Здесь мы имеем случай расширительного взгляда на ответственность, в рамках которого теря-

ется её специфика.

Для понимания ответственности существенным является именно отличие культуры (общества) от природы, а не их сходство. Конечно, они связаны между собой, но связаны как два качественно разных уровня одного и того же – бытия человека. Хотя природное существование предшествует социокультурному бытию человека, оно входит в него и опосредуется им, в результате чего естественные связи приобретают искусственную (сознательную, договорную) форму ответственных отношений. О той же родительской ответственности мы можем говорить тогда и в той мере, когда и в какой родительские функции протекают уже не в примитивной форме, а приобретают институционально оформленный (договорной) характер. Однако здесь требуется, как минимум, два существенных уточнения.

Во-первых, общество как таковое не обладает субъектностью и само по себе не может задавать никаких вопросов. Существуют, конечно, люди, которые говорят от имени общества, точно так же часто можно слышать, когда кто-то вещает от имени времени, эпохи, иногда даже от имени Бога, но все это – в лучшем случае – фигуральные, а в большинстве – демагогические и фальшивые речи, и мы их сейчас оставим в стороне. В действительности общество состоит из разнообразных институтов, сфер, функций, организаций, из необъятного множества индивидов и их больших и малых объединений со своими особыми интересами, ситуациями и речами. Все эти волевые импульсы бросают свои вызовы, задают свои схемы активности, которые принципиально многообразны и противоречивы. Каким бы упорядоченным, организованным, сплоченным, тоталитарным и т.д. общество в его конкретных вариантах той или иной страны (государства) ни было (не говоря уже о человечестве в целом), невозможно практически бесконечное количество создающих это об-

щество человеческих волей стянуть в некую единую волю, подчинить одной воле. Может быть (опять-таки несколько отвлекаясь), уместно заметить: именно потому, что развитие общества является равнодействующей практически бесчисленного количества индивидуальных волей, оно, хотя и протекает в форме сознательной деятельности людей, тем не менее разворачивается как объективный, независимый от них процесс. Но люди, поскольку речь идет об их деятельности, непосредственно имеют дело с людьми, а не с объективными процессами.

Во-вторых, тот, к кому общество обращает требования (вызовы), сам входит в него, и это в определенном смысле его собственные требования. Данный момент очень важен, и мы к нему вернемся, когда будем говорить о различных формах ответственности.

Вызов, который предшествует ответу, делается в расчете на ответ, в ответе находит свое осуществление и является по отношению к нему лишь возможностью, но никак не причиной. Вызов, следовательно, хотя и предшествует ответу, в то же время зависит от него. Это приблизительно так же, как продавец товаров зависит от покупателя. Если не будет того, кто продает, то не будет и того, кто покупает; но тот, кто продает, заранее предполагает, ищет покупателя. Кроме того, он лишь предлагает, он хочет, чтобы его товар купили, но не факт, что предложение будет принято и товар будет куплен. Теперь слово за покупателем, продавец потенциально произвел покупателя и сам стал зависим от него. Кто же является покупателем в нашем случае, кто тот, к кому адресован вызов и от кого ждут ответ?

На вызов, который исходит от человека и существует не только как факт, объективная потребность, но и как предъявленное требование, ответ может дать также только человек – существо, способное понять этот вызов и принять его в качестве основания своей активности. Логи-

ка ответственных отношений исходит из предпосылки, что за следствие «отвечает» причина и рассматривает человека в качестве причины своих собственных действий. Человек является причиной, поскольку он обладает повелевающей волей, действует сознательно, т.е. знает, *что* он делает, и что это *он* делает то, что делает. Дети бьют стол, о который они ударились, дикари при неудачах били своих идолов, древние судили домашних животных. Все это признаки неразвитого сознания ответственности. Оно сохранилось и в наши дни, но в рудиментарном и маргинализированном виде.

Превалирующая установка современного повседневного сознания – убеждение, согласно которому субъектом ответственности является человек и ответ может держать только он в лице конкретных действующих индивидов. Решающим здесь является то обстоятельство, что вещи, животные и идолы просто «действуют» – автоматически, непосредственно обнаруживают свою природу, прямо следуя причине, которая «действию» предшествует, и не считаясь со следствием, к которому оно приведет, у них нет воли, а если есть, то она совпадает с их бытием; человек же опосредует свои действия сознанием того, что им предшествует и что за ними последует, он обладает волей как особой управляющей инстанцией и прежде чем действовать, он принимает решение об этом.

Человек является субъектом ответственности, поскольку он обладает разумной волей и действует в соответствии с ней. Вызовы становятся ответами только после того, как они прошли через сито собственного разума действующего индивида и стали актами его воли. Именно на таком понимании зиждется вся практика ответственных отношений, о чем свидетельствует тот факт, что из неё выводятся (или в неё ограничено включаются) дети, ум которых не достиг зрелости, и те, кто не может действовать на основе (в соответствии) разумной воли – люди с

больной психикой, ум которых повредился до степени, когда он теряет способность быть управляющей инстанцией. Как совершенно справедливо считается, ни те, ни другие не могут отвечать за свои действия, так как они не понимают того, что от них требуется: действия совершаются через них, но не ими. Никто из них не может сказать про свои действия: «Это совершил я». И с этой точки зрения действительно не является их причиной. И дети, и душевнобольные остаются причиной своих действий в природном смысле, т.е. слепой, объективной причиной, совпадающей с самим действием. Но они не являются их причиной в человеческом смысле, т.е. сознательной, субъективной причиной, отличной от действия, возвышающейся над ним и учреждающей его. Можно сказать так: они являются случайной и преходящей причиной действий, как и сами действия, но не первопричиной, не их постоянным порождающим основанием.

Когда говорится, что человек является субъектом ответственности в той мере, в какой он обладает разумной волей, действует сознательно, в здравом уме, то имеется в виду не просто технический аспект действия, рассчитывающий условия его успешного протекания (это умеют делать и дети, ум которых ещё не созрел, и больные, которые лишились его), а нечто более существенное. Человек не просто обладает разумной волей как особой управляющей инстанцией, он одновременно отождествляет, идентифицирует себя с ней. Это – то главное, что делает его субъектом, выделяет в человеческой массе и обособляет от других в качестве личности.

Быть субъектом – значит быть причинностью самого себя, на чужие вопросы и вызовы давать собственные ответы, дескрипцию мира трансформировать в прескрипцию своего существования в качестве субъекта. Человек обретает достоинство, становится личностью, позволяющей ему говорить о себе в первом лице только в качестве при-

чины, основания всего, что он думает, говорит, делает. Самоидентификация личности, которая признается ею самой («Я так подумала, я это сказала, я это сделала») и признается другими (когда они утверждают: «Ты так подумала, ты это сказала, ты это сделала»), является непременным и самоочевидным условием ответственности. Действия человека, с одной стороны, принадлежат объективному миру, они неисчерпаемо разнообразны, каждое имеет свою причину и в этом смысле ничем не отличается от того, что происходит в органической и неорганической природе. С другой стороны, все они являются действиями данного индивида, входят в поле его ответственности.

Между этими двумя аспектами детерминации человеческих действий есть, однако, одно существенное отличие. Объективная цепь причинных связей, в которую включено то или иное действие, уходит в бесконечность, никогда не доходит до последней точки, которую можно было бы считать причиной причин. Поэтому философы говорят о мировом разуме, необходимости, которая прячется за случайностью; теологи говорят о боге, без воли которого не падает даже волос с головы; простые люди говорят о судьбе, провидении, о бесе, который все путает, и т.д. Субъективная, идеально опосредованная цепь причинных связей может быть доведена, и каждый раз доходит, до своего последнего основания – до субъекта, до того «я» в лице конкретных индивидов, которые принимают решения.

К примеру, вы пошли в кино. Объективно исследовать все причинные линии, заставившие вас сделать это, так же трудно или невозможно (как, впрочем, и так же бессмысленно), как объяснить, почему та или иная муха села именно туда, куда она села. В субъективном плане это действие получает законченное объяснение, когда мы устанавливаем, что это вы приняли решение пойти в кино. Повелевающая воля индивида является, в этом плане,

последней причиной. Субъект оказывается той точкой, в которой фокусируются все воздействия мира на индивида, и преломляясь через которую, объективный безличный мир становится его собственным миром, миром, за который он взял на себя ответственность.

Каждый человек включен в разнообразные отношения, совершает самые разнообразные дела, которые сами по себе могут быть очень далекими и даже исключаящими друг друга. Сегодня, когда многие, заснувшие коммунистами, просыпаются антикоммунистами, вчерашние атеисты табунами валят в церкви, серийные убийцы оказываются любящими мужьями и т.д., и т.п., мы хорошо знаем, насколько разными и несовместимыми они могут быть. За всеми этими разнообразными и несовместимыми действиями может стоять одно и то же лицо. К примеру, автор, который сегодня критикует то, что он писал вчера, будучи разным с точки зрения взглядов, является одним и тем же субъектом, так как это – разные взгляды одного и того же человека. Человек, задокументированный при рождении в качестве определенного лица, остается таковым на всю жизнь и даже после жизни, какими бы ни были перипетии самой жизни и всего, что происходит с ним (его именем) после смерти. Тем самым человек рассматривается в качестве субъекта, самостоятельной линии детерминации и точки отсчета в мире.

Практика ответственности с её всеобщим убеждением, согласно которому ответ дает то или иное лицо, тождественное самому себе во всем многообразии его действий и на протяжении всей жизни, означает признание человека в качестве самостоятельного детерминирующего основания его субъективности. Мало знать, кто является автором того или иного поступка, надо ещё знать, кто является тем субъектом (лицом), который (ое) стоит за ним. Надо знать *автора*. К примеру, если некто совершил преступление, нам (и людям, и юридическим инстанциям) не-

достаточно того, что это – некий Х. Важно ещё установить, является ли Х на самом деле Х, не поддельный ли у него паспорт, не украдена ли фотография. Нам мало знать, кто есть преступник. Нам надо ещё знать, кто есть тот человек, который оказался преступником.

Это же относится и к героическим деяниям. Человек получил награду за героический поступок. Но впоследствии совершил тяжкие преступления и его лишили полученных ранее наград. Здесь мы видим очевидное различие между субъектом и его отдельной ипостасью: предполагается, что награжден был не герой, а человек, ставший героем. В интересующем нас плане ещё более показательными являются случаи, когда люди теряют свою родословную или узнают в зрелом возрасте, что те, кого они считали и любили в качестве родителей, ими не являются. Они оказываются дезориентированы, смущены неполнотой своей идентичности, и прилагают большие усилия, чтобы восполнить её, узнать, кто же они на самом деле в плане родословной.

Итак, ответ может держать только тот, кто обладает повелительной волей и в той мере, в какой обладает ею. Но ведь и вызов (вопрос), вызывающий и требующий ответа, исходит, как мы видели, от повелевающей воли. Субъект и в том, и в другом случае один: повелевающая воля. Тот, кто дает ответ, может также задать вопрос. И дело здесь не только в том, что субъект, т.е. индивид, обладающий повелевающей волей, может выступать в разных ипостасях: в одном случае – спрашивать, в другом – отвечать. Более существенно иное: призванный к ответу сам компетентен оценивать обоснованность, оправданность вопроса и, соответственно, принять его или отвергнуть.

Следовательно, субъект отвечает на вопрос, который он сам мог бы и должен бы себе задать; в известном смысле он отвечает на свой собственный вопрос и сам призывает себя к ответу. Довольно частые житейские си-

туации, когда человек отводит обращенные к нему вопросы и требования («Кто вы такой, чтобы спрашивать с меня? Почему я должен давать вам отчет? Я сам знаю, что я делаю»), свидетельствуют, что он готов отвечать только на те вопросы и вызовы, которые находит обоснованными. Человек сам решает, кому и на какие вопросы должен давать ответ. Так, когда он в качестве свидетеля или подозреваемого находится на допросе, то он отвечает на вопросы следователя, поскольку, будучи гражданином, признает за ним право задавать их.

2

Обобщая сказанное, делаем вывод: ответственность связана, говоря точнее, является выражением очевидного и специфичного факта бытия человека – сознательного, целесообразного характера его деятельности. Все наши действия – от самых элементарных телесных движений, протекающих в форме непосредственных, доведенных до автоматизма привычек, до самых возвышенных продумываемых десятилетиями философских решений, – осуществляют в качестве сознательных волевых актов. Речь идет о том, что в длинном, идущем из бесконечности причинном ряду, стоящем за тем или иным действием, последним звеном является сознательное решение индивида совершить его, и оно, данное решение, ответственно за это действие, подобно тому, как вообще причина ответственна за порождаемое ею следствие. При этом сознание – не только канал, через который проходят предшествующие причинные связи, а вполне самостоятельное звено; оно фильтрует их и само становится новым началом последующей, уходящей в бесконечность причинной цепи.

Человек ответственен за все совершаемые им действия, так как и поскольку они суть его действия, и он есть их причина. Он ответственен за них и в качестве природного существа, и в качестве социального существа, и в качестве морального существа.

В качестве природного существа он несет ответственность за свою собственную природу, как и за природную (физическую) добротность своих действий, за их адекватность его собственному физическому бытию и в индивидуальном, и в родовом аспектах. Цену за них он также платит физическую, которая, как каждый из нас знает (например, страдая от всякого рода излишеств в еде), является самой точной и неотвратимой.

В качестве социального существа он несет ответственность за свое социальное бытие, за общественную добротность своих действий, их согласованность с действиями других людей и публичный статус. Они взвешиваются на весах собственного социального самочувствия индивида, равно как и получаемых (испытываемых) им разнообразных общественных признаний и наказаний, приобретений и потерь.

В качестве нравственного существа человек несет ответственность за самого себя – субъекта, способного на выстраивание своей жизнедеятельности, а через нее и всего мира в перспективе, которую он сам находит наилучшей, и стягивание всех причинных оснований своих действий к самому себе как к последней причине. Опознавательным знаком человека в его нравственной ипостаси является способность к действиям (поступкам), которые имеют безусловную ценность. Эти последние по определению не имеют цены и, что является отличительным признаком всякого подлинно доброго дела, остаются тайной того, кто их совершает.

Здесь мы имеем три уровня (формы) ответственности, которые сообразно с принятой традицией, полагающей, будто человек всегда отвечает только перед кем-то, можно было бы назвать ответственностью перед природой, ответственностью перед обществом и ответственностью перед самим собой. На самом деле человек во всех случаях сам отвечает за свои решения и в этом смысле

также всегда отвечает за них перед собой, только выступает (реализует себя) он при этом в разных качествах – природном, социальном, нравственном.

Трем уровням (формам) ответственности соразмерны также три уровня (формы) свободы: свобода действий; свобода выбора; свобода воли [3]. Ответственность и свобода – это два аспекта, две стороны одной и той же реальности сознательной (целесообразной) человеческой жизнедеятельности. Рассмотренная с внешней стороны она выступает как ответственное существование в мире того, кто действует. Рассмотренная изнутри она является свободным решением того, кто действует.

Свобода действий означает, что индивид действует по своей воле, когда, действуя, он реализует свои желания. Здесь речь идет о переходе желаний в действие, который не может совершиться без участия сознательной воли индивида, без его решения совершить такой переход. Свободными являются не какие-то особые классы действий. Таковы все действия, совершаемые людьми в здравом уме. Из них может быть исключен только очень ограниченный круг действий, при которых выключается воля человека, а соответственно и возможность действовать сообразно с ней, как, например, в ситуации прямой скованности движений в результате внешнего насилия или стихийного бедствия. Аристотель, тщательно исследовавший этот вопрос в третьей книге «Никомаховой этики», относил к ним еще действия по неведению. Отдельным, часто обсуждавшимся, но не имеющим однозначного решения, является вопрос о том, можно ли исключить из класса свободных и отнести к подневольным действия, совершаемые под страхом смертельной угрозы (под дулом пистолета, например).

Свобода выбора заключается в выборе между желаниями на основе их взвешивания на весах рассчитывающего и оценивающего разума. Желания человека неизме-

римо многократно превышают имеющиеся у него возможности их реализации; они, далее, многообразны и часто взаимно исключают друг друга; возможности просчета их следствий также ограничены. Плюс ко всему, учитывая, что сам выбирающий субъект включен в ситуацию выбора, ход и исход которого будет зависеть от его выбора, не трудно заключить, что свобода выбора – не только трудный, но всегда также рискованный процесс, своего рода прыжок в неизвестность.

Свобода воли имеет своим предметом не выбор между имеющимися желаниями, проистекающими из природных и социальных оснований и обстоятельств жизни индивида, а выбор (формирование) самих желаний – желаний, которые были бы желанны сами по себе и, став действиями, сохраняли навечно свою изначальную самоценность. Она тем отличается от других форм свободы, что воля в этом случае не опосредует причинный ряд действий в качестве их последнего звена, а заключает свою причинность в себе и кладет начало новому причинному ряду, как если бы ей было дано заново творить мир. Отсюда – выделенный Кантом опознавательный признак моральных поступков как поступков, совершаемых вопреки склонностям, несомненным случаем и – одновременно – образцом которых может считаться христианская заповедь прощать своих врагов.

Выделенные уровни (формы) свободы, как и различные уровни (формы) ответственности, причинным основанием которых они являются, не существуют отдельно. Они все включены в реальный процесс жизнедеятельности, присутствуют в каждом его акте. Они представляют собой разные аспекты (стадии) принятия решения о действии. Как осуществляется взаимодействие между ними и реализуется их единство – это самостоятельный и нуждающийся в специальном исследовании вопрос.

Список литературы

1. *Брэдли Ф.Г.* Этические исследования. СПб.: Изд-во РХГА, 2010. С. 24.
2. *Виндельбанд В.* О свободе воли // Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М., 1995. С. 508-657.
3. *Гусейнов А.А.* Свобода воли и ответственность // История философии / Уч. пособие под ред. Н.В. Мотрошиловой. М., 2001. С. 194-284.
4. *Йонас Г.* Принцип ответственности. М., 2004. С. 153.

В.А. Абилькенова

УДК 179.1

Новая старая идентичность журналистики: ренессанс профессиональной миссии?

Аннотация: кризис идентичности журналистики по-прежнему занимает лидирующее место в повестке дня как профессионального, так и научного сообщества. Но сегодня появились основания говорить о признаках успешного возвращения журналистики, а главное – о развитии ее старой миссии социальной ответственности.

Ключевые слова: профессиональная этика журналиста, миссия профессии, роль журналиста, блогерство, новые медиа, медиакорпорация, идентичность журналистики.

Ситуация в профессиональной журналистике последних лет, а также настроения в обществе в целом и сообществе журналистов в частности, оставляют все меньше поводов для оптимистических планов профессионалов на будущее. Вот и большинство из участников эмпирического проекта «Ценностные ориентиры журналистики: “служба хозяину” (бизнесу и/или власти)? простые нормы нравственности? этика профессии? корпоративная этика СМИ?» [2, 175], хотя и говорят о необходимости поиска компромисса между этими альтернативами, но в их интонациях чувствуется усталость от такой позиции. И Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, обращаясь к гаранту Конституции страны, выражает «крайнюю озабоченность в связи с многочисленными фактами, складывающимися в общую картину наступления на профессиональную и качественную журналистику гражданского общества» [10].

На этом фоне две книги Института развития прессы–Сибирь (ИРП-Сибирь), аккумулировавшие идеи нескольких проектов (в частности – «Новые медиа для нового общества» [5] и «Школа гражданских коммуникаций» [17]), вносят позитивное настроение – содержат вполне конкретные рецепты, которые обеспечивают успех СМИ не только эффективной бизнес-моделью, но прежде всего возможностью следовать миссии журналистской профессии и работать в формате качественной журналистики.

При этом важно учесть, что оба проекта рассчитаны прежде всего на региональные СМИ.

Проект «Школа гражданских коммуникаций» посвящен укреплению «прямой демократии» и расширению возможностей граждан непосредственно участвовать в защите своих прав. С этой целью в Школе гражданских коммуникаций на базе постоянно действующей социальной правозащитной сети «Так-так-так», в рамках концепции «медиа прямого участия» (веб 2.0), проводится регулярное обучение представителей негосударственных региональных (местных) издательских домов использованию современных методов интерактивной гражданской журналистики. Одновременно на базе этого же портала происходит разработка и усовершенствование учебной программы «Медиаконвергенция и гражданские коммуникации в Интернете» для региональных университетов [15].

Основная цель проекта «Новые медиа для нового общества» – создание модели регионального (местного) гражданского сообщества, объединенного интерактивными возможностями эффективной защиты прав граждан и противодействия коррупции на базе современных медийных технологий. Основная задача – становление и развитие на базе традиционных местных масс-медиа экономически независимых конвергентных медиапредприятий нового типа, способных объединять граждан для отстаивания общественных интересов и прав человека [6].

Полагая, что традиционные российские СМИ перестали быть площадкой, где гражданское общество могло бы реализовать свои идеи или заявить о волнующей проблеме, авторы проектов решили использовать для этого возможности Интернета. Но их обращение к Сети имело целью не только использование новых технологических прорывов, как это чаще всего делается, но и создание на их базе дискуссионной площадки.

Возвращение читателя – это и новая концепция медиа («Для СМИ настал специфичный трансформационный период: переход от коллективных медиа к индивидуальным, или окончание “эры вещания на аудиторию” и наступление “эры взаимодействия с пользователем” [9, 68]. Это подтверждают и исследования центра Internet and American life project 2010, согласно которым «аудитории нужны мобильные и персонифицированные новости, предполагающие участие пользователя» [9, 70]), и эффективная бизнес-модель («В современном медиабизнесе ценность самой по себе информации падает, потому что появился ее переизбыток, она стала доступна для всех. Важнее стала упаковка и контакт с аудиторией – знание ее запросов, ценностей, интересов. Медиа должны научиться понимать интересы аудитории, искать обратную связь с потребителями» [4, 63]).

Неужели две задачи, которые всегда считались противоречащими друг другу в СМИ (учитывать интересы аудитории и зарабатывать при этом деньги), благодаря Интернету наконец-то совпали? Скорее всего, искать ответ на этот вопрос еще рано: новые проекты пока реализуются на отдельных территориях. Но логика возвращения к теме традиционной идентичности журналистской профессии и вообще к старым темам миссии и роли журналиста в обществе, его ответственности за формирование повестки дня – интересна.

Еще несколько лет назад главным редакторам и журналистам казалось, что «просто сообщать новости» – это едва ли не единственно возможная, и даже честная, профессиональная позиция [12, 55]. Хотя, может быть, под этим скрывались нежелание или неумение сформулировать роль своего СМИ в обществе. «Но сегодня такая позиция мало что дает и самой редакции, и тому сообществу, в котором это медиа работает», – уверена одна из участниц проектов О.Силантьева, тренер-консультант в сфере внутренней, внешней и массовой коммуникации [11, 37].

Эту мысль развивает другой участник проекта Института развития прессы-Сибирь, генеральный директор издательского дома «Алтапресс» Ю.Пургин, акцентируя внимание на том, что собственно информация, факты поступают к журналистам отовсюду, «в том числе от наших читателей». Значит, «умение производить на конвейере качественный контент должно стать ключевой компетенцией настоящих редакций». При этом он формулирует и сверхзадачу: «И надо суметь оторваться от технологии. В какой-то момент редакции оказались заложниками технического прогресса... Нам надо заботиться о своей уникальности. А что мы можем производить? Качественную журналистику» [9, 73].

В высказывании А. Качкаевой находим более развернутое рассуждение о качественной журналистике: «...любое СМИ в силу своего статуса, репутации, профессиональной ответственности и поэтому, все еще верится, легитимного доверия – добавляет единичному факту объем, наращивает авторитетность источника, обобщает, ставит проблему, наконец, способствует ее решению» [3, 10].

Вполне естественно, что переосмысление профессиональной позиции по отношению к своей миссии и роли в обществе влечет и необходимость решения проблемы модернизации профессионально-этических документов, о

чем и задумываются участники представленных ИРП-Сибирь проектов. Так, по мнению О. Силантьевой, традиционные требования кодексов профессиональной этики журналиста (информация должна быть актуальной, точной, достоверной, источники – надежны, а журналист – максимально непредвзятым) нуждаются в дополнении. «Редакционные стандарты BBC прямо указывают, что читателю необходимо видеть целостную картину мира, поэтому журналисты обязаны представлять материалы, которые делали бы эту картину объективной, полной и понятной», – пишет автор. Более того, принципиально важным является и то, что медиа могут не только отражать реальность, но и формировать ее в более позитивном, созидательном ключе. «Позитивность – это угол подачи. Это установка на поиск решения важных проблем, на освещение тех событий, которые действительно влияют на развитие нашего общества» [11, 38].

Эту идею О. Силантьевой подкрепляет и зарубежный участник проекта профессор Бак Райан: «Этические стандарты со временем меняются. Если в 30-40-е годы важнейшим было раздобыть сведения и первым написать о событии, то с течением времени пришло сознание того, что, владея информацией, можно улучшать жизнь людей» [17, 182].

Рассуждения участников проектов о переосмыслении своей профессиональной миссии и необходимости в связи с этим модернизации профессионально-этических документов показывают не только действенный подход в решении одной из самых злободневных проблем профессии. Не менее важна в данном случае неразрывная связь между профессиональной позицией и правилами, нормами, закрепляемыми в документах морального толка. А также – подвижность этических стандартов, которые не являются раз и навсегда зацементированными постулатами. Эти живые элементы нормативной системы каждый раз требуют

анализа, а при необходимости – уточнения, расширения.

Необходимая грань новой старой модели журналистики, возвращающейся к своей миссии, – это, конечно, читатель. Он, если даже его называют потребителем, не только вновь оказывается в центре внимания редакции, но становится автором или соавтором контента. Ю. Пургин, в редакции которого реализуется новая стратегия СМИ – концепция информационного взаимодействия с сообществом (миссия такой редакции – стать центром коммуникации местного сообщества), сформулировал несколько принципов взаимоотношений с *новым читателем*.

Во-первых, это не пассивный, а активный читатель, зритель, слушатель, которые желают «выступать в роли соавторов и редакторов, оценивать публикации, голосовать и комментировать события» [9, 80].

Во-вторых, читатель-потребитель требует общаться с ними в режиме диалога или даже полилога: «СМИ переходят под контроль потребителей. Потребители начинают управлять нашим контентом. Они его дополняют, редактируют, распространяют» [9, 75-77].

Во главу угла ставится местное сообщество активного читателя и редакции. Речь идет о новой бизнес-модели современных СМИ – «СЗ» (Complete Community Connection): «Полное подключение сообщества» или «Совершенное соединение сообщества». Принцип работы прост: «Успешность местных и региональных СМИ лежит в области гиперлокальности информации, тесной связи с местным сообществом, информационным обслуживанием жизни местного сообщества. Контент, значимый для сообщества, объединенный с контентом, значимым для человека персонально – таково информационное поле, на котором может развиваться местная медиакомпания» [17, 131].

Новая ипостась региональных СМИ, обращает внимание Ю. Пургин, требует возвращения забытых жанров журналистики. Во-первых, актуальными становятся автор-

ские высказывания: «колонки, отражающие мнение автора, дискуссионные клубы, полосы мнений». Во-вторых, информационные жанры приобретают аналитические элементы: «комментированный репортаж» – событие в контексте с прогнозом его влияния и последствий, «экспертиза факта» – своеобразное препарирование происшедшего с объяснением экспертов, что это значит. Особую позицию занимают большие «журнальные» истории – очерки нравов и журналистские расследования» [8, 81-82].

То есть, вместо обезличенных и «объективных» текстов читателю вновь важно увидеть отношение журналиста к тому событию, о котором он пишет, читателю нужны яркие, авторские статьи. Таким образом, делает вывод Ю. Пургин, «настоящей журналистике, с большой буквы, предстоит ренессанс».

О возвращении профессии говорит и Дж. Шафер, исполнительный директор J-Lab The Institute for Interactive Journalism (США), называя ее «журналистика решений» и характеризуя ее как «чрезвычайно важный механизм инструментария гражданской и общественной журналистики, который существовал более десятка лет назад» [14, 22].

***

Есть надежда, что вернув читателя, зрителя, слушателя, СМИ могут поставить точку и в споре о том, не заменят ли блогеры или гражданские журналисты традиционную журналистику. Ведь в целом эти явления обязаны своим происхождением кризису журналистской деятельности, который проявился в ослаблении возможности исполнять профессиональную миссию [1, 240].

Новая концепция информационного взаимодействия с местным сообществом, предполагающая связь редакции не только с равнодушными гражданами, но и с блогерами, гражданскими журналистами, позволяет «снять» «антагонистическую игру», как назвал этот кризис Стив Батри,

тренер Школы гражданских коммуникаций, директор по взаимодействию с сообществом интернет-компании TBD. По его мнению, сравнивать старые и новые медиа – все равно что сравнивать яблоки с виноградом: виноградина никогда не заменит яблоко [17, 15]. Правильнее было бы говорить о том, что «медиа новой волны... дали новый шанс традиционным медиа для развития в русле гражданских коммуникаций – совершенствуя функции общественного диалога» [13, 52].

При этом определено место и технологиям, на которые в свое время сместился акцент в современной журналистике: «с ценностей – к технологичности» [7]. Как справедливо отмечает одна из участниц проекта, профессор С. Шайхитдинова: «не информационные технологии и их форматы порождают гражданские коммуникации, а люди – граждане. Соответственно, гражданские коммуникации – это не сегмент ИКТ, не сегмент социальных сетей, а их характеристика, некое общественное качество» [13, 54].

Нельзя не заметить: в современной журналистике произошла очередная переоценка ценностей. Позиция информатора (точнее – такое ограничение своей миссии), выбранная журналистами в конце 90-х – начале 2000-х годов, наверное, не выдержала испытание временем, которое показало определенную безответственность такой тактики. Может быть, это стало «ширмой», за которую спрятались журналисты в ситуации неопределенности. Так или иначе, явления блоггерства, гражданской журналистики (новых медиа) подтверждают уязвимость такой позиции.

Обе книги ИРП-Сибирь, обобщившие опыт интересных и актуальных для профессии проектов, шаг за шагом показывают, как можно выбраться из ситуации застоя и кризиса в профессии. М. Юкечева, например, считает, что все условия для этого – от технических до социальных – уже есть: «Единственное, чего не хватает, – желания ре-

дакторов и журналистов двигаться в непредсказуемое будущее, в ту сторону, где сообщества и отдельные граждане не будут на равных с медиапрофессионалами определять информационную повестку дня. Куда удобнее и проще позиция «информатора»» [16, 78].

Полагаю, что рассмотренные проекты дают некоторые основания говорить о ренессансе профессиональной миссии журналистики. По крайней мере, участники проектов предлагают признаки успешного поиска новой старой идентичности профессии. Новой старой? Хотя в этих проектах акцентируется еще одна характеристика профессии – «журналистика решений», по сути речь идет о развитии ее старой миссии социальной ответственности.

Для подтверждения этого тезиса достаточно вспомнить еще недавно активно обсуждаемые профессиональным сообществом существующие концепции: «гражданская журналистика», «коммунитарная журналистика», партиципарная коммуникация, диалоговая журналистика, гуманитарная журналистика и т.п., которые тоже являлись попыткой решения проблемы взаимоотношений СМИ и общества.

Благодаря «журналистике решений» можно увидеть существенное продвижение «старой» миссии социальной ответственности в поле региональной журналистики в ее связи с местным сообществом.

Список литературы

1. *Абилькенова В. А.* Новые медиафеномены в курсе профессиональной этики журналиста // Прикладная этика: экспертный потенциал. Ведомости прикладной этики. Вып.41 / Под ред. В. И. Бакштановского, В. В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2012.

2. *Абилькенова В. А.* Самоопределение журналиста в ситуации дуализма этики профессии и корпоративной эти-

ки СМИ (программные аспекты исследования и первые эмпирические результаты) // «Что такое хорошо и что такое плохо?» в прикладных *моралях*. Ведомости прикладной этики. Вып.43. Тюмень: НИИ ПЭ, 2013.

3. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. М.: Фонд «Фокус-медиа», 2010.

4. Заметки на полях // Какие медиа – такое общество / Под ред. В. Юкечева. Новосибирск: ИРП-Сибирь, 2013.

5. Какие медиа – такое общество / Под ред. В. Юкечева. Новосибирск: ИРП-Сибирь, 2013.

6. Новые медиа для нового общества // [Электронный ресурс]. URL: <http://newmedia.sibirp.ru/about/> (дата обращения 30.04.14).

7. Нюгрен Г. Депрофессионализация журналистики // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hsemedia.ru/semiar.php?type=5> (дата обращения 08.10.10).

8. Пургин Ю. Медиа-дом: как построить будущее // Какие медиа – такое общество / Под ред. В. Юкечева. Новосибирск: ИРП-Сибирь, 2013.

9. Пургин Ю. «Что делать на мосту, который ведет из прошлого в будущее» // Какие медиа – такое общество / Под ред. В.Юкечева. Новосибирск: ИРП-Сибирь, 2013.

10. Рекомендации по итогам специального заседания "Медиа гражданского общества: трудности становления" // [Электронный ресурс]. URL: http://president-sovet.ru/structure/gruppa_po_svobode_informatsii/materialy/rekomendatsii_po_itogam_spetsialnogo_zasedaniya_media_grazhdanskogo_obshchestva_trudnosti_stanovleni.php (дата обращения 28.03.14).

11. Силантьева О. Как формируется информационная повестка дня // Какие медиа – такое общество / Под ред. В. Юкечева. Новосибирск: ИРП-Сибирь, 2013.

12. См., напр.: «Из всех известных миссий журналистики, думаю, важнее всех информационная – миссия

реализовать право человека быть информированным. Мне кажется, что информационная миссия позволяет прессе быть максимально объективной, более свободной» // *В.А. Кабакова* “...когда перед ними возникнет моральная дилемма, – будет что положить на другую чашу весов” // Тетради гуманитарной экспертизы (3). Медиаэтнос: тюменская конвенция – предварительные результаты / Отв. ред. В.И.Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2000.

13. *Шайхитдинова С.* «Умная толпа» или «гражданское общество»? К вопросу о природе гражданских коммуникаций // 9+ Новая концепция для местных масс-медиа: 9 ответов на вопрос о том, как наладить коммуникации в нашем сообществе. / Под ред. В. Юкечева. Новосибирск: ИРП-Сибирь. 2010.

14. *Шафер Д.* Новый вид журналистики: поиск верных решений для развития местных сообществ // Какие медиа – такое общество / Под ред. В.Юкечева. Новосибирск: ИРП-Сибирь. 2013.

15. Школа гражданских коммуникаций // [Электронный ресурс]. URL: <http://newmedia.sibirp.ru/about/> (дата обращения 30.04.14).

16. *Юкечева М.* «Медиасреда как социальный капитал» // 9+ Новая концепция для местных масс-медиа: 9 ответов на вопрос о том, как наладить коммуникации в нашем сообществе. / Под ред. В. Юкечева. Новосибирск: ИРП-Сибирь. 2010.

17. 9+ Новая концепция для местных масс-медиа: 9 ответов на вопрос о том, как наладить коммуникации в нашем сообществе. / Под ред. В. Юкечева. Новосибирск: ИРП-Сибирь. 2010.

В.И. Бакштановский, М.В. Богданова

УДК 174.7

**«Исполнение правильной работы» –
доминанта этики инженера
(аналитический обзор
ректорского семинара)**

Аннотация. В основе статьи – материалы коллективной экспертизы университетскими профессионалами парадигмы профессиональной *ответственности* современного инженера. Повестка дня этики инженера требует обновления. Ее мировоззренческий ярус проявляется через метафору «исполнение правильной работы» – в противовес сосредоточенности на том, «чтобы работа была выполнена правильно».

Ключевые слова: этика инженера, мировоззренческие ориентиры, профессиональная ответственность, моральный выбор.

ПРОГРАММА ЦИКЛА СЕМИНАРОВ 2014-го ГОДА

Цикл ректорских семинаров 2014-го года посвящен гуманитарной экспертизе университетской стратегии с учетом складывающейся проблемной ситуации.

Потенциальная ориентация ТюмГНГУ на статус опорного университета в регионе и вполне естественная в таком случае прагматическая установка на соответствие выпускников-инженеров требованиям работодателей несут в себе возрастание риска технократизации компетенций будущих выпускников.

Призванная профилировать этот риск профессиональная этика инженера и сегодня больше сосредоточена на том, «как добиться того, чтобы работа была выполнена правильно», чем на заботе о том, «чтобы выполнялась правильная работа».

Повестка дня исследований в сфере инженерной этики и в соответствующих учебных курсах актуализирует проблемы создания и использования безопасной техники. Поэтому в ней доминирует тема профессиональной *ответственности* инженера. И это вполне понятно в ситуации, характеризующей современное общество как «общество риска», одним из его существенных признаков является *риск техногенный*.

Однако *парадигма ответственности* в этике инженера – это, вернее, «система морального сдерживания». Такая парадигма работает скорее с запретительными нормами, *ограничивая*, сдерживая профессию, чем с *побудительными* ценностями. Ее задача – регулировать профессиональную активность во имя профилактики негативных последствий.

Из этого критического тезиса исходит гипотеза:

В исследовательскую и образовательную повестку дня профессиональной этики инженера необходимо ввести парадигму *профессионального успеха*. Парадигму, работающую с *достижительской мотивацией* инженера, морально ориентирующей его на успех в исполнении профессиональной миссии. Введение новой парадигмы позволит перевести доминанту повестки дня этики инженера с установки «правильное исполнение работы» на установку «исполнение правильной работы». Такая установка предполагает профессионала в качестве субъекта морального выбора.

Алгоритм обсуждения гипотезы (тезисы и вопросы)**Шаг первый**

«От хорошего профессора не требуется никаких особенных моральных норм и навыков, кроме тех, которые диктуются общими для всех людей, сообразными стране и эпохе требованиями моральной дисциплины».

А.А.Гусейнов, академик РАН

Возможно, и применительно к хорошему инженеру стоит отнести этот тезис? Или от хорошего инженера требуется соблюдение особых моральных норм?

Шаг второй

«Чемпион мира по шахматам Ласкер говорил, что человек ответственен только за труд, но никак не за его результаты. Значит, самое главное – это отношение к процессу труда. Ты должен сделать все, что можешь и так, как можешь. Но за результаты труда человек отвечать не может. Ведь эти результаты могут быть использованы обществом или группами людей совершенно не так, как задумал инженер»

Этика инженера: материалы пилотных интервью. Ведомости. Вып. 17. 2000. С. 11.

Можно ли принять такую позицию как одну из норм этики инженера?

Шаг третий

«В прошлом инженерная этика занималась главным образом проблемой, как добиться того, чтобы работа была выполнена правильно. Сегодня же самое время подумать: добьемся ли мы, чтобы выполнялась правильная работа».

Стефан Унгер, инженер

Не рано ли в ситуации утраты престижа отечественного инженера решать мировоззренческие вопросы, затронутые в суждении инженера С. Унгера? Не уведет ли такое мировоззренческое напряжение профессиональной этики инженера от сверхнаущной заботы отечественной инженерии о том, «чтобы работа была выполнена правильно»?

Шаг четвертый

Два тезиса о содержательном потенциале парадигмы успеха.

1. Современное общество выдвигает ценность профессионального успеха в число наиболее значимых установок человека. Профессиональный успех выступает универсальным мотивом и первоосновой для полновесной самоидентификации мобильной личности.

2. Этика профессионального успеха инженера культивирует чувство гордости за достигнутое. Это естественное и живительное чувство, оно имеет бесспорную общественную значимость, под держивает в человеке сознание собственного достоинства и т.д.

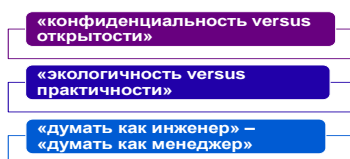
* Принимаем ли мы эти тезисы? Видим ли мы в сегодняшних инженерах и в будущих выпускниках амбициозных, предприимчивых, рискованных профессионалов, обретающих ничем не заменимую радость в погоне за достижениями, черпающих наслаждение в счастье победы и в мужестве восприятия поражения, осознающих свои способности востребованными избранной профессией?

* Может ли идея профессионального успеха воодушевлять инженеров сегодня? Можно ли говорить о культивировании живительного чувства гордости инженера за свою профессию?

Шаг пятый

Мотивация на успех порождает моральные дилеммы успеха, сущностные конфликты инженерного дела.

Моральные дилеммы инженерного дела

* Какому успеху должен служить инженер, каково должно быть его предпочтение в ситуации морального выбора между ценностями профессии и интересами корпорации: – при дилемме «экологичность versus практичности»;

– при дилемме «думать как инженер» – «думать как менеджер»;

– при дилемме «конфиденциальность versus открытости»?

* В ситуации включенности инженера в корпорацию может ли он быть слугой «двух господ» – двух этик: профессиональной и корпоративной?

* И не подставим ли мы такой проблематизацией инженерной этики своих выпускников?

***

Ниже публикуется аналитический обзор первого из цикла ректорских семинаров, сфокусированного на теме «"Что такое хорошо и что такое плохо" в инженерном деле». В рамках представления этой темы описаны *три первые шага* алгоритма обсуждения гипотезы семинара.

В представленном ниже анализе опыта семинара сочетаются фрагменты сценария и стенографической записи работы семинара. Благодаря этому создается возможность расширить представления об идейном замысле семинара, концептуализации его темы, направлениях ее рефлексии участниками ректорского семинара в координатах университетской практики.

ФРАГМЕНТ СТЕНОГРАММЫ

Ведущий (ректор ТюмГНГУ В.В.Новоселов): На прошлом семинаре мы обстоятельно обсуждали тему этики профессора. В перспективе – обращение к проблемам этики администратора и этики студента.

А сегодня мы начинаем новый цикл ректорских семинаров. Его тема – «Профессиональная этика инженера». Актуальна ли для нас эта тема?

Мы стали университетом и продолжаем им оставаться, при этом фактически становимся профильным университетом. Наш профиль определяют пять приоритетных направлений подготовки специалистов, которые связаны именно с инженерным делом. Это первый аргумент в пользу актуальности для нас этой темы.

Второй аргумент. Пожалуй, только ленивый сегодня не говорит о кризисе в профессиональном образовании. Мы, действительно, переживаем острый кризис в отечественном профессиональном образовании вообще и в инженерном образовании – в частности. Так, западные страны сегодня уже говорят о переходе с пятого технологического уклада на шестой, где превалируют конвергентные образовательные технологии (когда к базовой программе присоединяются программы нано-, био- инфо-, когни-...). Но у нас картина несколько иная.

Более того, сегодня налицо (и никто это не отрицает) нарастающий разрыв между уровнем высокотехнологичных производств у нас в России в целом и в нефтегазовых компаниях в частности – и качеством (набором) профессиональных компетенций наших выпускников.

Государством разрабатываются новые программные документы развития отечественного образования, в том числе высшего. Дана установка на новую индустриализацию России. И вполне правомерен вопрос: а где место нашего университета? И этот вопрос нельзя оставить без внимания.

Мы с Виктором Максимовичем Спасиловым участвовали в проходившем в Тюмени выездном заседании Комитета Совета Федераций по экономической политике и внесли два предложения. Первое предложение: было бы целесообразно переориентировать столичные и питерские профильные университеты на подготовку кадров высшей квалификации. Речь идет о целевой аспирантуре и докторантуре, магистерской подготовке, проведении прикладных и фундаментальных исследований. Тем самым удалось бы насытить региональные университеты такими кадрами. А проблема такая есть. В принципе, В.И. Матвиенко поддержала это предложение.

Второе наше предложение: подготовку массовых профессий, в частности по инженерным образовательным

программам, целесообразно перевести в региональные университеты, расположенные в регионах нефтегазодобычи. Выпускники именно этих, региональных, а не столичных университетов поедут на места разработки, добычи и транспортировки нефти и газа. В этой связи речь шла о создании сети опорных региональных университетов.

Реализация такой идеи имеет и некоторые риски, эти риски следует обсуждать. Например, не обернется ли такая практико-ориентированная образовательная деятельность университета, нацеленная на подготовку или, можно сказать, штамповку специалистов, утратой высокой миссии высшего инженерного образования – в силу возрастания риска технократизации компетенций будущих выпускников университета.

Эти аргументы, полагаю, уже обосновывают актуальность темы нашего сегодняшнего семинара.

Укажу еще на два момента «за» актуальность темы всего нового цикла ректорских семинаров.

Наши коллеги из Высшей инженерной школы УрФУ по результатам специального исследования отмечают, что в целом результаты студентов УрФУ сопоставимы с результатами зарубежных студентов. В то же время затруднения и непонимание у студентов УрФУ вызвали вопросы, «связанные с ответственностью инженеров за принимаемые решения, этические аспекты профессии»;

В докладах председателя Ассоциации инженерного образования России, Юрия Петровича Похолкова, неоднократно приводится такой пример: в Японии сертификат инженера-профессионала выдается специалисту, окончившему университет по программе (магистерской или, реже, бакалаврской), которая прошла общественно-профессиональную аккредитацию; проработавшему по специальности не менее 7 лет. Специалист должен представить документы, подтверждающие наличие у него самостоятельно выполненных и реализованных инженерных решений, сдать

экзамены «Этика инженерного труда» и «Экология» (в области инженерной деятельности).

У нашего университета есть определенные заделы в исследовании проблем этики инженера. Как теоретических, так и прикладных. Имеется давний опыт методологических семинаров на кафедрах; исследований профессиональных биографий выпускников ТИИ и ТюмГНГУ. Открывающийся сегодня цикл ректорских семинаров может стать новым этапом работы над вопросами профессиональной этики инженера.

Сегодня трудно говорить о срочном включении курса профессиональной этики инженера в учебный процесс. Но *планировать* исследование, разработку и включение профессионально-этических модулей в систему общетехнических и специальных дисциплин, наверное, стоит! Даже если эти модули пока будут создаваться в формате «до востребования...».

Консультант (директор НИИ прикладной этики ТюмГНГУ В.И. Бакштановский): Прежде всего, прокомментирую эпиграф, который вы прочитали еще в Программе семинара.

«В прошлом инженерная этика занималась главным образом проблемой, как добиться, чтобы работа была выполнена правильно. Сегодня же – самое время подумать о том, добьемся мы или нет, чтобы выполнялась правильная работа».

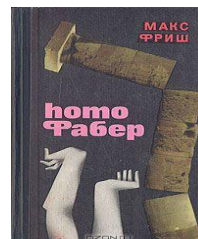
Инженер Стефан Унгер

Мое прочтение этого рассуждения: «правильная работа»? – значит «хорошая работа» (вспомним «хороший профессор»). Правильная работа – значит соответствующая базовым ценностям общества и миссии профессии, известным образцам (паттернам), идеальным типам... На современном сленге «делать правильную работу» = работать на «нетленку».

Установка на исполнение правильной работы – это мировоззренческий аспект этики инженера. Я вижу в этом эпиграфе соединение мировоззренческого и праксиологического аспектов работы. Зачем их соединять?

Вспомним книгу «Хомо фабер» Макса Фриша.

Известны трактовки термина, вынесенного в заглавие книги: человек-ремесленник; человек производящий; животное, изготавливающее орудия ...

А вот иная трактовка:

Номо faber – добротный профессионал, человек, который многое знает, многое умеет, но *не всегда задумывается над пониманием смысла того, что он знает* (Юрий Афанасьев).

Моя трактовка: «правильная работа» – не просто «хорошая работа» в праксиологическом ключе (Т.Котарбинский. Трактат о хорошей работе).

Приведу несколько случайных картинок, которые по-разному трактуют праксиологический смысл характеристики «правильное выполнение работы»; они иллюстрируют распространенные трактовки этой характеристики.

А я вижу в характеристике «правильная работа» работу, соответствующую этике профессии.

Однако и просто сосредоточенности на «правильной работе» недостаточно для конкретизации темы нашего семинара. В этой связи я бы хотел покритиковать привычную *повестку дня* научных исследований и образовательных программ в сфере профессиональной этики инженера.

За что? Набор пунктов этой повестки чаще всего мотивируется проблемами безопасности технического прогресса. Такая мотивация во многом построена на аварийных, катастрофических случаях: взрывы на атомных станциях, аварии космических кораблей, разрушение плотин и прочие черты оборотной стороны прогресса в технике.

Обойдусь одной иллюстрацией этой мотивации, кадр из кинофильма «Гиперболоид инженера Гарина»:

Естественно, что при сосредоточенности на проблемах безопасной техники в повестке дня исследований в сфере инженерной этики и в соответствующих учебных курсах доминирует тема профессиональной *ответственности* инженера.

И такое доминирование вполне понятно в ситуации, характеризующей современное общество как «общество риска» – одним из его существенных признаков является *риск техногенный*. Кстати, многие кодексы инженерных

сообществ сосредоточены на проблемах ответственности инженера. Так, кодекс крупнейшего профессионального сообщества инженеров IEEE, объединяющего специалистов из 160 стран, в своей преамбуле на первое место выносит вопросы ответственности за общественные безопасность, здоровье и благополучие.

А в чем же моя критика принятой повестки дня? Полагаю, что практикуемая *парадигма ответственности* в этике инженера – это, вернее, «система морального сдерживания». Такая парадигма работает скорее с запретительными нормами, *ограничивая* профессию, чем с *побудительными* ценностями. Ее задача – регулировать профессиональную активность во имя профилактики негативных последствий.

Из этого критического тезиса – гипотеза для экспертизы на наших семинарах.

В повестку дня профессиональной этики инженера необходимо ввести парадигму *профессионального успеха*. Парадигму, работающую с *достижительской мотивацией* инженера, морально ориентирующей его на успех в исполнении профессиональной миссии.

Введение новой парадигмы позволит перевести доминанту повестки дня этики инженера с установки «правильное исполнение работы» на установку «исполнение правильной работы». Такая установка предполагает профессионала в качестве субъекта морального выбора.

Ведущий: Теперь пора обсудить эту гипотезу. Вообще алгоритм обсуждения гипотезы предусматривает пять последовательных шагов. Сегодня мы «сделаем» первый, второй и третий шаги в обсуждении данной гипотезы.

Итак, **шаг первый.**

Вспомним семинар об этике профессора. Мы обсуждали упомянутый в Программе цикла тезис академика Гу-

сейнова: «От хорошего профессора не требуется никаких особенных моральных норм и навыков, кроме тех, которые диктуются общими для всех людей, сообразными стране и эпохе требованиями моральной дисциплины».

Этот тезис был поддержан некоторыми участниками того семинара. Естественный вопрос: может быть, *и* применительно к характеристике «хороший инженер» стоит отнести этот тезис, или от хорошего инженера все же требуется соблюдение *особых* моральных норм?

Прежде чем мы обсудим его, стоит учесть: этот вопрос предварительно обсуждали некоторые участники ректорского семинара в рамках интервью, проведенных М.В. Богдановой.

М.В.Богданова: В рамках подготовки семинара был проведен экспертный опрос. Мы обратились к нескольким профессорам нашего университета с рядом вопросов, конкретизирующих тему нового цикла ректорских семинаров. Почему обратились именно к профессорам университета, а не к студентам, практикующим инженерам или «работодателям» наших выпускников? Передний край инженерной подготовки представлен именно профессорами – теми, кто первыми вводят студентов, выбравших специальность «инженера», в сферу данной профессии. Они на протяжении нескольких лет вольно или невольно формируют у студентов представление о том, кто такой инженер.

Интервью с профессорами университета содержало несколько тематических направлений: границы и сфера профессиональной ответственности современного инженера; образы профессионального успеха инженера; актуализирующаяся в последнее время дилемма «думать как инженер или думать как менеджер».

Предполагало оно и обсуждение тезиса А.А.Гусейнова применительно к профессии инженера. Здесь я и останавлиюсь на суждениях участников интервью об этом тезисе. Приведу некоторые суждения.

- *Степень ответственности у инженера выше, чем, например, у профессора. Поэтому специфические этические характеристики инженерного труда должны быть.*

Во-первых, воздействие труда инженера на общество, если вспомнить техногенные катастрофы, многократно повышает степень его ответственности: важно не навредить человеку, обществу...

Во-вторых, труд инженера стал коллективным. Усложняются конструкции – это труд десятков коллективов. Но если где-то происходит катастрофа, то выясняется, что такое-то сооружение спроектировала мастерская под руководством такого-то человека. И ему надо или доказывать свою непричастность или оправдываться.

- *Специфическая этика инженера должна быть. Инженеры всегда работают на результат. И работают там, где ошибка очень дорого стоит, если, например, это газопроводы, нефтепроводы. Да и задачи перед инженером ставятся все сложнее и сложнее...*
- *Инженер – творец нового. Важный момент его профессиональной этики: инженер должен думать не только о нормативах, существующих в профессии. При всем совершенстве изобретения оно должно быть рассчитано «на дурака».*
- *У инженера этика особая, она заложена в его стремлении к решению сверхзадач материальными средствами – путем внедрения своих мыслей не на бумаге, не в теории, а в технике на благо общества. И это делает инженера более ответственным, чем профессора. В России было такое правило: инженер, проектировавший мост, при запуске моста стоял под ним. Инженеры, проектирующие элементы или, например, ракету в целом, отвечают за то, чтобы она не упала – не превратилась из блага в катастрофу.*

Предварительный первичный анализ суждений участников интервью по данному тематическому направлению можно отобразить в виде схемы, которая проявляет проблематизацию профессиональной этики инженера.

Как можно заметить, образуется своего рода треугольник с вершинами «инженер», «общество» и «профессиональное сообщество».

Деятельность инженера, связанная с решением постоянно усложняющихся задач, его перманентное стремление превзойти достигнутые им же самим результаты; все новые и новые вызовы со стороны общества побуждают к осмыслению профессионально-этических аспектов трансформирующегося инженерного дела – к самопознанию профессии.

Возрастающие блага и риски для общества, обусловленные деятельностью инженеров, обнаруживают все новые и новые грани профессионально-этической ответственности инженеров перед обществом.

Постоянно возрастающая роль профессионального сообщества, обусловленная природой профессии и ее усиливающимся междисциплинарным характером, с одной стороны, массовостью профессии, неперсонализированным успехом и сохраняющейся персонализированной ответственностью – с другой, побуждает к рефлексии профессиональным сообществом реально-должных ориентиров трансформирующейся профессии.

Таковы три основные направления актуализации профессиональной этики инженера, которые можно выделить опираясь на материалы интервью.

Ведущий: Предлагаю вопросы для обсуждения:

* Как мы оцениваем подходы наших коллег?

* Есть ли иные аргументы в пользу выделения профессиональной этики инженера?

* Возможно, участники семинара полагают лишним поиск особой этики инженера?

А.А.Тарасенко: В представленных материалах я, к сожалению, не увидел образ того инженера, которого знаю. В предложенной схеме он слегка приукрашен. Таких инженеров, которые «стоят под мостом», сейчас просто не существует. Так мы можем говорить скорее об изобретателях, «создателях новых решений», но являются ли они инженерами?

Структура деятельности инженера сейчас совершенно иная. Если, например, говорить об интеграции с иностранными компаниями, то их взгляды на современное инженерное дело несколько отличаются от российских. Когда мы обращаемся в международные тендеры, там не признают наших инженеров инженерами. Для того чтобы признали, необходимо получить сертификат, иметь пять-семь лет производственного стажа.

В нашем университете мы готовим специалистов преимущественно для нефтегазовой отрасли. Деятельность таких специалистов связана с опасными производственными объектами. На этих объектах случаются аварии. По данным Госгортехнадзора более половины аварийных случаев имеют источником субъективный фактор – человек виноват. И в этой связи будет уместным такой пример: С.М.Вайншток, когда он руководил Транснефтью, вообще запретил всякую изобретательскую деятельность. Почему? Потому что технические решения, которые исполняет инженер, уже проработаны ведущими проектными

институтами, исследовательскими центрами, и никаких фантазий в голове инженера на эту тему быть не может. Инженер – исполнитель.

Сейчас в любых вертикально интегрированных структурах доминирует примерно такая установка: существует много раз проверенная, многими специалистами протестированная нормативная документация, поэтому задача инженера – выполнить свою работу хорошо. Вопросы профессиональной ответственности входят в прерогативу либо страховых компаний, либо проектных институтов. Ответственность сейчас распределена по-другому. Такого инженера, который бы проводил идею от начала до конца, воплощал в жизнь, сейчас не существует.

Консультант: Аргументы о необходимости учитывать в этической рефлексии особенности подготовки инженеров-нефтяников в нашем университете и то, что наши выпускники будут работать в вертикально интегрированных компаниях, очень важны. И если здесь встает проблема другой ответственности, то хотелось бы услышать, в чем она. Действительно ли в случае интегрированной компании наличие нормативов и стандартов вообще снимает тему ответственности, кроме ответственности за правильное исполнение работы?

Ведущий: Александр Алексеевич Тарасенко говорит, что увидел в начавшемся обсуждении несколько приукрашенный образ инженера. Отчасти, конечно, это собирательный образ. Но нам надо разобраться – какого специалиста мы сегодня готовим. Да, наш выпускник придет в вертикально интегрированную компанию, но ведь он придет не только в вертикально интегрированную компанию – он может свое дело открыть, он может и еще куда-то двигаться.

Давайте продолжим дискуссию.

С.И.Грачев: Мое мнение по поводу «правильной работы» и «работы, которую выполняют правильно», сфор-

мировалось давно. Есть высказывание Антуана де Сент-Экзюпери: «Послушаешь французскую песню XV века и поймешь, насколько пало наше общество». Развиваю этот тезис дальше. Современная Москва застроена стеклянными кубами, металлическими монстрами. Но у нас же были навыки строить. Случалось, приходили завоеватели, сжигали Зарядье, иногда полностью Москву сжигали. Но ведь отстраивали: была деревянная, потом стала каменная, сотни красных куполов – красивейший город земли. И его строили инженеры тех веков, у которых было представление о правильной работе и о правильном исполнении работы.

Думаю, мы сейчас обсуждаем этику инженера, который не слышал французской песни средних веков и не знает об уровне специалистов прежних лет.

Е.В.Курушина: Тема сегодняшнего семинара очень сложная, она поднимает многие пласты противоречий. На самой поверхности – противоречие между целями и институтами, правилами. Это, собственно, и выражено в цитате о правильном выполнении работы и выполнении правильной работы. И здесь важно сказать, что они должны соответствовать: если меняется система ценностей, то меняются институты.

Никакие правила, даже Уголовный кодекс, не пропишут нам, как себя вести – наверное, поэтому и существует суд присяжных. У любого дела, в том числе и инженерного, есть моральная сторона. Человек, принимая решение, не всегда руководствуется только регламентами. Однако, как верно сказал Александр Алексеевич Тарасенко, производства стратегические – как правило, опасные. И каждый человек хочет снизить свою ответственность. Как он может ее снизить? Он пытается принимать запрограммированные решения, те, которые есть в регламенте. Вопрос: это хорошо или плохо? Здесь был упомянут запрет руководителя Транснефти С.Вайнштока заниматься иннова-

циями, рационализациями. К чему это сегодня привело? К замедлению темпов роста.

Созданы десятки регламентирующих документов о стратегии инновационного развития. Я внимательно их изучала. Так, методические рекомендации на уровне государства рекомендуют, например, вводить показатель технологического лидерства, позволяющий сопоставить революционные технологии с эволюционными. Но ни одна наша организация – я это проанализировала – не придерживалась этого показателя. Основным показателем было снижение себестоимости.

Таким образом, уже сверху говорят: недостаточно исполнять регламенты. Почему, собственно, недостаточно? Эволюция базируется на разнообразии. Если есть разнообразие, есть инновации – выше вероятность того, что мы будем развиваться. А сейчас настолько все забюрократизировано и технологизировано, что мы вошли в какой-то узкий коридор и этим, на мой взгляд, затормаживается развитие.

Поэтому вопрос, который сегодня обсуждается на семинаре, очень важный. Общество развивается: нещадно эксплуатировали природу – напоролись на экологические катастрофы; стали заниматься техническим прогрессом – пришли к тому, что техника высвобождает людей, а высвобождение людей порождает безработицу, кризис и т.д.

Эволюция ценностей неизбежна.

И.М.Ковенский: В 2008 году я в составе делегации Российского союза научных инженерных обществ участвовал в 3-ем Всемирном инженерном конгрессе, который проходил в Бразилии. На его открытии выступил президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва и обратился к нам с десятиминутной речью на английском языке. Затем, отложив листок, вдруг начал говорить, видимо экспромтом, по-португальски. Говорил он очень темпераментно минут сорок. Из того, что я уловил, запомнилось следую-

щее: обратившись к инженерному сообществу как к людям, которые определяют прогресс, он стал говорить о социальной ответственности инженеров.

Для нас важен вопрос: каким образом социальная ответственность должна проявиться в деле воспитания каждого отдельного инженера?

А.А. Тарасенко: Представляется, что мы в рамках нашей дискуссии упускаем очень важную вещь: современный инженер никакой не неандерталец, он все время учится, бесконечно аттестуется. Социальная ответственность – тема, конечно, нужная, и о ней надо думать, но то содержание, в котором современный инженер каждый день существует, тоже достойно нашего обсуждения. И там не меньше проблем, чем в теме, которую мы пытаемся сегодня рассмотреть. Мне кажется, что следовало бы обратиться и к сфере повседневной деятельности современного инженера.

А.В. Ревнивых: Я хотел бы обратить внимание на несколько моментов, имеющих, с моей точки зрения, к этике инженера прямое отношение.

Инженер, создающий новое устройство или технологию, до конца не знает, как она будет работать в современных условиях. Специфика современного производства такова, что одни люди пишут для него программное обеспечение, другие разрабатывают процессоры, третьи пишут прикладное программное обеспечение к нему. По большому счету, инженер, разрабатывающий процессор, полностью не знает и материалы, из которых он его делает.

Далее. Инженер не всегда может достоверно предположить, как будут использоваться результаты его труда. Так, самолеты были созданы для того, чтобы люди могли быстро передвигаться. Я не думаю, что инженеры, разрабатывавшие детали самолетов, самолет в целом, предполагали, что кому-то придет в голову таранить ими небоскребы.

Есть такая поговорка «Одно лечим, другое калечим». С одной стороны, инженер своим изобретением, например, созданием компьютеров, сотовых телефонов и т.п. решает насущные проблемы, облегчает жизнь человеку. С другой стороны, ожидали ли авторы современных социальных сетей, что они совершенно изменят модель общения молодежи и старшего поколения, что вербальное общение лицом к лицу станет все более затруднительным.

Одних возможностей становится больше, а других все меньше. Классический пример – микрокалькулятор. Он расширяет возможности вычислений, но многие уже столбиком считать не могут, а счеты молодое поколение, скорее всего, вообще не видело никогда, разве что в музее.

И последнее. Порой изобретатели, инженеры не предполагают всех последствий для человека от своего изобретения. Наверное, академик Сахаров и не подозревал, что создание ракетно-ядерного щита обернется тем, что количество отравленных людей будет идти на миллионы в местах его размещения и что 95% населения будет болеть раком. На это как-то не обращается внимание, видимо, во имя какой-то большой цели. Информация об этом является секретной и остается гостайной в течение 50-ти лет. Видимо, для того, чтобы этику инженера и эксплуатанта не развенчивать?

П.В.Евтин: Мне представляется, что инженерная этика – это саморегулируемая система, примером тому может быть эволюция взглядов только что упомянутого академика Сахарова.

Я не уверен, что идейный вдохновитель мировой эпидемии любви к продукции фирмы Apple, Стивен Джобс, изначально закладывал в свои творения идею массового сбора информации о всех владельцах мобильных устройств. Тем не менее, как мы знаем, такое случилось – появился Эдвард Сноуден.

Ю.Е. Якубовский: Мы по-разному понимаем, что такое вообще инженерное дело. Есть производство, где процесс эволюции важнее, чем прорывные решения. Но есть направления, которые должны быть прорывными.

Как-то я прочитал интервью с человеком, который работал в Российской академии наук, а в 53 года ушел в производство, в бизнес и там пытался реализовать свои идеи на практике. Уехал из России. Сейчас его компания контролирует примерно 75% лазерной техники мира, есть у него компания и в России. Ему задали вопрос: «Если бы вы остались в России, вы бы смогли создать все это?» Он ответил: «Нет».

Почему? В США каждый год порядка ста тысяч человек стартуют с конкретными идеями, пытаются реализовать их в производстве или в бизнесе. При этом в производство идет, в лучшем случае, каждая тридцатая идея. Однако в целом такие вложения окупаются. Таким образом создается вполне определенная среда, способствующая развитию инноваций.

Может быть, когда мы говорим об инженерной этике применительно к системе образования, стоит учесть: наши специфические проблемы в этих вопросах связаны с тем, что мы мало закладываем в мышление наших студентов способность к риску. Именно со студенческой среды следует формировать мышление свободное, склонное к некоторому риску, так необходимое для движения от идей к реальной практике.

С.И. Грачев: Я разработчик, поэтому приведу пример двух месторождений. Одно – Ромашкинское в Татарии, на котором до сих пор работает первая скважина, построенная в год моего рождения. В зоне вокруг этой скважины отдыхают люди. Второе – Самотлорское месторождение, на котором я работал.

Я знаю ленингорских инженеров, которые с гордостью говорят, что продлили жизнь (для разработчика ме-

сторождение как человек) Ромашкинского месторождения, благодаря мужеству В.Н. Щелкачева, других великих ученых, благодаря мужеству инженеров, претворивших их проекты в жизнь. А про себя могу сказать, что был среди тех, кто угробил Самотлор. Вот какая большая разница – я имею в виду этику инженера – мы на территории одной Российской Федерации, а так далеки друг от друга.

В.М. Спасибо: Что касается этики. Считаю – в инженерном деле важно чувство ответственности.

Прежде всего ответственность перед человечеством. Первая половина XXI в. – время углеводородов. Закончатся углеводороды – нужна альтернативная энергия. Кто должен решать эту проблему? Инженер.

Ответственность перед государством. Сейчас необходимы новые технологии, главное направление. Как говорил Владимир Васильевич Новоселов – конвергентные технологии. Инженер должен чувствовать ответственность и повышать уровень своих знаний в параллельных дисциплинах, должен быть готов работать в междисциплинарной области. Конечно, должны быть и ограничения, здесь я согласен с Александром Алексеевичем Тарасенко. Что такое Чернобыль? Это несанкционированное отключение.

И я полностью согласен с Сергеем Ивановичем Грачевым относительно ответственности за экологию. Сейчас мы строим северную железную дорогу, северный порт, осваиваем Ямал. Здесь очень важен принцип «не навреди».

Задача нашего университета – формировать такие качества у наших студентов, будущих выпускников.

А.В. Шляков: Инженер, менеджер, дворник – прежде всего люди, их сопричастность ценностным ориентирам не связана с профессиональной деятельностью. Говоря о требованиях, предъявляемых инженеру, как правило, указывают на должностные обязанности, не выполнение которых связано с определенными рисками и за нарушение которых предъявляются императивные санкции. Возник-

новение же морали связано с категорией свободы, при которой возможно внутреннее самопринуждение, именуемое долгом, и нарушение которого сопряжено с душевно-духовными страданиями, переживаниями, угрызениями совести, но не подлежит внешнему принуждению.

Выполнение «правильной работы» в противовес «правильному выполнению работы» ориентировано на определение смысла самой деятельности в ценностном аспекте. Да, конечно, зачастую те или иные открытия ученых, инженеров приводили к трагическим последствиям. Должно ли так быть? Должен ли инженер предвидеть последствия своей деятельности? На мой взгляд, должен. Весь трагизм развития научно-технического прогресса обусловлен утратой инженером ценностных ориентиров, их забвением в угоду эффективности, ориентацией на сиюминутное. Инженер сегодня уже не мыслит себя как часть единого целостного мира и как часть социума. Он нуклеарное, абсолютно упругое тело, «машина желаний».

ФРАГМЕНТ СЦЕНАРНОЙ РАЗРАБОТКИ

Реплика консультанта

1. Про образы морали вообще.

За много лет работы ректорского семинара нам неоднократно приходилось преодолевать многообразные виды банализации природы морали. Эта задача актуальна и в рамках темы нового цикла семинаров.

Банализация природы морали

- через не различение морали и обычая (культ авторитета: «делай как я»);   - через абсолютизацию роли элементарных норм (стихотворение Маяковского «Что такое хорошо...?»);   - через сведение системы норм и ценностей морали к Десяти заповедям;   - через отождествление норм морали с запретами.

2. Про образ связи морали и инженерного дела через союз «И»:

«Техника, которая финишировала полетом Гагарина, была создана людьми, стоявшими на плечах Толстого и Достоевского... Люди, создававшие тогда технику, были воспитаны на величайших гуманитарных идеях. Высокое нравственное чувство было заложено во всем: в отношениях друг с другом, отношении к человеку, к технике, к своим обязанностям. А техника была для них лишь способом выражения нравственных качеств, заложенных в них. Они выражали свою мораль в технике.

А вот в поколениях, пришедших на смену, многие инженеры видят только техническую сторону дела. Но если кто-то воспитан только на технических идеях, то он может лишь тиражировать технику, совершенствовать ее, но не может создавать нечто качественно новое» (Академик Легасов).

3. Про трудности конкретизации общественной морали применительно к инженерному делу:

- как правила и нормы рациональности инженерного дела проблематизировать на языке морали;
- как нормам служения инженера своей корпорации (прежде всего, через критерии экономической целесообразности) задать общеобщественный смысл.

Может быть, через его служение миссии профессии?

ФРАГМЕНТ СТЕНОГРАММЫ

Ведущий: Итак, **второй шаг** алгоритма обсуждения гипотезы. Ключевой вопрос здесь – «за что отвечает современный инженер?». Слово Консультанту семинара.

Консультант: Еще полвека назад общепринятым был подход, освобождающий инженера от всех видов ответственности, кроме ответственности перед работодателем.

Как свидетельствуют специальные работы (например, Р. Мертона), «считалось абсурдом, будто инженера следует считать ответственным за социальные и психологические последствия технологии, ибо совершенно ясно, что это не входит в область его компетенции. В конце концов, “работа” инженера... состоит в том, чтобы совершенствовать производственные процессы, и “не его дело” рассматривать их разветвленные социальные последствия».

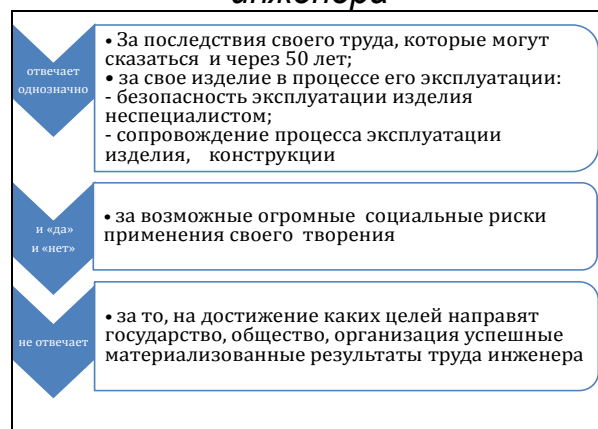
Тема особой ответственности инженера была одним из направлений в предварительных интервью с участниками семинара. На их обсуждение было предложено следующее суждение **из интервью 2000-го года:**

«Чемпион мира по шахматам Ласкер – математик и философ, говорил, что человек ответственен только за труд, но никак не за его результаты. Значит, самое главное – это отношение к процессу труда. Ты должен сделать все, что можешь и так, как можешь. Но за результаты труда человек отвечать не может. Ведь эти результаты могут быть использованы обществом или группами людей совершенно не так, как задумал инженер или ученый».

(Этика инженера: материалы пилотных интервью.
Ведомости НИИ ПЭ, Вып. 17. 2000. С. 11.)

Вот некоторые сгруппированные позиции участников интервью, проведенных М.В.Богдановой **в 2014 году** в связи с этим суждением.

Предмет профессиональной ответственности инженера

М.В.Богданова: При ответе на вопрос о предмете ответственности инженера участники интервью отмечали: инженеры по-разному осознают свою профессию, соответственно имеют различный уровень ответственности, мораль для разных инженеров имеет разное значение.

Наша попытка разместить типологизированные позиции участников интервью в виде ранговой шкалы позволила зафиксировать следующее: использование изделия, конструкции, сооружения по его прямому назначению – на производстве, в повседневной жизни – прямо относится к сфере ответственности инженера (здесь ключевые слова – «безопасность», «продление работы изделия»). Отнесение возможных огромных социальных рисков применения инженерных творений к сфере ответственности инженера носит амбивалентный характер (здесь ключевые слова «риски неизбежны в таком деле»; «коллективный характер труда современного инженера, специалистов из близких сфер способно в некоторой степени профилактировать риски»). И наконец, как и в интервью 2000-го года, вполне определенно просматривается позиция, в соответствии с которой инженер не может отвечать за последствия применения его творения против человека.

В заключение отмечу: конечно, данная схема условна и, как и всякая схема, несколько упрощена. Однако она может послужить началом обсуждения проблем профессионально-нравственной ответственности современного инженера.

Ведущий: Если обобщить услышанное, то, наверное, речь идет о дифференциации ответственности инженера.

Нужна такая дифференциация или не нужна – мы сейчас можем обсудить этот вопрос.

А.А.Тарасенко: Я пытаюсь понять, кто же этот инженер? Это либо бакалавр («недоинженер»), либо изобретатель (не совсем инженер)? Здесь уже было сказано, что производственные процессы усложняются и зачастую человек не может знать последствия изменений того или иного режимов, технологий. Эти изменения придуманы многими людьми и многими компаниями, а инженер отвечает исключительно за свой участок.

В.В.Майер: Есть и еще один вопрос: а наше общество вообще готово принимать правильные решения, работу правильную выполнять или работать правильно? Например, изобрели инженеры хорошее покрытие для дороги, а по ней пошли танки. Изобрели переработку нефти в бензин – им танки заправляют. Характер последствий от инженерных изобретений определяется уровнем развития общества. Какой бы ни был высокочлассный изобретатель, инженер – результаты его работы могут использоваться совсем не на гуманные цели.

Поэтому вопросы этики однозначно не решаются. Если инженер будет рассуждать, где и как его результаты будут использоваться и, увидев хотя бы один негатив, скажет: «Я не буду это изобретать или патентовать», то прогресса не будет.

А.В. Ревнивых: Всем известен первый полет Юрия Гагарина в космос, но не всем известно, что ракета, на которой он полетел, была стратегического назначения. В то

время разрабатывали стратегические носители, в том числе изучали, что будет с пилотами таких ракет. Вопрос: все ли инженеры, которые изготавливали двигатели топлива для этой ракеты, знали, зачем был этот запуск? Знал ли Юрий Алексеевич, который был всенародным героем, что его, в общем-то, запустили, чтобы посмотреть, что с ним будет. Хотя для страны этот полет был огромным достижением.

Этот пример говорит о том, что инженеры не всегда знают, что они делают, зачем, частью какого глобального проекта это будет, и что станет через 50 лет с этой технологией.

Ю.И.Некрасов: Мы не можем говорить об единой для всех этике. Наш мир разделен на много частей, которые друг с другом никогда не примирятся, как никогда, например, не примирятся наши заокеанские «партнеры» с тем, как мы живем и как собираемся жить. Как Вы, наверное, знаете, в США почти половина того, что они делают, идет на оборонные нужды. Или такой пример, у нас в Тюмени разрабатываются не имеющие аналогов в мире беспилотники. Возникает вопрос: какие моральные требования к разработчикам, нашим выпускникам, которые делают такие вещи, мы можем предъявлять?

Поэтому единых подходов в этике инженера, как и единого подхода к инженерной деятельности, у нас быть не может.

Мне представляется, что ориентироваться в своей деятельности мы должны на интересы нашего государства, нашего народа.

Ведущий: Время семинара подходит к концу, мы обменялись представлениями о дифференцированной ответственности в этике инженера. В том числе рассмотрели на профессиональную ответственность инженера как на составляющую социальной ответственности всего общества, отметив, что ответственность за исполнение пра-

вильной работы и за правильное исполнение работы во многом зависит от уровня развития общества.

Однако подход, в соответствии с которым предлагается подождать, пока уровень развития общества станет выше, и можно будет уделять этике больше внимания, наверное, не правильный. Мы должны вносить свой вклад в уровень развития общества шаг за шагом.

Итак, первая часть нашего семинара завершается.

Как следует из Программы семинара, впереди – еще два шага алгоритма обсуждения темы.

* Содержательный потенциал парадигмы успеха в этике инженера.

* Моральные дилеммы успеха, сущностные моральные конфликты профессиональной деятельности инженера.

Ю.И. Некрасов

«...Лезвие резца, которое при обработке сталей и сплавов на высоких режимах резания раскаляется и светится, для меня до сих пор является путеводной звездой»

Некрасов Юрий Иннокентьевич родился 20 июля 1946 года в г. Тюмени. Окончил Тюменский машиностроительный техникум по специальности «Обработка металлов резанием» (1964), а затем Тюменский индустриальный институт (1970). С 1970 года – инженер лаборатории лазерной техники Студенческого научного центра Тюменского индустриального института, а с 1984-ого – его руководитель. С 1987 года – заведующий кафедрой «Технология машиностроения» ТИИ. В 1981 году защитил кандидатскую диссертацию в Институте сверхтвердых материалов АН УССР (г. Киев) по специальности «Процессы и машины обработки материалов резанием; автоматические линии». В 2010 году защитил докторскую диссертацию в Тюменском государственном нефтегазовом университете по специальности «Технологии и оборудование механической и физико-технической обработки».

С 2011 года – снова заведующий кафедрой «Технология машиностроения» ТюмГНГУ.

В какой семье Вы воспитывались, повлияла ли она на выбор профессии?

Я родился в семье служащих. Мои родители во время войны познакомились в Тюменском госпитале: отец, получив в бою сильные увечья, полтора года пролежал в госпиталях. После демобилизации стал работать в военном отделе райкома партии, основной задачей которого в то время (1945 -1947) было трудоустроить с учетом профессиональной подготовки и потребностей производства приезжавших в Тюмень демобилизованных солдат и офицеров, членов ВКП(б), а также помогать решать вопросы, семейные и связанные с жильем. Отец, занятый с раннего утра до позднего вечера трудоустройством бывших воинов и (что тогда было очень важно) работой по кадровому обеспечению формирующихся парторганизаций на предприятиях города, не только знал насущные заботы людей, но и хорошо представлял, каким человеческим и профессиональным ресурсом обладала страна в период послевоенного восстановления народного хозяйства. Принимал решения только будучи уверенным, на какие ключевые позиции в восстанавливаемых предприятиях следует направлять остродефицитных квалифицированных и трудоспособных работников.

До конца своих дней, несмотря ни на какие перипетии, отец оставался преданным делу партии. Так, во время его работы начальником п/я № 23 г. Тюмени, в 1954 году были утеряны какие-то документы, на отца открыли персональное дело. В результате он получил строгое партийное взыскание, был включен в состав «25-тысячников» и направлен на работу председателем колхоза. Так мы стали сельскими жителями. Отцу приходилось работать на износ: «25-тысячников» направляли в самые неблагоприятные колхозные хозяйства. Но он обладал высокой работоспособностью, свойственной людям, родившимся в

деревне и не понаслышке знавшим реалии крестьянской жизни.

Дело в том, что мой дед по линии отца был сельским кузнецом. Как-то, по рассказам родни, ставил он ворота в большом сельском приходе. Кованые ворота были очень тяжелыми, и когда дед стал их поднимать, у него «лопнула жила», он умер. Осталось четыре малолетних ребенка, и моя бабушка тянула их из последних сил. Поэтому отец с детства знал, что такое труд на пределе человеческих возможностей и что значит жить впроголодь. Правительственные награды за самоотверженный труд в сельском хозяйстве не компенсировали перенапряжение: к 1960 году у отца «прихватило» сердце, он пролежал почти год в больнице, по решению райкома партии вернулся в Тюмень.

Отец всегда был в работе, я не помню его праздно сидящим. Могу сказать, что и мне жизнь сидеть не дает...

В родительской семье я усвоил вполне определенные идейные ориентиры, от которых не отступаю и сейчас. В чем они заключаются? Во-первых, все что я делаю, должен делать прежде всего на благо людей, а не во вред им. Во-вторых, я должен трудиться, труд – неотъемлемая часть жизни человека, объективная основа для поддержания ее в нормальном состоянии. Идейные ориентиры, несколько приглаженные, подработанные под идеологию пятидесятых годов и частично восстановленные Моральным кодексом, это по сути и были Десять заповедей. Родителями было заложено понимание, что есть «хорошо», а что – «плохо». Подход простой: работай – и у тебя все будет, а если еще что-то надо – работай еще. В этом смысле идейные ориентиры были не столько политическими, сколько моральными.

Что касается моего выбора профессии, то скорее это было дело случая. Семья целенаправленного влияния на него не оказала.

По возвращении в Тюмень я учился в школе №25 – одной из лучших в городе. Проходил в ней по категории «сын председателя колхоза». Что это за категория? В городских школах для такой категории учащихся – с периферии – предусматривались соответствующие квоты. Правда, и отношение педагогов к этой категории было соответствующее: как бы я ни старался заниматься, успехов в учебе не было. К концу седьмого класса в моем табеле были почти одни тройки. Отец, критически посмотрев на результаты, строго сказал: «Иди-ка, поработай». Так на моем жизненном пути появились завод «Строймаш» и Тюменский машиностроительный техникум (ТМТ).

Не особо надеясь на успех, подал документы в престижный по тем временам ТМТ, на специальность «Промышленное и гражданское строительство» (ПГС). Неожиданно для себя сдал вступительные экзамены на «отлично», но когда пришел на зачисление, своей фамилии в списках не обнаружил, и ушел домой расстроенный. Как потом выяснилось, «произволом» до сих пор неизвестного мне сотрудника ТМТ, я был зачислен на специальность «Холодная обработка металлов». Так техникум дал направление всей моей дальнейшей профессиональной, трудовой, а затем научно-исследовательской и преподавательской деятельности. За это я ему от всей души благодарен. Прошло много лет. И до сих пор я чувствую огромную благодарность.

В 60-е годы в стране реализовалась государственная программа соединения школы с производством, которая в ТМТ проводилась под лозунгом: «Днем – работаем, вечером – учимся». Работа на заводе «Строймаш» – знаковый этап в моей жизни. В ту пору это был один из передовых предприятий города, там применялись современные прогрессивные технологии, новое оборудование, работали высококвалифицированные специалисты. На производстве постижение трудовых, профессиональных навыков мне

давалось не легко. В те годы о работе на земле у меня были определенные представления, а вот о работе с металлом я практически ничего не знал.

На заводе я получил одно из сильных и важных впечатлений, вдохновивших меня. Увидел, как работает трудовой коллектив: несмотря на недостатки, существовала система объективной оценки результатов труда; коллектив промышленного предприятия – это по природе сложившийся здоровый организм; трудовой человек поступает правильно. В то время появился «Моральный кодекс строителя коммунизма». И я видел, что большинство (не говоря громких слов, не цитируя этот кодекс) именно этим путем и шли. И тому было много примеров.

На заводе в то время работала Маргарита Николаевна Угрюмова, токарь, Герой социалистического труда, депутат Верховного Совета СССР. По работе напрямую я с ней не был связан, но находясь недалеко от ее рабочего места, видел, как люди шли к ней со своими нуждами, как она принимала их, как разговаривала, если что-то обещала, то выполняла, иногда отказывала и объясняла причину. Она регулярно отчитывалась перед рабочими о проделанной депутатской работе и реализации наказов избирателей. Для решения проблем, с которыми к ней обращались, М.Н. Угрюмова шла не только к начальнику цеха, директору завода, но и к более высокопоставленным руководителям. Таким образом, то, что не удавалось решить внутри предприятия на своем уровне, она решала уже «на других этажах». В наше время, к сожалению, таких примеров не много.

Эти впечатления для меня, подростка, были самой лучшей путевкой в трудовую жизнь: работай честно, добросовестно, не воруй, не хулигань, не блуди – и мы все вместе будем жить лучше. Этот период моей жизни убеждал, что с каждым днем становилось жить радостнее, интереснее. Изменения были зримы: появляются детские са-

ды, дома культуры, кинотеатры, стадионы, решаются материальные, жилищные, бытовые, частные проблемы людей.

Окончив машиностроительный техникум, по направлению от завода «Строймаш» я поступил в Тюменский индустриальный институт, практически на ту же специальность «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты». Полученный на заводе опыт работы (в ремонтном и сборочном цехах, конструкторском бюро техотдела) сформировал способность к анализу значимости факторов и принятию технически обоснованных решений, обеспечивающих технологичность реального производства. И это мне очень помогало в процессе учебы в институте.

На дальнейшую «траекторию» моего профессионального пути повлияло одно, сначала казавшееся незначительным, обстоятельство. Еще в 1956 году отец купил мне фотоаппарат «Смена», и с тех пор я, увлеченно занимаясь в фотокружках, не выпускал из рук фото-, а затем и киноаппараты практически всех видов и форматов; работал с разноформатными диа- и кинопроекторами, снимал на обычную, узкую, широкую, черно-белую, цветную, обратимую фото- и киноплёнку, занимался сложной химико-фотографической обработкой самых разных черно-белых и цветных кино- и фотоматериалов и т.п.

К окончанию Тюменского индустриального института у меня уже был наработан довольно большой опыт в фото-киноделе. На это обратил внимание Утешев Мирабо Хусаинович, тогда доцент кафедры «Станки и инструменты». Под его руководством на кафедре аспиранты и соискатели занимались съемками лазерных интерферограмм, получаемых на деформируемом в процессе резания клине режущего инструмента. В то время на Тюменском моторном заводе для оборонной промышленности страны производили весьма сложные и высокотехнологичные изде-

лия из материалов высокопрочных настолько, что при их обработке лезвие режущего инструмента выкрашивалось и разрушалось. Соответственно, повреждалась формируемая поверхность очень дорогой детали. В конечном счете это препятствовало обеспечению высокой точности, производительности и качеству обработки на станках с числовым программным управлением (ЧПУ).

Чтобы решить эту проблему, нужно было исследовать распределение напряжений в режущем клине инструмента, определить допускаемые в этих условиях силовые и температурные нагрузки и соответствующие режимы обработки на станках с ЧПУ. Для решения этих сложнейших и актуальных для производства задач М.Х. Утешев впервые применил лазер. Кстати, у него был *He-Ne* лазер № 007, что было символично по тем временам, т.к. получить для работы такое «изделие» было не просто. Мне все это было чрезвычайно интересно, даже само слово «лазер» звучало таинственно и полусекретно. В открытых публикациях тех времен вместо него следовало писать «оптический квантовый генератор».

Не могу не назвать еще одного значимого для моей дальнейшей работы человека, в индустриальном институте в то время работал Павел Васильевич Серков, очень интересный исследователь, он занимался лазерной дифрактометрией – системами контроля диаметра отверстий в алмазных волокнах. Дело в том, что для изготовления очень тонкой проволоки, востребованной нарождающейся микроэлектроникой, использовались созданные в Институте сверхтвердых материалов АН УССР искусственные алмазы, в них лазером прожигалось отверстие, через которое «протягивали» очень тонкую проволоку, микронный диаметр которой необходимо было измерить. Но как? Оказывается, если осветить лазером микропроволочку, можно получить на установленном напротив лазера экране так называемую «дифракционную картину» и, из-

мерив размеры её, определить диаметр микропроволочки, используемой в оборонной микроэлектронике. Для этого требовалась фото-, кино-, а затем и видеосъемка в лучах лазера и обработка специальных фотоматериалов. Здесь и пригодилось мое увлечение фотографией. М.Х.Утешев меня «зацепил». И в итоге дипломный проект мой был связан с использованием лазерной интерферометрии и дифрактометрии в машиностроении и металлообработке.

Практически вся Ваша трудовая деятельность по окончании индустриального института проходила в его стенах?

Да. Хотя к окончанию института я предполагал, что продолжу работать на своем заводе «Строймаш», но активный и пробивной М.Х. Утешев добился того, чтобы меня «поменяли» на другого выпускника. Так я, завершив учебу в 1970 году, остался работать в ТИИ инженером лаборатории лазерной техники. В этот период в институте образовался Студенческий научный центр. В нём было несколько мощных по тем временам лабораторий: лаборатория вездеходной техники (во главе с уникальным специалистом по транспорту на воздушной подушке – М. А. Баяновым); лаборатория дизайна (ее возглавлял замечательный, талантливый Г.П. Толубаев); лаборатория, занимавшаяся энергетикой, принимала участие в «региональной привязке» важнейших для Тюменской области энергетических объектов, в том числе и для Сургутской ГРЭС; лаборатория лазерной техники, которая занималась системами аппаратного, метрологического и технологического обеспечения производства предприятий авиационной промышленности, и др.

Работа студентов и молодых инженеров в этом Центре кипела. В этот период в ТИИ была сформирована, на мой взгляд, высокоэффективная система научных исследований. Дело в том, что в обязанности руководителей производственных предприятий (во времена плановой

экономики в СССР) вменялось и строжайше контролировалось непрерывное обновление и модернизация технологического оборудования, автоматизация производственных процессов и повышение производительности труда. Заводчане тогда активно со своими вопросами и предложениями шли в индустриальный институт, новейшие разработки лабораторий Центра стимулировали их на внедрение новых технологий, устройств, приборов, машин и механизмов. С конца шестидесятых и до девяностых годов эффективное государственное регулирование обеспечивало востребованность результатов хоздоговорной научно-исследовательской работы для тюменских «моторщиков» и было мощным ресурсом сотрудничества и развития кафедр «Станки и инструменты» и «Технология машиностроения» ТИИ.

В 60-е годы в Тюмени и в институте появился первый заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации – Василий Петрович Ревякин. Это было и почетно для нашего института, и полезно: на его уровне компетенции многие вопросы научно-производственного сотрудничества решались очень оперативно. До 90-х годов мы вообще ничего не получали через централизованные средства снабжения ТИИ: практически все приходило к нам с производства. Сегодня это может показаться неправильным, но в те времена – было элементарно и продуктивно. Действовавшая на предприятиях система непрерывного обновления технологического оборудования и автоматизация производственных процессов создавали возможности передачи высвобождаемого оборудования. Например, завод медицинского оборудования передал нам нерядовое творение отечественного машиностроения – уникальную автоматическую «роторную линию» (!), что, естественно, сказывалось на качестве подготовки специалистов.

Первые полтора года моей работы в лаборатории лазерной техники – это время образования и становления

СНЦ, который возглавлял Валерий Андреевич Чурилов. Энергичный, талантливый и предприимчивый организатор НИР – он усиленно продвигал развитие Центра. Через ЦК ВЛКСМ были установлены связи с другими аналогичными структурными подразделениями и, что важно для нас, с Новосибирским академгородком. Благодаря не только официальным, но и личным контактам, нам удалось «добыть» списанную оборонщиками уникальную лазерную голографическую установку. Она позволяла при использовании специальной оптики и лазера получать голографические интерферограммы – объемные изображения объектов, деформированных под действием приложенных нагрузок, с локализованной на поверхности объекта системой интерференционных линий, характеризующих деформации объекта с точностью до долей длины волны излучения лазера.

Впервые за Уралом в стенах Студенческого научного центра на этой установке 5 декабря 1973 года мне удалось получить голографическое изображение снимаемого объекта (голограмму). Так случилось, что первая голограмма зафиксировала изображение небольшого бюста В.И. Ленина. У нас не было цели получить голограмму именно этого «объекта». Почти полгода что мы только ни делали, куда только ни ездили, сколько ни консультировались у редких в те времена специалистов, пытаясь получить голограммы на установке, – ничего не получалось. И вот, 5 декабря - День Конституции СССР, руководители и сотрудники СНЦ ушли на партийное собрание, я остался «вечеровать» в лаборатории. Вновь и вновь пытался получить голографическое изображение объекта, но ничего не получалось. Терпение подходило к концу, решил сделать последнюю попытку и уйти домой. Выключил вентилятор, вытяжку, уже оделся, подхожу к голографической плите и – есть изображение! Оказывается, когда в лаборатории включали вентиляцию, то создавался неощутимый

для нас поток воздуха, а когда идет воздух, луч в пространстве колеблется (так на фоне заката колеблется изображение в лучах заходящего солнца) и движение воздуха создает колебания и искажения «стоящих» в пространстве волн когерентного излучения лазера. Мы не учитывали движение воздуха, именно поэтому не могли получить желаемую голограмму.

Для нас это было открытие. Я полагал, что руководство лаборатории и СНЦ сделает соответствующее «паблисити», однако наше «открытие» и «шаг в правильном направлении» практически не вышли за пределы лаборатории. Тогда вообще контролировалась информация по научным разработкам, тем более, если что-то делалось для Тюменского моторного завода, который в режиме умолчания производил турбореактивные двигатели бомбардировщиков, самолетов палубного базирования с вертикальным взлетом, а это производство было секретным.

Когда у нас была получена первая голограмма и первые интерферограммы (системы интерференционных линий, локализованные на поверхности объекта, которые давали возможность измерения деформаций нагружаемого объекта с точностью порядка 6328 ангстрем), М.Х. Утешев, со свойственными ему пробивными способностями, можно сказать «утащил» меня к себе в аспирантуру.

Какими исследованиями Вы занимались в аспирантуре?

Занимался получением лазерных голограмм и интерферограмм на режущем инструменте непосредственно в процессе резания. Эти голограммы позволяли измерять деформации режущего клина инструмента с точностью до долей длины волны излучений лазера. Такие результаты исследования (только на оптически активных материалах, при моделировании процесса резания) ранее получал Е.В. Артамонов, а на металле они получены мною. Была опубликована первая статья на эту тему в ведущем по тем

временам журнале «Станки и инструменты» – знаковое событие, характеризующее важность полученных нами результатов. Практическая значимость этих «технических решений» заключалась в том, что стало возможным оценивать и прогнозировать прочность и ресурс режущего инструмента. Это было особенно важно для обработки деталей авиационных двигателей на станках с программным управлением. Ведь, если резца «не хватит», произойдет выкрашивание или скол режущего лезвия и повреждение ответственной детали турбореактивного авиадвигателя, в результате очень дорогая деталь может пойти в брак.

В уже сформировавшейся к тому времени научной школе М.Х. Утешева до сделанных нами открытий режимами резания и режущим инструментом целенаправленно не занимались. Если кратко обозначить предмет моего исследования во время учебы в аспирантуре – это распределение напряжения в твердосплавном режущем инструменте при точении жаропрочных сталей и сплавов.

А как сложился Ваш дальнейший профессиональный путь? Какие ситуации, события на него повлияли?

К 1977 году кандидатская диссертация была готова. В индустриальном институте тогда не было своего диссертационного совета, примерно три года у меня ушло на его поиск.

Вы три года искали диссертационный совет?!

Да. Тогда эта процедура была «в порядке вещей». Приезжал в один совет, докладывал, меня слушали и говорили: «Хорошо, хорошо, только вот это нужно убрать, это представить в другом виде, а вот это поменять и кое-что добавить». Я взвешивал – да, это могу убрать, а это не могу.... Ехал в другой совет, докладывал. Там говорили совершенно противоположное: «Вот это оставь, это убери, а это переделай...». Так я ездил и докладывал в одиннадцати(!) городах Союза. Наконец, меня направили в самое опасное место, туда, где работал мой самый «страшный»

оппонент, решавший аналогичные задачи с использованием математического моделирования процессов нагружения инструмента. Я, провинциальный «экспериментальщик» с периферии, конечно же, «боялся» и до последней возможности дистанцировался по отношению к мэтру, ориентированному на «математику». Но мне повезло. Неожиданно я получил от него одобрение проделанной мною работы. И «с его подачи» вышел на защиту кандидатской диссертации в Киеве – в Институте сверхтвёрдых материалов АН УССР. Это было практически полусекретное «закрытое» учреждение, но там в то время работал сам Александр Минеевич Розенберг – известнейший в данной научной сфере учёный. (От него в 60-е годы из Томска и переехал в Тюмень М.Х. Утешев – бывший аспирантом А.М. Розенберга.) Меня послушали, Александр Минеевич кое-что поправил в формулировках, и я получил высочайшее «добро». В 1981 году я защитил в ИСМ АН УССР кандидатскую диссертацию по специальности «Процессы и машины обработки материалов резанием; автоматические линии».

И перейдя на кафедру «Станки и инструменты» в 1974 году, я не порывал связи с Центром. К этому времени СНЦ, а затем и наш индустриальный институт обрели почетное звание «имени Ленинского комсомола» и соответствующий званию статус. Во времена СССР это было очень важно: тот кто имел такой статус, мог обращаться в ЦК ВЛКСМ для решения различных задач по организации материально-технического обеспечения научно-исследовательских работ. Например, нужны нашему СНЦ приборы, а их делают только на оборонном предприятии, на котором с нами даже разговаривать не станут. А у ЦК ВЛКСМ был свой мощный канал влияния, который позволял решать эти проблемы. Студенческий научный центр в эту пору был «на коне», результативность его работы по тем временам оценивалась высоко, люди, там работав-

шие, чувствовали, что они нужны, результаты их труда востребованы, причем в самых разных сферах жизни.

В 80-е годы (как говорится, «не к ночи будь помянуто...») в индустриальном институте сложилась конфликтная ситуация на кафедрах «Станки и инструменты» и «Технология машиностроения». Профессор В.П. Ревякин к этому времени проделал огромную работу, подготовил не один десяток кандидатов наук. Один из его учеников, Бородин И.Н., даже защитил докторскую диссертацию. Однако ему не удалось «поделить сферы влияния» и научные результаты с другими учениками В.П. Ревякина.... И началась, как тогда говорили в институте, «бородинская битва». Битва закончилась тем, что ее участников развели в разные стороны. «Одержав верх», И.Н. Бородин стал заведующим кафедрой, но... неожиданно уволился, кафедра «Технология машиностроения» оказалась, что называется «без руля и без ветрил». Я в то время «служил на других фронтах»: был погружен в работу Центра и в кафедральные «разборки» не вникал. Неожиданно меня вызывает ректор, в ту пору им был В.Г. Канапин, и спрашивает: «Вы почему на работу не являетесь? Почему Вас нет на рабочем месте?». – «Как? Я вчера в 9-ом часу вечера домой с работы пришел». Оказалось, что после ухода И.Н. Бородина, я уже третью неделю, как был назначен исполняющим обязанности заведующего кафедрой «Технология машиностроения», но ничего об этом не знал.

Пришел на кафедру в апреле 1987 года, а это месяц интенсивной работы с выпускниками над дипломными проектами. Достаточной организационной подготовки к этому специфическому делу у меня не было, но поскольку надо было работать (в очередной раз сказались ориентиры, сформированные родителями), пришлось засучив рукава работать. Однако первое, что я сделал – попытался вернуть на кафедру квалифицированных специалистов, ушедших с нее во время «бородинской битвы». Пре-

жде всего Ивана Федоровича Плеханова (рассчитывая передать ему кафедру, а самому продолжить заниматься прежними делами в Студенческом научном центре). К тому времени у меня сформировалась мысль о работе над докторской диссертацией. Но сложилось иначе: И.Ф. Плеханова удалось перевести на кафедру ТМ, но в начале сентября неожиданно...он умер. Мне пришлось самому «по полной программе» вникать в дела кафедры, и не без осложнений процесс пошел.

В те времена кафедре оказывалась мощная поддержка со стороны руководителей машиностроительных предприятий г.Тюмени. Заведующий кафедрой мог разговаривать, если и не на равных, то почти «на одном языке» с директором завода. В ГЭК входили ведущие специалисты, директора, главные инженеры, главные технологи, ведущие специалисты предприятий. Они каждого выпускника на защите дипломных проектов «пытали по полной программе». Если он вывесил положенные 15 – 20 листов чертежей дипломного проекта, то с содержанием его конструкторско-технологических разработок серьезно разбирались. После защиты дипломных проектов члены ГЭК, как правило, собирались за рабочим столом и, после соответствующего «вступления», полушутя – полусерьезно говорили «в открытую»: «Некрасов,... это что такое...?! Твои дипломники это не могут, того не знают, этого не умеют, а это делают не так... Если ты и на будущий год еще раз такое пропустишь на защиту... имей ввиду...». Естественно, я под эту «критику» как заведующий кафедрой находил аргументы: «Вы хотите вот это..., вот это... и вот то... – тогда помогайте. Кафедре нужны новые технологии, новые системы и программы станков с ЧПУ, нужна технологическая и инструментальная оснастка, средства автоматизации..., чтобы выпускники своими руками осваивали работу с современной “конкретикой”.... Вот тогда и будет “результат”». Конечно, в сотрудничестве с предприятиями

из возможного и желаемого реализовалось далеко не все, но даже то, что исполнялось, обеспечивало ощутимый прогресс.

Когда началась перестройка (я называю это временем уничтожения Советского Союза), наряду с открытой ломкой производственных предприятий, произошла мощная ломка учебного процесса. Не могу не отметить, что именно в это непростое время большую роль в обретении и преумножении нашего потенциала сыграл декан механического факультета Евгений Владимирович Артамонов. Во многом благодаря его усилиям у нас появилась возможность преобразования учебного процесса и заключения договоров с предприятиями на реализацию договорной образовательной деятельности. Например, у нас появились представители Ирбитского мотоциклетного завода (ИМЗ). Это крупное предприятие нуждалось в специалистах с высшим образованием, но в г.Ирбите не было учебных заведений, которые могли бы обеспечить завод такими кадрами. Направлять своих сотрудников на заочную форму обучения в другой город ИМЗ не мог. Отрывать от работы два раза в год ведущих производственников – практически незаменимых специалистов, людей с огромным опытом, уникальными знаниями технологии и организации производства – значит ставить под угрозу выполнение полугодовых и годовых планов работы предприятия.

Благодаря установлению контактов с Ирбитским мотоциклетным заводом и активной деятельности Евгения Владимировича, мы на протяжении ряда лет реализовали договор на подготовку нескольких десятков ведущих специалистов этого огромного предприятия. Наши преподаватели ездили в Ирбит и проводили занятия. Я как заведующий кафедрой обязан был организовать и контролировать этот процесс. Е.В. Артамонов как декан факультета координировал эту работу на более высоком уровне. Со стороны Ирбитского мотоциклетного завода это обучение

курировал Иван Иванович Шнайдер – начальник отдела технического обучения ИМЗ. Это был, с моей точки зрения, выдающийся человек в городе. Например, по просьбе родителей он брал под опеку молодых людей, не отличавшихся хорошим поведением; каждому подбирал рабочее место, отслеживал поведение, курировал, поддерживал, постоянно держал в поле своего зрения. И потенциальные в прошлом хулиганы при его поддержке становились достойными людьми, замечательными специалистами. Он и подобрал на заводе «могучую кучку» из ведущих специалистов производства, имевших огромный опыт работы, но не получивших высшего образования. С ними мы и работали в течение ряда лет. Именно он приехал к нам, договаривался, а потом координировал обучение своих подопечных производственников. Я считаю, что Иван Иванович Шнайдер делал святое дело.

Сегодня в Ирбите заводчане снова оказались в трудной ситуации – не хватает специалистов с высшим образованием. Но оплачивать обучение сотрудников (как в прошлые времена) завод не может. Изменилась ситуация ...

Во многом благодаря усилиям Е.В. Артамонова в этот период мы умудрились чуть ли не первыми в России перейти к подготовке бакалавров: после окончания четырех курсов студенты получали диплом бакалавра. Затем они доучивались еще один год и получали второй диплом – инженера.

Был период, когда Вы защитили кандидатскую диссертацию и еще не были заведующим кафедрой. Чем Вы тогда занимались, на чем сосредоточили свою профессиональную деятельность?

Я был руководителем Студенческого научного центра. Могу сказать, что это – напряженная работа и большая ответственность: много лабораторий, много потребностей, много заказчиков. Ее эффективно курировал В.А. Чурилов, тогда он уже работал в партийных органах, но

Студенческому научному центру помогал. Я предполагал, что закончив активную работу в Центре, займусь докторской, наработывал материал по тематике дальнейших исследований.

Как только стал заведующим кафедрой, понял, что пока все организационные проблемы на кафедре не будут разрешены, думать о докторской диссертации бесполезно: на кафедре была очень большая загруженность.

Смог вернуться к диссертационной работе лишь после того как в ТюмГНГУ прибыли несколько докторов наук из Кургана: В.Н. Сызранцев, В.В. Пивень, А.А. Силич и др. У меня появилась возможность заниматься докторской, а заведующим кафедрой «Технология машиностроения» почти на 8 лет стал Александр Анатольевич Силич.

Чему была посвящена Ваша докторская диссертация?

Тема докторской диссертации связана с разработкой методологии диагностики процессов нагружения режущего инструмента при точении жаропрочных сталей и сплавов на станках с числовым программным управлением. Проблема состояла в том, что до недавнего времени использование в производстве станка с числовым программным управлением предопределяло вполне определенную схему работы: оператор загружает в систему ЧПУ программу и этот станок, условно говоря, «зажмурил глаза», «заткнув уши», делает то, что в этой программе записано. Станок «не знает», установлена ли заготовка, поставлен ли резец. Иными словами, он работает, не зная, насколько получаемые результаты обработки соответствуют заданным программой параметрам, эта функция сама по себе не предусмотрена в данной технологической системе. Задача заключается в том, чтобы «научить» станок с ЧПУ в режиме реального времени контролировать текущие отклонения от заданных параметров процесса резания, обрабатывать эту информацию и оперативно без вмешательства опера-

тора вводить соответствующие коррекции в процесс обработки.

Сейчас мы выходим на тот уровень, который позволяет реализовать диагностику процессов обработки на станках, оснащенных компьютерными системами числового программного управления. Эта диагностика и оперативное управление обработкой повышает технологическую эффективность производственного процесса.

Оглядываясь на пройденный путь, какие бы выделили перекрестки, на которых Вам пришлось принимать жизненно важные решения?

Первый жизненный перекресток, который сразу приходит на ум – назначение на должность заведующего кафедрой. Оно изменило мою жизненную траекторию лет на 10-15. Это не входило в мои планы. Откровенно говоря, я с большей охотой стал бы тогда заниматься научной работой, чем организационной.

Второй... На мою жизненную и профессиональную траекторию повлияло рождение сына (к этому времени у меня уже была десятилетняя дочь).

Когда защитил в 1981 году кандидатскую диссертацию, то размышлял примерно так: «Моему отцу не могло и присниться, что его сын – от земли, от крестьян – будет кандидатом наук, доцентом. Вот вроде бы и все: план выполнил...». В 1984 году рождается сын. Начинаю понимать, что на мне жизнь не заканчивается: сына надо вырастить и поставить на ноги. Надо, чтобы он еще и кем-то был, и не просто был, но чтобы пошел дальше меня. А для этого, многое необходимо – не в плане материальном (материальное у нас до сих пор на втором месте), а в профессиональном и жизненном. И я стал думать, как всё это обеспечить.

Каким образом?

Вряд ли взялся бы за докторскую диссертацию после заведования кафедрой (надо было успокоиться, прийти в

себя). Но к этому времени сын уже заканчивал второй курс нефтегазового университета. Без всякого нажима стал привлекать его к научной работе, и глядя на меня, сын на протяжении нескольких лет активно ею занимался. Ко многому мы проявляли интерес, во многих важных делах принимали участие. У меня сохранился огромный архив фото-, кино-, видеосъемок и других материалов проведенных нами экспериментальных исследований.

К окончанию института сын уже имел значительный объем наработанных материалов исследований, который в дальнейшем во время учебы в аспирантуре был использован в работе над кандидатской диссертацией, а я в этот период перешел к активной работе над докторской диссертацией.

И тогда, и сейчас мы делаем «раскладку» и анализируем полученные наработки, в которых проявляются сильные стороны нашего направления работы и определяются дальнейшие шаги в проведении исследований.

Ваш сын унаследовал то, что было наработано Вами в Вашем профессиональном деле?

Унаследовал, но не в полной мере. Очень жаль, но он не имеет навыков производственной деятельности в настоящем трудовом коллективе. А видеть, как работает производство, трудовой коллектив, как человек создает материальные ценности – это дорогого стоит! Когда коллектив создал нечто новое, значимое, реальное и люди довольны, искренне радуются успеху, – это поднимает и тебя самого в собственных глазах. Ведь ты член этого коллектива, это и твой результат, и твой успех.

Нынешнее новое поколение преимущественно погружено в Интернет, а это уже совсем другое общение. Это не мой мир. В виртуальном сообществе чувство единения переживается иначе, если оно вообще в этой среде существует и как-то переживается.

Конечно, мои взгляды, убеждения, сформировавшиеся в прежние времена, не могли не повлиять на сына. Но может быть это и правильно, что он не все из них взял за основу.

Вы работаете с аспирантами. Может быть, у Вас есть неписаный кодекс, кредо, которое Вы бы хотели им передать?

К сожалению, проводимые реформы высшей школы практически уничтожили аспирантуру как процесс интенсивного наращивания нового интеллектуального, исследовательского потенциала. Аспирантура времен моей молодости кардинально отличалась от современной аспирантуры. В те времена мы, бывало, и ночевали на рабочем месте возле экспериментальной установки, заниматься чем-то еще, кроме исследований, даже в мыслях не было: «Меня в аспирантуру приняли, какие еще могут быть дела!». Помимо статуса и амбиций, аспирантура была значима и с материальной точки зрения: если я стану кандидатом наук, доцентом, то я, моя семья станем материально достаточно обеспеченными.

В сегодняшней ситуации стремление человека, который посвятил свои молодые годы тому, чтобы стать кандидатом наук, доцентом за надбавку к зарплате, скажем, в 7 тыс. рублей, вызывает сожаление, а чаще даже смех. Поэтому аспирантура сегодня – это большей частью «виртуальное» дело, которое чиновники, не моргнув глазом, пытаются изобразить как реальное. 90% наших юношей аспирантов вместо проведения исследований вынужденно работают на предприятиях, для них аспирантура – это, преимущественно, способ уйти от армии. К сожалению.

Конечно же, и среди сегодняшних аспирантов есть талантливые, умные, квалифицированные «ребята», которые стремятся к получению знаний, к новому, еще неизведанному. Год – два они увлеченно и с удовольствием работают, но если умудряются в этот период времени же-

ниться и завести семью, то по материальным соображениям возможность продолжать научно-исследовательскую работу исчезает практически полностью.

Возможно ли для профессора в такой ситуации передать аспирантам какие-то свои неписанные правила, установки?

Я пытаюсь. Прежде всего стремлюсь показать им, что решение проблем, которыми мы занимаемся (сейчас основной упор делаем на внедрение эффективной методологии обработки на станках с программным управлением), вносит значимый вклад в развитие современного производства страны, в сохранение и развитие ее потенциала. Иными словами, я говорю им: то, чем мы занимаемся, направлено на благо человека, на благо Родины и имеет большую ценность.

И еще один момент. Для аспирантов сегодня является привлекательным оформление патентов на изобретения. Сначала они учатся специфике оформления заявок на патенты по нашему профилю. Потом мы с ними работаем над патентованием тех наработок, которые имеют научную значимость и в перспективе могут улучшить материальное благосостояние авторов. Некоторые из аспирантов такой подход воспринимают и в итоге включаются в работу над диссертацией по заявленной тематике. Менеджерами современных предприятий проведение исследований для последующего внедрения результатов НИР в производство сегодня практически не поощряется. При этом значимость статуса доцента как состоявшегося человека чаще всего оценивается выражением «ну и что из того?». Поэтому, как показывает опыт, увлечь молодого человека научным поиском сегодня можно лишь оформляя каждый шаг в исследовании некоторым фиксированным результатом – успешным результатом. Вот так с переменным успехом, пошагово, от патента к патенту, мы с ними и двигаемся.

Профессионал в Вашем деле сегодня, как бы Вы его охарактеризовали?

Человек, сумевший реализовать свои профессиональные таланты в рамках тех возможностей, которые предоставляются (скорее ограничиваются), реализовавший свои наработки и сформировавший работы на длительную перспективу, нашедший ресурсы для реализации планов... – так бы я охарактеризовал профессионала.

Многие из нас – тех, кто причастен к машиностроительному производству – разделяют убеждение, что сегодня без развития отечественного машиностроения развитие страны вообще становится невозможным: если не будет производства широкого спектра отечественных машин, в конечном счете нынешняя «экономика» замрет. Поэтому в моем понимании профессионализм сегодня – это умение ориентироваться в сфере профессиональной деятельности так, чтобы в конечном счете твоими трудами поддерживались интересы развития государства российского. А его задачей, наряду с сохранением важнейших ресурсов, должно быть обеспечение жизнедеятельности граждан и повышение благосостояния народа.

Как Вы понимаете профессиональный успех?

Для меня успех профессионала (как положительная внешняя оценка со стороны общества) определяется, с одной стороны, реализацией им своих разработок и признанием его личных заслуг в профессиональной среде. С другой стороны, профессиональный успех, с моей точки зрения, выражается в общественном признании: признании значимости полученных профессионалом результатов для производства, для благосостояния народа, для обороны страны, для роста могущества государства российского. Успех, ориентированный преимущественно на личное обогащение профессионала, а не на пользу для широкого круга людей, вряд ли и самому профессионалу дает ощущение удовлетворенности. Тем более, если результа-

ты его работы, даже и оформленные как успешные, не признаются или вообще имеют негативную оценку в профессиональном сообществе.

Как бы Вы охарактеризовали успешного профессионала в Вашем деле?

Успешный профессионал – это всегда создатель уникальных машин, технологий, конструкций и т.д.

Многие уникальные творения отечественных успешных профессионалов-машиностроителей, спустя десятки лет, никто в мире превзойти не может и даже не пытается. То же можно сказать и об отечественных изобретателях. Наша страна располагала самым большим творческим потенциалом, пожалуй, самой большой армией изобретателей в мире!

Еще относительно недавно я бы сказал, что в отечественном машиностроении несть числа успешным генеральным и просто конструкторам, генеральным и просто директорам, ведущим и рядовым специалистам тысяч машиностроительных предприятий, несть числа труженикам – передовикам и ударникам производства, образующим фундамент благополучия страны. Однако информация о таком потенциале в последние годы «заморожена» и упорно замалчивается. О научных работниках, занятых в сфере обеспечения многочисленных отраслей самого большого машиностроительного производства в мире, сферах их интересов, их наработках – уже и не говорю. Такие профессионалы – сила государства российского.

В последние годы обстановка меняется не в лучшую сторону. Но некоторые надежды на улучшение ситуации еще сохраняются...

Вы свою профессиональную биографию сами строите или реагируете на жизненные обстоятельства?

Я бы сказал так: во многом мой жизненный и профессиональный путь определялся свыше – Божьим произволением. В моей жизни самые значительные свершения

происходили без моего целенаправленного влияния: это и направление на практически неведомую мне и моим близким «холодную обработку металлов», и, конечно же, рождение детей и внуков.

Как бы Вы рассказали человеку, который вообще далек от машиностроения, о сути Вашей исследовательской деятельности?

Сначала бы я охарактеризовал ту сферу, в которой пытался жить и прожил, имею в виду машиностроение, металлообработку, и ее место вообще в сфере реализации устремлений и жизнедеятельности человечества. Далее я бы обосновал, что без развития отечественного машиностроения мы (народы страны) просто бы не выжили. (Пример тому – исход войны 1941-45-го годов.) И если бы не было создано ядерное оружие и ракетно-космический комплекс, как противовес заокеанским «партнерам», то нас, как народа, как государства уже бы не было. А для того, чтобы создать этот комплекс (кто бы ни стоял во главе страны), необходимо развивать машиностроение и металлообработку.

В отечественном машиностроении и сегодня, среди прочего, сохраняются замечательные наработки минувших времен, многие из которых до сих пор не может повторить никто на планете. Эта сфера, безусловно, приоритетна с интеллектуальной точки зрения: мы достигали и кое-где сегодня достигаем в машиностроении таких результатов, которых никто не достигал. Нам иногда говорят: «Вот ваш “запорожец” – а вот их “мерседес”». Я отвечаю примерно так: «Мерседес, конечно, машина хорошая, да и немцы, что и говорить..., мастера. А вы поставьте “мерседес” рядом с нашим стратегическим бомбардировщиком. Да, немцы делают “мерседесы”, но они стратегических бомбардировщиков не делают, а для этого нужны самые высокие технологии, высочайший уровень исследований и конструкторско-технологических разработок и наконец –

колоссальные материальные ресурсы, огромное многообразие отраслей высокотехнологичного производства и труд уникальных специалистов».

Как в свое время сказал великий Г.Шлезингер: «Технический прогресс держится на кончике резца», иными словами – какую высокотехнологичную машину мы сможем изготовить, такой и будем пользоваться, такой и будет эффект.

В машиностроении при обработке сталей и сплавов на высоких режимах резания вершина резца раскаляется и светится в буквальном смысле слова. Так вот, раскаленное в процессе резания лезвие резца до сих пор для меня является путеводной звездой. Для меня и сегодня это свет звезды, указывающей путь в завтрашний день тем профессионалам, кто с новыми знаниями придет на смену нам в отечественное машиностроение.

Интервью провела М.В. Богданова

Е.Н. Викторук

УДК 174; 378

**«Должное» и «сущее»
в этическом образовании инженеров**

Аннотация: Проблемы инженерной этики рассматриваются в аспекте ее преподавания. Автор сравнивает стандарты современных образовательных программ в области инженерной подготовки и реалии этико-образовательного процесса. В качестве важнейшей видится проблема подготовки этически компетентных преподавателей для инженеров XXI века.

Ключевые слова: инженерная этика, этическое образование, этическая компетентность, этические компетенции, уровни этического образования.

Перспективы инженерной этики в образовании – тема, которую приходится видеть с разных сторон: с точки зрения преподавателя, читающего этику в техническом вузе более двадцати лет; «наблюдателя» (того, кто изучает вдохновляющий опыт развитых инженерных школ); участника «круглых столов», дискуссий и частных бесед со специалистами по инженерному образованию на крупных научных форумах¹. Обсуждение этой крайне актуальной темы, в том числе на страницах «Ведомостей прикладной этики» [6], не оставляет сомнений в том, что новая эпоха инженерной этики уже наступила, смысл инженерной деятельности серьезно трансформируется под влиянием «экотехносферы» и «техноэтоса», что делает этику и со-

---

¹ Круглый стол по инженерной этике в Казани в сентябре 2013 года, где проходила Международная научная школа «Инженерное образование для новой индустриализации», и 42-й Международный симпозиум IGIP «Глобальные вызовы в инженерном образовании» [2].

циальную ответственность не дополнительной, а сквозной характеристикой инженерии.

Специалисты по подготовке новых кадров понимают, что этика становится незаменимой составляющей нового качества и имиджа инженерных профессий, поскольку новые смыслы приобретает и сама инженерия, отмечает В.И. Кирко², за плечами которого 15 лет руководства Научно-исследовательским физико-техническим институтом [3]. Появляются новые виды инженерной деятельности, и речь идет даже не о нано- или информационных технологиях, а об инженерно-управленческих (управление индивидуальной образовательной траекторией и др.).

Новые требования к этическим компетенциям инженера обусловлены «изменившимся объектом инженерной деятельности» [5, 232-233], ее выходом за пределы конструирования человеко-машинных комплексов в сферу социально-экономических и социокультурных контекстов.

Новое качество этической подготовки современных инженеров определено критериями международной аккредитации образовательных программ (ОП)³. Среди них – критерии блока гуманитарных и социально-экономических дисциплин: обеспечивать необходимые юридические, социальные, экономические, этические компетенции специалиста в области техники и технологий; формировать приверженность устойчивому развитию, безопасности труда и охране здоровья. Уже сегодня требуется, чтобы в курсовые проекты и выпускные квалификационные работы обязательно включались этические аспекты, а в результате освоения ОП выпускники следовали кодексу профес-

---

² Владимир Игоревич Кирко – зам. проректора по развитию КГПУ им. В.П. Астафьева, профессор, д.ф.-м.н, член. корр. САН ВШ., член экспертного Совета при полномочном представителе Президента РФ в СФО.

³ Критерии и процедура аккредитации образовательных программ второго цикла подготовки специалистов в области техники и технологий. – интернет-источник <http://www.as-raee.ru>

сиональной этики, ответственности и нормам профессиональной деятельности. Все это необходимо для того, чтобы ориентировать будущего инженера на принятие личного выбора и ответственности, тесно связанных с понятиями морали и нравственности [4]. Этическая компетентность инженера XXI века связывается с умением мыслить этическими категориями, обсуждать социальные и профессиональные проблемы с применением этических знаний и оценок, принимать управленческие и инженерные решения высокой степени этичности.

Образ этически компетентного «постсовременного» инженера уже сформирован, но реалии его подготовки связаны с обеспокоенностью «падением престижа» инженерных специальностей, низким конкурсом на технических факультетах, часто – низким качеством подготовки абитуриентов. Специалисты говорят о слабой (устаревшей) материально-технической базе технических университетов, о «катастрофическом старении преподавательского корпуса. В среде ППС мало молодежи. В результате нарушается преемственность научных и научно-педагогических школ, что самым негативным образом отражается не только на их развитии, но и на сохранении» [4, 43]. Для преподавателей технических вузов важнейшими становятся вопросы: как сформировать «креативную интеллектуальную среду», одной из составляющих которой является этическая компетентность? Где взять этически компетентных «преподавателей нового типа»?

Переход от «сущего» к «должному» в этическом образовании инженеров задается международными системами качества, такими как ENQA (Европейская ассоциация гарантии качества высшего образования). Стандарты ENQA, служащие базой для разработки собственных систем гарантии качества, не содержат готовых решений, а носят рамочный характер.

Этическая подготовка инженеров в модели ENQA планируется по уровням. К примеру, Уровень 5 (бакалавр, второй год обучения). Базовое знание (имеет знания основных теорий дисциплины и т.д.); Этические вопросы (осознает широкий спектр социального и связанного с окружающей средой применения областей обучения и может обсуждать вопросы, касающиеся более широких этических перспектив). Навыки общения (может эффективно общаться в формате соответствующей дисциплины и т.п.).

Уровень 6 (степень бакалавра с отличием). Базовое знание (всесторонние/подробные знания по основным дисциплинам с более подробным углублением по специализациям, представление о том, что знание носит временный характер). Знание вопросов этики («осознает личную ответственность и профессиональный кодекс поведения, может встроить важный этический аспект в основную работу»).

На уровне 7 магистры помимо базовых – систематическое знание в специализированной/прикладной области и т.д. – должны уметь решать этические вопросы: демонстрировать информированность и способность ориентироваться в сложных этических ситуациях и активно работать по выработке решений с другими людьми.

Уровневая подготовка в этическом образовании – это «должное», на которое сегодня ориентируются вузы. Этические курсы являются одним из обязательных условий получения международной аккредитации образовательных программ (ОП). Реальность такова, что этика в разных объемах и под разными названиями преподается будущим инженерам. Работа по внедрению стандартов новых ОП постепенно приводит «сущее» в соответствие «должному».

Многоуровневое и комплексное этическое образование инженеров *требует новых форм преподавания и новых критериев качества*, связанных с отработкой компе-

тенций. *Этическая компетентность специалиста* предполагает «автоматическое» поведение в соответствии с этическими стандартами. Чаще всего эти стандарты подразумевают деятельность с пониманием «приватности», «неразглашения»; право на «не быть обманутым»; информированность, осведомленность; умение избегать конфликтов и хамства; развитие человеческих качеств [1, 63-64]. Особенность компетентности состоит в том, что этически выверенное решение принимается в стрессовой ситуации, в ситуации межкультурных различий, в условиях дефицита времени и других ресурсов. То есть этическая компетентность специалиста – это умение сохранять этические стандарты (рамки) в сложных состояниях, с минимальными моральными потерями, минимизировать моральные (имиджевые) риски, «не терять лица».

Этические компетенции – это осознанные навыки, применяемые в ситуациях решения моральных дилемм и принятия решений, имеющих этический контекст в личной, профессиональной и социальной сферах. Этически компетентная деятельность основывается на умении самомониторинга, контроля эмоций, тона, уместности выражений и оценок. Этическая компетентность – условие высокой конкурентоспособности специалиста вообще, а постсовременного инженера – в особенности, это то, что повышает его стоимость на «рынке жизненных шансов» и позволяет ему быть действительно «лидером» в современном обществе с его знаниевой экономикой.

Этическая компетентность «высшего уровня» – это знания и навыки этической экспертизы, этического аудита, этического моделирования и проектирования. Следовательно, формировать этические компетенции может преподаватель, не только информированный в области гуманитарных технологий, а практически владеющий ими и способный обучить им других. Обучать такого рода компетенциям может этически образованный профессионал,

имеющий опыт работы внутри опирающихся на нее видов деятельности. Обеспечить присутствие таких специалистов не может та часть высшего образования, которая отвечает за обучение по основной специальности. Зато на это способны другие образовательные программы, нацеленные на дополнительную подготовку профессионалов.

Мы выделим три «пути» формирования преподавателя «нового типа», которые условно обозначим как традиционный, нетрадиционный и инновационный.

Первый, «традиционный» путь – существующая и активно модернизирующаяся система повышения квалификации и переподготовки кадров, выстраивающая мосты в новую инженерную этику. Руководители технических вузов, где активно развиваются системы переподготовки кадров, единодушны в том, что *нужен преподаватель «нового типа»*, умело совмещающий этическую теорию и практику, действующий в исследовательском и пользовательском форматах этического знания. Последний наиболее востребован сегодня для профессиональной и социальной карьеры.

В соответствии с новыми стандартами подготовки преподавателя «нового типа», разрабатываются программы в МГТУ им.Н.Э.Баумана, Казанском исследовательском университете, ННГУ им.Н.И.Лобачевского и др. При этом часто речь идет об «элитной» подготовке, поскольку «на всех» ресурсов не хватает. В.Е. Медведев⁴ считает, что этическая составляющая компетентности преподавателя высшей школы является весьма существенной. «Комплексная педагогическая подготовка преподавателя, включая этическую составляющую, должна носить не фрагментарный..., а систематический характер» [4, 43].

---

⁴ Валентин Ефимович Медведев – директор Экспериментального центра переподготовки и повышения квалификации преподавателей инженерных вузов и технических университетов при МГТУ им. Н.Э.Баумана.

Вторым путем является деятельность корпораций в этическом образовании инженеров. Для понимания динамики инженерной этики организаторами проекта, которому посвящен данный выпуск «Ведомостей прикладной этики», был задан вопрос о конфликте требований современных профессиональных этик и требований корпораций: корпоративных этик, регулирующих «жизнь в профессии» относительно организации, в которую она включена. Эта тема очень важная, и нам хочется подчеркнуть не конфликт, а дополненность корпоративной и профессиональной этик.

Сегодня нельзя не сказать о влиянии международных и российских корпораций на качество управленческой и исполнительской работы в эффективно развивающихся сферах промышленности: угольной, нефтегазовой, металлургической. Реализуя концепции социальной ответственности, многие компании ведут интересную деятельность по формированию инженеров «нового типа» и этико-просветительскую работу. В Красноярске РУСАЛ ежегодно проводит Международную конференцию-выставку «Алюминий Сибири»⁵. По инициативе организатора и вдохновителя этого мероприятия, ученого мирового уровня, П.В. Полякова, в 2012 году в рамках этой конференции впервые состоялся «круглый стол» по этике и социальной ответственности в металлургии. Важность обсуждаемых вопросов оказалась столь очевидной, что было принято решение о постоянной работе «круглого стола». Но на следующей конференции тема этики в цветной металлургии, к сожалению, не звучала вообще.

Так или иначе, детерминируемые системой «социальных контрактов», корпорации сегодня вынуждены втягиваться в этико-образовательную деятельность. К примеру, ЗАО «Ванкорнефть» имеет договор о сотрудничестве с Сибирским федеральным университетом. Внеаудиторные

---

⁵ <http://nfmsib.ru/>

занятия по корпоративной этике «Ванкорнефти» с интересом и энтузиазмом воспринимаются студентами Института нефти и газа, а специалиста, отвечающего за это направление в корпорации, заставляет вспомнить, что этика – реальность инженерной профессии в нефтяной промышленности. Образовательная деятельность корпораций непроизвольно «втягивает» действующих здесь специалистов (от руководителей до бизнес-тренеров) в этический контекст профессии.

Интересен этико-образовательный опыт Сибирской угольной энергетической компании (СУЭК) с такими проектами, как Музей занимательной науки, Молодежная горная школа и др. Горная школа – один из проектов долгосрочной программы «Совершенствование системы профессиональной подготовки кадров для угольной промышленности», она представляет собой комбинацию профориентационного обучения по вопросам безопасности ведения горных работ и мероприятий по развитию личностной эффективности молодых специалистов (лидерство, эффективность, управление). Организаторы подобных программ видят в обучении «инструмент развития» работника посредством таких технологий, как наставничество, обратная связь, обучение в действии, работа в группах. Работник «нового типа» управленческих, экологических и лидерских компетенций должен выработать профессиональную ответственность. И это понятно: экологическая безопасность, безопасность условий труда – острейшие проблемы, влияющие как на конкурентоспособность данной отрасли, так и на ее имидж. Предполагается, что посредством инновационных образовательных технологий можно сформировать «интеллект управленца» и такие «внутренние ресурсы руководителя» как сознание, воля, эмоциональная компетентность у небольшого количества людей, отобранных на конкурсных основаниях.

Такие локальные образовательные программы раскрывают обеспокоенность руководства отдельных промышленных компаний низким качеством кадрового потенциала. Здесь складывается понимание того, что ценностно-этическая составляющая не свалится с неба, не сформируется сама собой. К примеру, СУЭК в июне 2012 года организовала серьезную программу повышения квалификации для преподавателей СФУ по обучению инновационным образовательным технологиям. Эта программа была ориентирована на формирование креативной интеллектуальной среды вуза. К сожалению, был реализован только первый, начальный этап этой очень нужной программы.

Вклад корпораций в формирование этически компетентных специалистов очень важен, но переоценивать эту деятельность, на наш взгляд, не следует. Классики этики бизнеса давно вывели закономерность: в «хорошие времена» организации повышают свою этику, а «в плохие» склонны от нее отходить.

Еще один путь, выделенный нами – «инновационный». «Точки роста» в подготовке преподавателей этики «нового типа» могут возникать спонтанно и долго действовать на энтузиазме, без ресурсов, которыми обеспечены первые два пути. Этот путь характеризуется отсутствием «заорганизованности» и свободным, творческим форматом работы, эффект которой пока трудно оценить.

Приведем собственный пример. В Красноярске уже несколько лет существует научно-образовательный проект «Лаборатория прикладной и практической этики». Деятельность Лаборатории охватывает три основных направления: этико-просветительское, научно-методическое и научно-исследовательское.

Этико-просветительское направление представляют выездные занятия по изучению корпоративной этики на предприятиях города Красноярска, встречи и открытые дискуссионные площадки с учеными, предпринимателями,

писателями, где обсуждаются актуальные проблемы современной этики и морали. Научно-методическое направление Лаборатории связано с разработкой новых этических курсов, опирающихся на инновационные образовательные технологии – кейс-метод, этический практикум, практические занятия с элементами моделирования и деловой игры. Все направления в деятельности Лаборатории объединяет проведение семинаров-практикумов, тренингов и мастер-классов по деловой этике и этикету на разных образовательных площадках.

В рамках Лаборатории мы попытались посмотреть на то, соответствует ли сегодняшнее преподавание этики реалиям меняющегося общества и образования. Ежегодно нами проводится «показательный» семинар-практикум для аспирантов «Этика и аксиология науки: принятие решений высокой степени этичности» [1]. По итогам этого мероприятия проходит анкетирование аспирантов-участников и преподавателей этики (или дисциплин с этической составляющей). Было опрошено 15 человек в возрасте от 35 до 75 лет – преподаватели Сибирского федерального университета, Сибирского государственного технологического университета и Красноярского государственного педагогического университета. В анкете были вопросы, касающиеся используемых форм проведения занятий, соотношения теории и практики в учебном материале, используемых форм контроля и др. Заключительным был вопрос «Способна ли работа по повышению морального климата отдельных организаций (в том числе этико-образовательная деятельность) повлиять на улучшение общественной морали в России?». На этот вопрос был получен только один отрицательный ответ.

Опрос показал, что большинство преподавателей ведут этику в традиционной лекционно-семинарской модели, хотя осознают важность современных образовательных форм, немногие знакомы с методом ситуационного анали-

за и применяют его. Было обнаружено, что «обратная связь» (как осознанно применяемая методика) в ходе освоения курса и по его итогам осуществляется единицами (3 человека). Большинство преподавателей этики не планируют какого-либо конкретного результата по итогам курса и каждого занятия в отдельности. Зачеты по курсу ставятся по произвольным критериям. Все это говорит о достаточно смутном понимании реалий «компетентностного подхода», механизмов и способов формирования этических составляющих общих и профессиональных компетенций.

«Лаборатория прикладной и практической этики» уже много лет действует в «волонтерском» формате, и наши надежды связаны с возможностью формирования в городе институционализированных структур (кафедр, центров), осуществляющих подготовку этически компетентных экспертов, владеющих технологиями этического аудита, этического моделирования и проектирования, а также преподавателей этики «нового типа». Ожидаемые результаты деятельности Лаборатории: анализ опыта мировых и отечественных этико-образовательных программ и проектов; внедрение эффективных моделей этических семинаров-практикумов, формирующих профессионально-этические компетенции; генерация новых знаний и разработок при выполнении фундаментальных и прикладных исследований; формирование этически здоровой образовательной среды вуза и города; обучение применению новых этико-обучающих технологий, соответствующих современному мировому уровню; обучение тех, кто будет обучать.

Преодоление разрыва между «должным» и «сущим» в формировании этически компетентного инженера видится нам в трех, уже обозначившихся, направлениях: системе повышения квалификации и переподготовки инженерных кадров в инженерных вузах; переподготовке кадров и этико-просветительской работе в развитых корпорациях;

формировании преподавателей «нового типа» в ходе инновационных проектов (инновационный путь). Перечень этот, возможно, не исчерпывающий, но очевидна не конкуренция, а дополнительность этих траекторий в этическом образовании.

Список литературы

1. Викторук Е.Н. Этика науки: практико-прикладной модус // Высшее образование в России. 2013. № 8-9. С.149-155.
2. Инженерное образование для новой индустриализации: программа и сборник докладов Международной научной школы. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2013.
3. Кирко В.И., Бухаров А.В. Опыт подготовки и переподготовки кадров в области инновационного менеджмента // Инновации в непрерывном образовании. 2013. № 6-7.
4. Моральный кодекс исследователя и нравственные основания научно-педагогической деятельности / Высшее образование в России. 2012. № 1-2.
5. Панина Г.В. Инженерная этика: воспитание моральных компетенций // «Что такое хорошо и что такое плохо?» в прикладных моралях. Ведомости прикладной этики. Вып.43 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2013. С.228-240.
6. Этика инженера: через понимание к воспитанию. Ведомости прикладной этики. Вып.42 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2013.

УДК 174

Практическая философия на перепутье: звездный час прикладной этики

Аннотация. Этап становления идеи-технологии инновационной парадигмы прикладной этики – гуманитарной экспертизы. Публикуются избранные материалы экспертного опроса «Самотлорский практикум-2» – первой попытки инициативного движения этического сообщества в экспертно-консультативной форме приложить знание о морали и воспитании к современной практике.

Ключевые слова: прикладная этика, инновационная парадигма, гуманитарная экспертиза, «Самотлорский практикум».

Предисловие

В продолжающейся рубрике «Ведомостей», посвященной истории становления инновационной парадигмы прикладной этики, публикуются *избранные* материалы экспертного опроса «Самотлорский практикум-2»¹.

Опрос был предназначен для проведения очередной научно-практической конференции «Нравственная жизнь, воспитательная деятельность, «воспитание воспитателей»: проблемы гуманитарной экспертизы и консультирования», проводимой в форме многодневной этической деловой игры.

Предполагалось, что публикация ответов экспертов имеет и самостоятельное научное значение, выходящее за пределы конкретных задач конференции.

---

¹ Самотлорский практикум-2. Сборник материалов экспертного опроса / Под ред. В.И.Бакштановского. Москва-Тюмень, 1988.

Идейный замысел Самотлорского практикума-2 уже был представлен в републикации моего «Послесловия редактора» к сборнику материалов экспертного опроса в 42-ом выпуске «Ведомостей прикладной этики»².

Подчеркну здесь инновационную идею – технологию «Самотлорского практикума», она была представлена на обложке сборника экспертных материалов: «гуманитарная экспертиза».

Цель и задачи гуманитарной экспертизы воспроизведены в обращении организаторов к потенциальным участникам практикума.

---

² См.: *В.И.Бакштановский. Самотлорский практикум: воспитание выбором / Этика инженера: через понимание к воспитанию. Ведомости прикладной этики. Вып. 42 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Носелова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2013.*

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ _____

В декабре 1987 года в г. Нижневартовске Тюменской области состоялся «Самотлорский практикум-1». Это была первая попытка инициативного движения этического сообщества в экспертно-консультативной форме приложить знание о морали и воспитании к современной практике. Организаторы Практикума стремились апробировать идею гуманитарной экспертизы и консультирования и ее форму – этическую деловую игру. Речь идет о совместном поиске исследователей и практиков, коллективно проводящих идею гуманитарного консультирования по этапам от замысла до внедрения нововведения.

С надеждой на развитие достигнутых результатов мы готовим «Самотлорский практикум- 2», а в его рамках проводим второй тур экспертного опроса. Наша задача – социально-нравственная диагностика и консультирование современных проблем нравственной жизни, воспитательной деятельности, «воспитания воспитателей». Программный вопрос анкеты: существует ли социальный заказ на гуманитарную (средствами гуманитарного знания, организованного вокруг этики) экспертизу и консультирование? Как этическое сообщество может ответить на этот заказ?

В качестве экспертов – участников опроса – мы приглашаем философов, социологов, этиков, деятелей культуры, журналистов. Рассчитываем таким диалогом осуществить комплексную экспертизу современных нравственных и воспитательных проблем.

Приглашаем Вас стать участником «Самотлорского практикума-2».

Тюменский индустриальный институт

Содержание анкеты, опубликованное на обороте титального листа сборника, воспроизведено ниже.

Самотлорская анкета

Перестройка как ситуация морального выбора. «Болевые точки» и «точки роста» современной нравственности и нравственной воспитанности.

«Болевые точки» и «точки роста» современного знания о морали и воспитании (этико-философское знание, общегуманитарное, обыденные представления).

Специфика этического знания, его роль в нравственном поиске нашего времени.

Этическая теория и моральная практика. Причастно ли научное знание о морали и воспитании к практике морального творчества? Эффективность традиционных и возможность новых видов практического приложения этики. Считаете ли Вы целесообразной этическую (шире – средствами гуманитарного знания) экспертизу практики принятия решений различными социальными субъектами? Какие ситуации требуют такого рода экспертизы (и консультирования)? Кто может выступать экспертом и консультантом (философ, писатель, руководитель, коллектив, общественное мнение)?

«Банк» идей, проектов, программ нравственного возвышения общества, развития этического знания (ваши предложения).

Ваш дополнительный вопрос и собственный ответ на него.

Публикуя здесь избранные материалы «Самотлорского практикума-2», я постарался обозначить мотив публикации в ее заголовке. Относится ли содержащаяся в нем диагностическая характеристика «Практическая философия на перепутье: звездный час прикладной этики» только к временам 25-летней давности?

Полагаю, что кроме исторического интереса к этапу становления инновационной парадигмы прикладной этики вполне можно говорить и об интересе современном. Во всяком случае, о своевременности рефлексии о новом перепутье этического сообщества: о возможности и необходимости готовить новый звездный час прикладной этики.

И давний опыт «Самотлорского практикума», прежде всего в его социокультурном и методологическом аспектах, и, уверен, в аспекте его ноу-хау, мне представляется актуальным.

В.И.Бакштановский

***

Л.А. Аннинский
(Редколлегия журнала "Дружба народов")

**В каком случае
я сниму перед наукой шляпу?**

Я должен объяснить моим уважаемым коллегам, ученым, вырабатывающим этическое знание, почему я с опаской и неуверенностью мыслю свое в их работе участие и вообще плоховато верю в то, что наука поможет «моральному творчеству».

Дело в следующем. Сколько я себя помню, все у нас делалось только по науке. Даже революция (то есть катастрофа, слом всех прежних «законных» и традиционных скреп общества) была организована по науке. НЭП тоже был допущен по науке, а потом по науке же и уничтожен. Затем были уничтожены (и посмертно реабилитированы) жрецы той самой науки, которая намеревалась ею данную нам в ощущениях реальность перестроить на сугубо научных основаниях; само собой, что во все эти времена «рост знания о морали», «разъяснительная работа» на этот счет и «воспитание нового человека» на месте старого ни на секунду не исчезали из наших программ и практических планов. Сегодня мы перестраиваемся (то есть отрекаемся от проваленных программ и невыполнимых планов) тоже исключительно по науке.

С другой стороны (и отвечая на другой вопрос «Самотлорской анкеты»), я должен сказать, что не согласен, будто «ситуация морального выбора» реализуется только теперь, в эпоху

перестройки. Я думаю, что ситуация морального выбора наличествовала даже в годы самого цветущего сталинизма, когда миллионы людей дружно поднимали руки (и опускали бюллетени) и мало кому вступало в голову усомниться в собственном со всеми единодушии. Если же мне возразят, что ситуация на самом деле не давала никому ни малейшей возможности выбирать, то я на это отвечу: да, ситуация победившей диктатуры не оставляет выбора никому, н о с а м у э т у с и т у а ц и ю люди выбирают, и выбирают по своей воле. Правда, они называют ее, ситуацию, всякими другими словами (тоже имеющими весьма реальный смысл), например – единством. Да, впрочем, почему другими? Ее прямо и называли диктатурой. И прежде, чем диктатура отняла у людей право морального выбора или сделала этот выбор смертельным, люди сами сделали моральный выбор, предпочтя диктатуру – междоусобию.

Значит, источник ужаса – то, что всякое несогласие у нас грозит обернуться междоусобицей. Это вечное проклятье России. Можем ли мы избежать его теперь и в дальнейшем? В том ли дело, что «плохих» людей больше, чем «хороших», и наука не успела вооружить моральную практику этической теорией?

Нет, не в том. А в том, что человек не умеет сам с собой совладать. И прежде всего – он не умеет заставить себя работать. Мы – романтические наследники той руссоистской идеи, что «гомо сапиенс» по природе естественно хорош и работящ, но спутан по рукам и ногам искусственными общественными несправедливостями и дикими привычками, так что если внешние путы порвать и дикость привычек человеку объяснить, то такой освобожденный человек сам себя «перекует», сам в себе обнаружит сознательность и сам для себя начнет работать на совесть.

С тех пор мы порвали много старых пут, мы освободили человека от массы старых запретов и привычек, мы не прекращаем ни на миг титаническую разъяснительную работу, создав для этой работы уже целые социальные слои, и мы неустанно ожидаем, что мировая справедливость и всеобщее благоденствие осуществляются при жизни вот этого или следующего поколения.

А они никак не осуществляются. И причина этой неосуществимости – приходится признать горькую истину – заключается в том, что человек все-таки, как таковой, сам собой работать не собирается. Не хочет. Точнее, так: он не хочет выпол-

нять работу механическую, грязную, тупую, нетворческую. А поскольку работы чистой и творческой в природе вещей мало (да и «творцов», соответственно, куда меньше, чем предполагалось по романтической науке о человеке как животном социальном), то остается все-таки практически непонятным, как же можно заставить людей работать.

Два способа, выработанные для этой цели историей обществ, – довольно жестоки и весьма неромантичны. Один способ – рубль. Другой способ – кнут.

Вполне отказаться от того и другого не смог в своей практической истории, кажется, ни один народ: все металось между той и этой крайностью. Мы не исключение. С той только «количественной» оговоркой, что рубля мы, русские, всегда боялись еще больше, чем кнута. Рубль – это неравенство, это расколы в обществе, это спесь одних и унижение других, это «умные» и «глупые», «белые» и «черные», «чистые» и «нечистые», «толстые» и «тощие», вплоть до таких вполне тупиковых для личности определений, как «хитрые армяне», «богатые грузины», «деловитые прибалты», «евреи, которые все заодно» и т. д., по гениальной формуле В. В. Розанова: «все нас, русских, обижают».

Вот, чтобы никого не «обижал», и был благословлен общий кнут. Общий страх. Лагерь: всем одинаково. И пусть не говорят теперь, что тогда все это случилось по стечению обстоятельств, по недомыслию одних и злоумыслу других. Нет, все было сделано по свободному выбору. Хотя и злоумышленников хватало, и недоумков, и обстоятельства (исторические) были тяжелые. Однако, когда миллионы крестьянских детей бросают землю и идут в города, соглашаясь на любую работу (то есть, надеясь на более легкую), то это ситуация именно свободного выбора, который делает народ. И это ситуация морального выбора, при котором общая «страна-громада» становится выше и важнее конкретной «малой родины», а если от терминологии 70-х годов вернуться к терминологии 20-х, – то мировая революция ближе отца родного. Все остальное – следствия: и то, что огромная, потерявшая корни масса готова на все; и то, как такую массу прокормить; и то, что органы принуждения, долженствующие этот прокорм обеспечить и общий порядок удержать, имеют достаточно желающих послужить этому делу верой-правдой и вооруженной рукой. То есть: взявши кнут.

Вооруженная рука, однако, плоха тем, что в ней постепенно отмирают рабочие мускулы. Панцирный организм вроде бы

кругом защищен, но он малоподвижен, он вянет и гниет изнутри именно от «защищенности», то есть от вседозволенности и безнаказанности.

Я хочу сказать, что мы перестраиваемся не потому, что «опаматовались» и из «плохих» возвращаемся в «хорошие», а потому, что дошли до упора и деваться нам некуда, нас обставят, если мы не почешемся. Вот мы и чешем в затылке: не перейти ли от «кнута» к «рублю»? Страшно. А выхода нет. Нет у нас другого шанса и нет выбора... Хотя, конечно, ситуация «морального выбора» теперь, как и всегда, встает перед народом, и народ, конечно же, волен выбирать, что лучше: дальнейшая борьба или дальнейшая стагнация?

Борьба – не рай, это именно борьба. Это риск. Это столько же шансов выиграть, сколько проиграть (для каждого). Это, наконец, перспектива в будущем (и не раз) шатнуться в обратный кач. Потому что все идет по спирали, и лучше быть ко всему готовым.

Пожалуй, я фаталист.

Вопрос же, который я, по предложению Самотлорской анкеты, сам себе хотел бы задать дополнительно, – такой. Где бы взять силы, чтобы при любом выборе, который сделает твой народ (то есть выберет ли он в очередной раз единодушие любой ценой или, напротив, плюрализм и противоборство факторов), где взять силы при любом варианте устоять, остаться личностью и постараться придать очередному повороту в судьбе твоего народа — черты достоинства и человечности?

Пожалуй, и фаталист, но – мечтающий быть стойком.

Если же в этой малопредсказуемой ситуации наука сумеет выработать этику и создать банк программ нравственного возвышения общества – как это предполагает сделать «Самотлорский практикум», – я немедленно сниму перед наукой шляпу.

***

Р.Г.Апресян
(Институт философии АН СССР)

Этика: необходимость прорыва

Хотя в последнее время все чаще можно услышать полные горечи констатации этиков об этике, задача рефлексивного осмысления положения, в котором оказалась этика в результате тридцатилетнего развития, остается по-прежнему нереа-

лизованной. Трудность такой рефлексии определяется тем, что она реально невозможна в рамках самой этики, более того, требует от этиков своеобразной «деспециализации», обновления методологических установок и в этом смысле разрушения устоявшихся и даже обретших силу предрассудка исследовательских и теоретических норм. Чтобы нащупать «болевы точки», необходимо разобраться с «болезненными симптомами».

Один из основных болезненных симптомов этики обнаруживается в ее амбициозности. Этики претендуют на специфическое знание морали, на знание уникальной морали. Эта претензия реально обернулась тем, что такое знание вроде бы было сконструировано, но за счет беспечного игнорирования того, что происходит вокруг – как в сопредельных этике дисциплинах, так и в самой морали, также сопредельной этике. Вопрос же заключается в том, можно ли понять мораль саму по себе, можно ли раскрыть специфику морали через такие определения, как «всеобщность», «личностность», «автономия», «творчество» и т. д. Этот вопрос провоцируется неожиданным (только для этиков) обнаружением того, что в работах, посвященных «культуре», «творчеству», «личности», «науке», даже «предпринимательству» или «игре», мы находим те же «специфические» характеристики, но относящиеся уже не к морали, а соответствующему предмету исследования. Конечно, речь не идет о научном плагиате. Дело в том, чтобы понять эти характеристики как специфичные не только для морали, но вообще культуры. Именно поэтому и идеал человека, например, как субъекта познания, как творящего, активно действующего, любящего – в философии один и тот же (если, конечно, эти предметы не исследуются односторонними философиями).

В учебниках и научных трудах получило распространение представление о триединстве описательной, теоретической и нормативной функции этики. К сожалению, это единство, да и эти функции лишь постулируются, когда речь заходит о природе этического знания. Практически же этого единства мы не находим. Но проблема заключается не в том, что этике не хватает полноты и цельности; стоит задаться вопросом: а, может быть, наша этика вообще бесцельна? Каковы социально-культурные задачи этики? Не ответив на этот вопрос, нельзя понять и роли этики в перестроечных процессах, нельзя понять и путей перестройки самой этики. В нынешнем ее виде наша этика оказалась сориентированной на идеологические задачи,

решение которых явно и неявно обслуживала, и на учебный процесс. Последнее, а именно, совершенствование и разветвление преподавания философии, и закрепило обособление этики. Можно сказать, что наша этика оказалась в плену у преподавания, замкнулась на популяризации и пропаганде. Поплатилась за это наука. И дело не только в том, что способ изучения предмета и способ изложения результатов изучения никогда не совпадают, а то и, как на примере политэкономии показал К. Маркс, противоположны. Этика утратила социально-культурную определенность – нельзя же считать таковой производство текстов.

Разумеется, речь не идет о дисквалификации всего, что было наработано этикой. Более того, обособление этики закономерно в контексте эволюции советской философии. Важно помнить, что с помощью обособления (подчас доходящего до сектантства) этики была уточнена нравственно-философская проблематика, эксплицирована мораль как предмет специального изучения. В то же время, специализация предмета обернулась его отождествлением: нравственная жизнь почти не проглядывается сквозь наши концепции морали. Было бы легко повторить известные слова: «Суша теория, мой друг...», но ведь ситуация вокруг этики гораздо сложнее. Представляется, что в 60—70-е годы этика двигалась от эмпирического к теоретическому пониманию морали, но, вместе с тем, от эмпирически конкретного к теоретически абстрактному пониманию морали. Этим объясняются и односторонности, и содержательная бледность нашей моральной теории.

Проблема не исчерпывается тем, что этике хорошо бы поменять стиль мышления – овладеть образным мышлением и не ограничивать себя «определениями». Образным мышлением вполне может довольствоваться моральное сознание; этика же как теория не может не мыслить в понятиях. Иное дело, как она будет излагать для публики свои «экзерсисы» – может метафорически, может зрелищно. Но если у автора (не как популяризатора, а как исследователя) не прорисовываются за метафорами и образами понятия, то мы имеем дело с публицистикой, литературой, но не с философией, ибо понятия представляют собой основную форму культурного выражения теории. Понятия – инструмент, средство для теоретика, но они и самоцель в рамках восхождения к абстрактному.

В связи с этим следует сказать о так называемой «прикладной этике». Уже не вызывает сомнения само по себе стремление к технологизации (в широком смысле этого слова) гуманитарного, в частности, этического знания. Однако прикладная этика не может быть «пристройкой» к теоретической этике. Предмет приложения определяет характер теории, так что необоснованными являются попытки как обойти теорию, так и использовать уже сконструированную (вне конкретных социальных задач или помимо них) теорию. Этическая концепция изначально должна строиться с ориентацией на приложение, т. е. не только объяснение, но и изменение мира. Только такая концепция и может быть теоретически конкретной.

Так завязываются возможные «точки роста» нашей этики. Но лишь через прорыв к новой «этической парадигме» завязь продолжится в ростке. Этике необходимо расширение теоретического горизонта, прояснение методологических оснований. Этике предстоит овладение конкретно-историческим содержанием морали, но одновременно и актуализация историко-материалистического видения своего предмета. Трезвость требует признания того, что в нашей этике материализм, как правило, оказывается не историческим, не диалектическим, а доктринально-догматическим.

Без осмысления морали в контексте общественных отношений и как общественного отношения, возникающего по поводу социальной практики, невозможно преодоление оторванности этики от жизни. Причем (нужно еще раз подчеркнуть), последнее прослеживается в слабости теоретических концепций, а не в том, что этики не занимаются животрепещущими общественными проблемами.

Наконец, не может быть научной подцензурная теория, т. е. теория, тон в которой задают политиканствующие администраторы, теория, которая обслуживает интересы ограниченной социальной группы (сколь бы великой по размерам она ни была), а не интересы общества. Именно здесь теория непосредственно ощущает свежие ветры общественного обновления. Здесь «точки роста» нашего общества задают перспективу этике, и хочется надеяться, что, осуществляя эту перспективу, этика внесет свой вклад в раскрепощение и очеловечивание социализма.

***

Г.С.Батыгин
(Зам. гл.редактора
ж. "Социологические исследования")

«Не судите...»

1. Мы привыкли жить, создавая вокруг и внутри себя словесные мифы-декорации, и боимся заглядывать туда – за сцену, в неосвещенное, теневое пространство, где располагается «кухня» разыгрываемой пьесы; здесь почти не прикрыты ее режиссура, техническое и риторическое оснащение. Здесь становится очевидным, что мы одновременно и зрители, и актеры жизненного спектакля, и показать пальцем в общем-то не на кого.

Слишком просто поставить вопрос альтернативно: ты за или против перестройки? Такой наивный социологизм часто выглядит радикально и свидетельствует о революционности намерений вопрошающего. Беда в том, что почти все – за перестройку... Лишь однажды мне посчастливилось встретиться с человеком, который откровенно заявил о том, что он противник перестройки. «Белая ворона» работал директором небольшого производственного объединения и являл собой подарок для журналиста, пишущего на злободневные темы. Этот противник перестройки мотивировал свою позицию моральным выбором. Он выбирает правду. Раньше, в застойный период, он обеспечивал свое предприятие фондами (которые, как известно, спускаются Госнабом процентов на 60—70) с помощью дружеских застолий, неформальных услуг, подарков, а кроме того, он располагал мощным средством воздействия на ритмичность и качество поставок в виде хороших знакомых в среде театральных администраторов – людей поистине всемогущих. Тогда было все ясно: если не считать слова, произнесенные с трибун, слово и дело не расходились. Сегодня, в условиях перестройки, все смешалось: нужно осуждать бесчестность, оставаясь прежним. Он должен – именно должен! – перестроиться, стать свободным, честным, правдивым, обрести чувство хозяина, научиться самостоятельности, экономическому и социологическому мышлению и, конечно, выполнять распоряжения сверху, делать только то, что разрешено. Ситуация морального выбора драматизируется: человек хочет, чтобы была одна ре-

альность – не та, нарисованная на декорациях, а обычная, живая, чтобы мир не был расколот на несовпадающие части.

Перестройка хотя и драматизировала моральный выбор, но не сделала его неизбежным, как сартровскую свободу во времена оккупация. И сегодня можно рассуждать и смотреть в мир, не выходя за рамки абстрактно-моральных предписаний. Но в своем наличном бытии мораль – это всегда мотивированный поступок, и вряд ли кто из здравомыслящих людей сможет ответить прежде всего самому себе, перестроился он или нет.

Людям, для которых мораль была и есть их собственное существование, никакая перестройка не нужна. Можно ли помыслить этот призыв, адресованный А. Платонову, М. Булгакову, П. Флоренскому, В. Ф. Асмусу, другим людям, которые – слава Богу – дожили до наших дней и потому называть их имена не совсем удобно. Как правило, в условиях разрешенной свободы и гласности они молчат – свершают свой моральный выбор.

Может ли человек стать свободным по указанию свыше? Парадоксально, но, если мы примем в сознание осуществившуюся антиутопию Оруэлла, предписанная свобода тоже существует, – пусть кто-то назовет ее холуйской, но сама она обязательно несет в себе величественную монументальность. Предписанная свобода – немыслимое словосочетание – реально становится высшим проявлением кощунственного морализаторства, полностью совпадающего с антиморализмом – все, что позволено, то позволено! – совпадающего, как чистое бытие и ничто в «Науке логики». Становится реальностью и безудержная свобода хама, свобода, порождающая, а точнее, являющая, социально-политический феномен охлократии. Так что мой ответ на вопрос о перестройке как ситуации морального выбора открывает – по крайней мере для меня – новую, в чем-то неизбежную, как рок, человеческую трагедию. Это есть и «болевая точка» современной нравственности, и, одновременно, «точка роста», «роста», может быть, достигшего уже своего разумного предела. Что нас ждет – новая рациональность или безумие?...

2. Когда я читаю научные трактаты или популярные книги по этике, приходит на ум аналогия из жизни зоопарка: могучие львы, – я не говорю здесь о шакалах, – с тоской и обреченностью мечутся вдоль решеток: взад – вперед, взад – вперед, постоянное движение; они существуют, видимо, пытаются сохранить в себе то естество, которым наделила их собственная

природа, их подлинное бытие. Но суть этики как раз раскрывается не в ней самой, а извне оттуда, из-за ограды, где человеческие особи, уверенные в своей безопасности и отграниченности от моральных норм, испытывают все-таки страх (а ну как придется сойтись с таким зверем!): моральные санкции не так уж эфемерны, как кажется извне. Нравственность – действительно зверь, способный разорвать душу человека.

И еще один нюанс. Сегодня, да и в прошлом, этические императивы входили в культуру из обычного права и повседневности, которая всегда алогична, атеоретична и, пожалуй, только литература – особенно русская классика – была способна к этическому поучению, проповеди без грана морализаторства. В. Распутин, наверное, не догадывался об амбивалентности нормативных систем, когда писал «Уроки французского». Он увидел за нарушением морального предписания – казенного и безжизненного – подлинную человечность и опять же моральный выбор, трагедию морали.

3-4. Давно замечено, что жизнь сопротивляется этическим предписаниям. Спенсер, Милль, Бентам попытались воссоединить этот разрыв, утверждая, что стремление к «суммарному счастью» немыслимо без приверженности человека идее добра и справедливости. Убедительное теоретическое обоснование практической философии!.. В чем-то оно воспринято правовыми системами европейской цивилизации, но подспудно разрыв этики и жизни продолжал существовать под разными названиями: например, в новейшей социологической концепции диспозиционной регуляции социального поведения личности общие моральные нормы обозначаются как терминальные ценности, а как они реализуются в поступке – дело иное, это уже ценности инструментальные.

Пожалуй, самое страшное произошло тогда, когда возоблададо очень простое и откровенное убеждение: «морально то, что в наших интересах». Какие-то люди, взяв на себя кощунственную обязанность судить о добре и зле – «вносить сознание» – с точки зрения великих идеалов, чистых и незамутненных, воссоединили свою нравственную философию в практику. Я не показываю пальцем на Сталина, Ежова, Вышинского и иже с ними. Они были лишь обречены предводительствовать безумием самоуничтожения – болезнь, в синдром которой входила и практическая интерпретация нравственных заповедей, основанных на интересе. Нет, здесь не разновидность просвети-

тельского утилитаризма, а жертвенничество, возведенное в культ, массовая анемия и восприятие человеком себя как «ресурса», перерабатываемого «целым». В итоге, лишенная нравственной основы, сама целесообразная заинтересованность обрачивалась саморазрушением и гибелью – история и сегодня придумывает эпизоды спектакля-фарса: поворот великих рек тому пример.

Таким образом, этическая экспертиза нравственного выбора возможна, стоит только возникнуть – как кристаллу в «благотворной» среде, – фетишу «идеального эксперта», обладающего правом судить во имя всеобщего счастья, квалифицировать действия людей с точки зрения всеобщего морального эталона, а затем, убедившись в покорности человеческого материала, принуждать его к «благу». Назовем этого «идеального эксперта» вождем, и все станет ясно. И безразлична степень явленности «экспертизы» — например, каждый, кто всерьез обсуждал и утверждал характеристики, видимо, чувствовал свой невольный уход из того незримого мира, где живут человеческие ценности, мира, не терпящего морализаторства.

Что же из этого следует? Следует жить... И, если уж речь идет о практической этике, каждый из нас волен избрать в качестве императива известную заповедь: «Не судите...». Она переносит моральную оценку в сферу самосознания, рефлексии, в лучшем случае проповеди, охраняет нас от лжи морального осуждения и дает шанс на покаяние.

***

В.И.Бакштановский

(ТИИ, каф. этики)

В.Т.Ганжин

(МГУ, каф. этики)

Ю.В.Согомонов

(Владимирский политехнический институт)

Фронезис – 2

Уже было сказано, что в условиях революционной перестройки «мы умнеем с каждым днем». Это имеет отношение и к философской деятельности, и, видимо, к той инициативной группе исследователей, которая объединилась в движение «Самолорский практикум». Поэтому специфика второго экспертного опроса дает возможность существенно продвинуться в по-

нимании заявленных в анкете сюжетов. Прежде всего, это продвижение в области социально-нравственной диагностики; не менее обнадеживающим является накопление и осмысление опыта гуманитарного, социально-этического консультирования.

1. Диагностика как «болевых точек», так и «точек роста» оказывается чрезмерно субъективной, ненадежно-капризной вне системного видения общественной нравственности, «по ту сторону» концептуального представления о ее природе в нашем обществе.

Догматическое мышление не испытывало никаких колебаний в атрибуции общественной нравственности в качестве социалистической. Все негативное проводилось по статье пережитков и отклонений, которые объяснялись недостатками социальной практики, слабостью компетенции и мягкостью воли воспитателей. «Святость» неотклоняемого тем самым уберегалась от оспаривания. Выступая против нигилистической оценки общественной нравственности в нашей стране, следует, на наш взгляд, признать накопление в ней значительных деформационных изменений. Богатство общенародной нравственности сводилось к сумме тощих абстрактных императивов, ригористических оценочных клише, охранительно-консервативных представлений. В идеале адептам классового и общечеловеческого представлялось, что общенародная мораль и есть казенная, а скорее – по особому идеологически казенная мораль. И тогда «болевыми точками» оказывались раздвоение общественной нравственности на «официальную» и фактическую, на мораль аскетизма, формализованного и политизированного долга, с одной стороны, и мораль гедонизма, деполитизированных ориентаций, счастья, оторванного от нравственности – с другой. В числе «болевых точек»: трансформация трудовой морали в антитрудовую, хозяйственной этики (по обозначению М. Вебера) в бесхозяйственную, «затратную»; превращение политической, гражданской этики в этику, неозабоченную сохранением «чистого и честного облика партийца»; переделка этики досуга и потребления в условно-престижную мораль потребления; профессиональной морали – в группистский эгоизм, а этики управления – в технократические нормы и ритуалы, в вопиющий аморализм бюрократии.

Это приводит к регенерации морального отчуждения, в котором личность, «свершая выбор», вязнет в моральных антиномиях. Оно обрекает человека, даже при самых благих его на-

мерениях, на компромиссы в форме предпочтения наименьшего зла, или на тактику спасения гуманности путем перехода на пассивную жизненную позицию, или на такую активную позицию, нравственность которой могла воплощаться лишь в этике безнадежной решимости.

Бремя выбора, однако, обуславливалось не только указанными деформациями. Системный анализ требует рассмотрения деформации общественной нравственности в более широком – общецивилизационном – контексте.

Необходимой оказывается методология кросс-исследования, лучше сказать – трудных синтезов формационного и цивилизационного подходов. Вполне возможно характеризовать цивилизационный подход в терминах родовой этики, так как он, во-первых, связан с наиострейшим вопросом выживания человека, очутившегося перед бездной ядерного самоуничтожения, а во-вторых, с решением всех глобальных проблем современного общества, форсированно покидающего локальную этику традиционного бытия человека.

Самые очевидные «болевы́е точки», порожденные этим разрывом, условно говоря, традиционной и современной морали, обусловлены стремительным индустриально-урбанистическим развитием общества, накоплением экологических кризисов, качественными переменами в потребительской деятельности, радикальными изменениями в функциях семьи, патологическими сдвигами в воспитательной системе общества. Возможно, именно кросс-исследование подведет нас к обоснованию причин тенденций к деиндивидуализации, омассовлению личности, эгоистической самососредоточенности человека.

Очевидно, возникает еще один фактор усложнения морального решения: «заказ» на инновационность, богатые россыпи альтернатив, взрыв нестандартных ситуаций, рост личной ответственности на фоне ослабления суфлерских «подсказок» от общества и общностей.

Все эти осложнения выбора, мучительность решений, неопределенность в прогнозах оказываются кратно умноженными в воспитательной сфере, где традиционные методы и подходы все чаще оказываются недостаточными. Понимание природы воспитания утрачивает былую самоочевидность, взывает к созданию новой воспитательной антроподицеи. Застарелые пороки воспитания (авторитаризм, формализм, ориентация на послушание, морально-психологическая непросвещенность вос-

питателей и т. д.) не просто снижают его эффективность, но приводят к результатам, подчас прямо противоположным общественным идеалам («воспитательная ирония»).

В то же время, ответственный научный анализ и критика, сдерживающая, «врачующая» манера социально-нравственной экспертизы позволяют за частоколом цивилизационных и формационных негативных тенденций обнаруживать обнадеживающие тенденции гуманизации общества и межличностных отношений, выявлять потенциалы социальной энергии, готовой взорвать застой, преодолеть инерцию, оздоровить все стороны нравственной жизни общества.

Хотя перестройка и не имеет исторически выверенной альтернативы, она сама содержит оздоровительные силы, создавая благотворную ситуацию подлинного выбора для различных слоев общества и для каждого человека. Даже в гамлетовских колебаниях многих групп и лиц (способность сопротивления перестройке недопустимо приуменьшать) содержатся новые и масштабные возможности для нравственно оправданного выбора. Он выводит за ограниченные рамки предпочтения меньшего зла и стоицистского самоубережения гуманизма на простор реальной позитивной инициативы. И не только индивидуального выбора и действия, но и коллективного, организационно обеспеченного ростом демократии. Сегодня «точки роста» не столько подлежат инвентаризации и классификации, сколько выявлению, прогнозированию, а главное, «выращиванию» по логике социально-нравственной инноватики. Вовлечение и вовлеченность в этот процесс – генеральный путь для перестройки всей воспитательной деятельности общества.

2. Диагностика и прогнозирование «точек роста» этики фиксирует в нашей литературе несколько конкурирующих концепций, различным образом истолковывающих природу и сущность морали («мировоззренческая», «регулятивная» и т. д.). Каждая из них имеет ряд преимуществ, но, вместе с тем, они не соотносятся друг с другом по принципу дополнительности или по принципу иерархичности. Не станем предугадывать дальнейшее развитие этих концепций и предсказывать возможности их органического синтеза. С нашей точки зрения, уже сейчас есть шанс продвинуть этическое знание путем создания теоретической модели, трактующей не только моральный феномен как таковой, а рассматривающий взаимодействие его с

воспитательным феноменом, с одной стороны, и с самой этикой – с другой.

Чтобы понять природу морали, этике предстоит познать как самое себя, так и способы воспроизводства морали в воспитательном процессе. Исходя из этого, мы предложили концепцию духовно-практического производства человека как социально-нравственного существа. При этом речь идет о сложении этико-социологического, этико-педагогического и этико-управленческого методов моделирования духовно-практического производства человека, т.е. об использовании системного подхода, установлении взаимодействия указанных методов, во-первых, выявлении преимуществ общегуманитарного теоретизирования по проблемам нравственной жизни и воспитания, во-вторых, и, в-третьих, отыскании прямого выхода этической теории в практику, связанного с экспертно-консультативной деятельностью. В рамках этой концепции этика как практическая философия выступает особой ипостасью: этическим умением или фронеzisом.

3. Этическая теория понимается нами как ядро философии человека и как своеобразный эпицентр социокультурной динамики. В этом, на наш взгляд, необходимое условие адекватного самоопределения этики в нравственном поиске современного общества. Через фронеzis происходит разрешение противоречия духовно-практического и духовно-теоретического производства; концепция фронеzisа как гносеологического и социокультурного идеала практичности этики позволяет последовательно противостоять технократической интерпретации этики, бюрократическому «использованию» морали, утопическим надеждам на всемогущество одного лишь воспитания.

Развивая заявленный в материалах первого опроса экспертов подход, сформулируем серию вопросов. Что же представляет из себя этическое умение (фронеzis), что это за свойство? Является ли оно какой-то особой – аксиолого-праксиологической – магией? Каким-то иррациональным словом и владением им? Может быть, это особый способ демонстрации в собственном поведении таких ценностных начал, которые делают их безусловно убедительными для других?

В каком-то смысле фронеzis – воспитательное умение, а значит, и мастерство владения словом, воздействия собственным примером, способность с большим воспитательным эффектом организовать Дело, мобилизовать отношения, возни-

кающие в деле, для воспитания. Все это верно, но пока еще не демонстрирует этического умения в качестве мудрости. «Фронестика» – это определенный способ мобилизации знания, способ этизации знания (прежде всего, гуманитарного), способ перевода этого знания в решение, действие. Это личностное воплощение научного знания и воспитательного мастерства. Это способ существования человека в таком воплощении, в этих перевоплощениях – подобно тому, как Сократ существует в диалогическом бытии и не воспринимается адекватно вне структуры такого бытия.

Если мудрость в традиционном смысле – это особый вид знания и его воплощения в поведении, вид проникающего знания, то в современном смысле этот сплав обогащен множеством научных подходов, перебрасывающих мосты между безличностным и личностным знанием, и вписан в духовно-практическое производство человека, порождающее личность, способную выходить за пределы наличной социальности. Такое трансцендирование всегда составляет загадку для социального познания, в том числе и научно-организованного. Но в нем вдохновляющая направленность, действенность фронестики.

Фронезис – это мудрость выбора. В ситуации повседневной экстремальности. Не просто поступка, но и всей линии поведения, а следовательно, и мировоззренческий выбор. Готовность не только его отстаивать, а все время обогащать и, при необходимости, изменять его.

Общность фронезиса и мудрости – не тождество их. Фронезис – это мультиплицирующая мудрость. Поскольку фронезис – не просто личностное знание, а переведенное в личностную сферу нравопреобразующее, объективное знание, знание и умение в сфере общественной (а не только индивидуальной) морали, постольку он может существовать в объективных формах, развиваться по законам науки, отыскивая способы переработки жизненного социокультурного опыта в некую систему скоординированных и проверяемых высказываний.

В процессе реализации фронезиса акцент с объективности знания переносится на возможности его индивидуализации, превращение в непосредственное умение. Фронезис – это своего рода ноу-хау в сфере межличностных отношений. Это – диагностирующее, прогнозирующее и консультирующее знание, воплощенное в умении и включенное в решения, в деятельность. Именно поэтому фронестическое знание, столь сильно

ориентированное на практику, на индивидуальность приложения, складывается в «мягкую» теорию.

4-5. Мы объединили два пункта анкеты, ибо рассматриваемая ниже идея гуманитарной экспертизы и консультирования равно относится и к процессу связи теории и практики вообще, и, отдельно, к средствам совершенствования нравственной жизни, с одной стороны, к вариантам повышения практичности этики – с другой.

Мы исходим из того, что сегодня существует требовательный социальный заказ на гуманитарную (средствами гуманитарного знания, организованного вокруг «этического ядра») экспертизу и консультирование практики принятия решений социальными институтами, организациями. Этическое сообщество может ответить на этот заказ формированием экспертно-консультативной функции знания о морали и воспитании, а также применением полученных результатов в персонифицированной деятельности обществоведов. Первые попытки оформления такой социальной инициативы – экспертного движения – зафиксированы на «Самотлорском практикуме -1».

Гуманитарная экспертиза и консультирование – это деятельность, снимающая противоречия между абстрактно-научным знанием и собственно практическим умением. Диалогическая, «понимающая» природа фронезиса не допускает упрощенного толкования отношений «консультант – клиент». Гуманитарная экспертиза и консультирование – это не передача «готового» научного результата на «внедренческий конвейер», но совместный (специалиста и ЛПР) поиск решения проблем. Эффект такого поиска обеспечивается герменевтическими (интегрирующими) понятиями социально-гуманитарного знания, нормы социальной технологии, логику здравого смысла) методами и процедурами подготовки решения. Фронезис в процессе экспертизы и консультирования – условие и итог решения эвристической задачи приложения «науки об искусстве» уникального выбора к практике.

Гуманитарная экспертиза и консультирование – это особая культура взаимодействия позиций теоретика и практика. Здесь обе стороны в поиске подлинных ситуаций для анализа и решения, в выработке конструктивных подходов, в проведении их в жизнь приобретают статус равноправных участников, соавторов. Инициированное этическим сообществом движение гуманитарной экспертизы и консультирования достигает эф-

фекта лишь при «встречном движении», в ситуации настоящего запроса на него, с одной стороны, социальных институтов, организаций, отдельных ЛПР, с другой – активного исследовательского поиска. При этом опыт «Самотлорского практикума-1» показал, что в этой конкретной ситуации инициатива была действительно встречной: обществоведы и ЛПР стали совместными «заказчиком», «исследователем», «субъектом внедрения».

***

Е.И. Головаха

(Институт философии АН УССР)

Этика как конструктивная отрасль научного знания

1—2. Основные «точки роста» современной нравственности заключаются в том, что происходящие в нашем обществе процессы действительно создают условия для морального выбора. Во-первых, признан приоритет общечеловеческих ценностей и, соответственно, общечеловеческих нравственных идеалов, следовать которым значительно труднее, чем примитивной групповой морали, объявляющей «добром» все, что исходит от «наших», и «злом» – все, в чем можно усмотреть «чужое» (чуждое «нашим» ценностям). Во-вторых, утрачивают популярность идеологические ярлыки, страх перед которыми подрывал эмоциональную основу нравственных исканий человека, когда вместо ситуации морального выбора чаще всего возникала ситуация выбора между двумя политическими позициями: «истинного патриота» или «презренного отщепенца».

И наконец, сняты некоторые барьеры на пути к информации о реальном состоянии дел в нашем обществе. Объективная информация необходима человеку для полноценного морального выбора в той же мере, в какой современные психологические знания необходимы этику для постановки самой проблемы морального выбора. Здесь недостаточно абстрактных философских рассуждений о добре и зле, которых в работах современных этиков ничуть не меньше, чем в трудах древних мыслителей. В этом – основная «болевая точка» современной этики как науки. Она анализирует вечные проблемы морального выбора «вечными» методами спекулятивной морализации.

Происшедшие в обществе перемены не означают, что уже сейчас человек поставлен в такие социальные условия, когда от его собственной нравственной позиции зависит возможность практической реализации осуществленного выбора. И демократия во многом еще носит установочно-декларативный характер, и гласность остается дозированной, и авторитарные стереотипы сильны в сознании руководителей различных уровней, которые готовы перестраивать все, что угодно, но только не устоявшееся представление о власти как произволе вышестоящего над нижестоящими.

Авторитарные стереотипы сильны и в массовом сознании, которое настолько свыклось с односторонним движением любых решений (с верхних этажей – на нижние), что для большинства людей моральный выбор является проблемой, связанной в лучшем случае с коллизиями, встречающимися в социальной среде. В результате моральный выбор утратил общественный смысл, перестал регулировать взаимоотношения общества и личности. Обманывать общество, красть у общества, пресмыкаться перед обществом, в душе осмеивая его, – все это стало своеобразной нравственной нормой, укоренившейся в сознании социальных групп и слоев, а не только отдельных несознательных граждан. Определенную долю ответственности за сложившуюся ситуацию несет и этика как составная часть философии.

3-4. Пока одни философы (и этики в том числе) состязались в славословии, а другие – в поисках наименее безнравственных путей ухода от действительности, инициативу в обличении нравственных пороков общества проявили литераторы. Но художественно-эмоциональный склад мышления, свойственный человеку, погруженному в мир искусства, нередко приводит его к ностальгии по старым добрым временам, к идеализации традиционной нравственности. Так и случилось со многими талантливыми писателями, которые всей силой своего таланта обрушились на мнимого врага нравственности – современную цивилизацию. К сожалению, этика пока не способна аргументированно отстаивать реальные преимущества современной морали перед традиционной, поскольку слишком долго занималась пропагандой мнимых преимуществ.

Социокультурный идеал современного этического знания должен противостоять старым и новым стереотипам нравственного сознания. О старых стереотипах сказано выше. Что ка-

сается новых, то они связаны с формирующимися в настоящее время представлениями о том, что в новых условиях принципиальная нравственная позиция, направленная на борьбу с социальной несправедливостью, должна опираться на «гарантированную неприкосновенность». Однако нравственное здоровье общества определяется не тем, что в нем честность, порядочность, человеческое достоинство автоматически обеспечивают человеку успех и всеобщее признание. В здоровой нравственной атмосфере человек должен осознавать трудности на пути к нравственному идеалу и не испытывать всепоглощающего страха перед утратой благополучия.

5. Этика как практическая философия должна стать в современных условиях конструктивной отраслью научного знания. Подобно конструктивной психологии (см: Е. И. Головаха, А. А. Кроник. Конструктивная психология: предмет и задачи. Методологические проблемы оснований науки. – Киев: Наукова думка, 1986), этика должна ответить на следующие вопросы: 1) соответствуют ли механизмы морального выбора, сложившиеся и предшествующие периоды, современным условиям общественной жизни и перспективе прогрессивного развития общества; 2) нужно ли ожидать естественного возникновения новых механизмов регуляции нравственного сознания и поведения, или они могут стать предметом и продуктом самой этической науки.

На наш взгляд, этическая теория должна опережать моральную практику, моделируя ситуации морального выбора и разрабатывая новые механизмы их решения. Необходимо добиться опережающего развития этического знания по отношению к существующим явлениям нравственного сознания и поведения. В связи с этим необходима прикладная этика, вооруженная социологическими методами прогнозирования и моделирования общественных процессов, воздействующих на формирование нравственного сознания, а также психологическими методами формирования механизмов морального выбора. С этой целью могут использоваться игровые методы, методы социально-психологического тренинга, конструктивный психологический эксперимент и т.д. (см: Головаха Е. И., Кроник А. А. Себе и другим. Психология самосовершенствования. Знание – сила. 1988, № 4).

***

А.А.Гусейнов

(Институт философии АН СССР)

Мораль и этика: время перемен

1. Нравственная жизнь советского общества характеризуется в настоящее время рядом таких признаков (ценностная расколотость; потеря критериев; размытость границ между преступным и социально санкционированным поведением; мистическая зараженность; низвержение кумиров; поиски нетрадиционных идеалов и т. п.), которые обычно всегда были показателем переходного состояния, кризиса одной системы ценностей и зарождения другой.

Конечно, рассуждать о нравственной жизни или хотя бы даже об общественных нравах вообще, в целом, без конкретизации применительно к национальным, историко-культурным традициям, социально-демографическим, профессиональным и иным особенностям – дело несерьезное. Поэтому необходимо сделать уточнение: я говорю об общественных нравах и только в той мере, в какой они существенно зависят от господствующих экономико-технологических и политико-юридических структур. Рассмотренные в этом аспекте, они находятся на крутом изломе, в состоянии качественной неопределенности. Общее направление, исторический вектор происходящих в этой области бурных, порой драматичных, изменений можно определить как движение от жесткой нормативности к большей свободе индивидуального выбора, от общинно-экстенсивных к личностно-автономным формам поведения.

О большей вероятности такого предположения свидетельствуют многие аргументы, среди которых назову только два наиболее броских и характерных.

а) Всер ценностных значений общественных нравов колеблется в диапазоне от этно- или религиозно окрашенного, патриархально ориентированного консерватизма (можно сослаться на движение «Память», случаи мусульманского фундаментализма) до типичных проявлений атомистической деградации личности (наркомания, проституция и т.п.). Эти нравственные деформации, являясь абсолютизацией, своего рода карикатурой на прошлое и будущее нравов, позволяют вместе с тем косвенно судить об общей тенденции их развития.

б) В системе мотивов общественного поведения скачкообразно возросла роль морали. Выражением этого является новое, все более широко проникающее в общественное сознание представление о морали как основе духовности вообще, «закваске» всей культуры. Если бросить ретроспективный взгляд на 70-летнюю историю советской идеологии, то в ней можно наблюдать неуклонное возрастание роли морали: отрицание морали (первые годы Советской власти); сведение морали к государственно-политической целесообразности (конец 20-х – начало 50-х годов); рассмотрение морали в качестве относительно самостоятельной формы культуры наряду с политикой, правом, искусством и т. д. (конец 50-х – конец 70-х годов); признание приоритета моральных критериев и оценок перед всеми другими (начиная с конца 70-х годов).

Разумеется, официальные идеологические образы морали не дают адекватного представления о реальных нравах в их сложности и противоречивости, часто искажают их, но они довольно точно говорят о том, какие проявления нравов считаются в данный момент образцовыми, предпочтительными. Перестройка в тех ее формах, которые стали уже зримой, практически втянувшей в свою орбиту широкую массу людей, реальностью (индивидуально-кооперативная деятельность, гласность), намечает совершенно определенный, естественный и соответствующий исторической, общецивилизационной логике выход из «смутного», кризисного состояния общественных нравов. Она выводит их на качественно новый уровень, когда момент личностной автономии довлеет над общинным началом. Это касается и содержательных целей, и механизмов функционирования.

В самом общем плане характер воздействия перестройки на нравственные процессы как будто бы не вызывает сомнений. Но здесь требуется одно, на мой взгляд, очень существенное уточнение. Общая тенденция развития нравов, о которой говорилось выше, является универсальной. В нашей стране, однако, она протекает по-особому. Мы совершаем один из последних, решающих скачков в сторону личностной автономии, имея перед собой опыт развитого буржуазного индивидуализма, нравственно разрушительные следствия которого если не перевешивают, то вполне соразмерны его позитивным сторонам. Задача поэтому состоит в том, чтобы, двигаясь в сторону личностной автономии, не деградировать в буржуазность,

мещанство, индивидуализм. Способностью двигаться в этом никем еще не изведанном направлении как раз будет определяться нравственный потенциал, а в известном смысле и историческое оправдание перестройки.

2. Говорить о «болевых точках» советской этики – все равно что выискивать капли пресной воды в океане. Ее боль не поддается точечной локализации, ибо захватила все тело. Наша этика нуждается и, хочется верить, стоит на пороге качественных изменений. Чем это вызвано и каково наиболее вероятное направление развития?

Когда в начале 60-х годов в рамках советской философии выделилась относительно самостоятельная ветвь этического знания, она выполняла совершенно определенный и достаточно четко сформулированный (в частности, в Программе КПСС) социальный заказ: обосновать относительную автономность нравственной сферы жизни; раскрыть общечеловеческое содержание коммунистической морали, ее преемственную связь с моральным опытом прошлого; идеологически обеспечить нормативный идеал человека и общества («моральный кодекс»). Этот заказ определялся особенностями нашего исторического развития, в частности, потребностью высвободить общественную жизнь из-под жесткого политико-идеологического пресса, ориентированного исключительно или по преимуществу на классовую непримиримость. Он задал основное тематическое поле этических исследований. Этика должна была показать и доказать, что мораль незаменима и по содержанию, и по выполняемой ею роли в жизни человека и общества, что она имеет свою сферу действенности и необходимым образом дополняет другие способы социальной регуляции.

Надо признать, что советская этика чутко откликнулась на общественный запрос и, в целом, хорошо его выполнила. Она сосредоточила свои усилия на определении морали. Конкретные теоретические решения оказались различными: в советской литературе было сформулировано несколько, хотя и навеянных определенными историко-философскими традициями, тем не менее вполне оригинальных, заметно обогативших этическую науку концепций морали. При всех расхождениях, явной и скрытой полемичности, эти концепции были проникнуты единым пафосом – обосновать специфику (своеобразие, незаменимость, уникальность) морали. Они выполняли одну и ту же задачу оправдания морали как особого феномена.

Этот период советской этики, когда теоретические поиски сосредоточились главным образом на вопросе о сущности и специфике морали, условно можно назвать дефинитивным. Он достиг кульминации, а в известном смысле и завершения в середине 70-х годов (так, самым «урожайным» по количеству и, на мой взгляд, также по качеству обобщающих монографий стал 1974 год).

К концу 70-х – началу 80-х годов в духовной жизни советского общества произошли серьезные изменения, которые можно рассматривать как новый социальный заказ этике: а) моральные оценки в общей системе общественных оценок стали выдвигаться на первый план, рассматриваться в качестве абсолютной точки отсчета; б) сферы человеческой деятельности, в которых моральная регуляция и моральный выбор имеют решающее значение и которые вполне можно было бы назвать зонами личностной автономии, по объему оказались вполне сопоставимыми, а по степени значимости превзошли сферы социально принудительного поведения. Словом, реальное общественное сознание, если судить о нем хотя бы по художественной литературе и публицистике, выработало другой образ морали, чем тот, который превалирует в нашей этике.

Чтобы преодолеть сложившееся противоречие, явно наметившийся разрыв с жизнью, этике недостаточно каких-то количественных приращений: расширения тематики, усиления аргументации, повышения логической культуры и т.д. Она должна видоизмениться качественно, выработать новый стиль мышления. Как мне представляется, время дефинитивной этики прошло. Сейчас нужна этика эссеистская.

Эссеистская этика: а) исходит из широкого понимания морали, когда она рассматривается не как одна из форм культуры наряду со многими другими, а как их общая родовая основа; б) исследует мораль не в чистом виде, а в преломлении через другие формы культуры, в контексте реальных ситуаций жизни человека и общества; в) ориентируется не на системность, а на проблемность, вопросительность, предпочитает вариативность суждений, скептическую мягкость выводов, учитывает индивидуализированность, биографичность моральных решений; г) по языку и литературному стилю тяготеет к беллетристике, апеллирует к здравому смыслу, рассчитывает на непрофессионального читателя. Сила эссеистской этики заключена в философской глубине, которая, правда, часто скрывается

за внешней легкостью, видимой необязательностью рассуждений.

Этот прогноз основывается на анализе логики развития советской этики и навеян некоторыми историческими параллелями.

3. Авторы анкеты интересуются, что такое этическая (или этико-гуманитарная) экспертиза и как ее осуществлять? Вот и я спрашиваю: что это такое и как ее осуществлять?

Я вообще не думаю, что следует много рассуждать об этической экспертизе без того и до того, как будут налицо хотя бы несколько успешных опытов такой экспертизы. Когда, скажем, человек говорит, будто он может перепрыгнуть 5-метровый барьер, но ни разу этого не сделал, то его утверждения никто не примет всерьез, даже если он в «доказательство» напишет толстую книгу и приложит детальные схемы того, как он это мог бы сделать.

Все высказанные мною выше предложения или, как вележливо сказано в анкете, «соображения, идеи, программы, методики, исследовательские проекты, подходы, прогнозы», являются личными.

А вопрос я бы задал такой: «Что бы Вы могли рекомендовать в качестве девиза специалистам, занимающимся проблемами нравственного воспитания, прикладной этикой?». И ответил бы так: «Не судите Других, да не судимы будете!».

***

Н.Д.Зотов
(ТИИ, каф. этики и эстетики)

Как следует жить? –

Ответ на этот вопрос вне компетенции науки

1. По-видимому, общественную потребность преобразований в направлении гласности и демократии во многом питала мораль, несмотря на отведенную ей в недавнем прошлом «официально жалкую роль» (См.: Титаренко Д. И. Обретение этикой своей подлинной роли / Самотлорский практикум. Тюмень. 1987. С. 46). В отношении к моральным запросам самым первым и, может быть, самым важным достижением предпринятой в стране перестройки является гласность. Личности предоставлено великое благо – говорить то, что думаешь, даровано священное право человека быть самим собой. Благодаря глас-

ности (при условии ее дальнейшего развития) открывается возможность возрождения в человеке нравственной силы, освобождения от въевшейся за многие десятилетия «спасительной» привычки к неискренности, лицемерию, поведенческой фальши. Преодоление болевых состояний современной нравственности и – шире – современной жизни (рассогласование слова и дела, недостаток гражданственности, безнравственность некультурной экономической деятельности, половинчатость политических и демократических преобразований) осуществимо на основе и при условии полной гласности. Обретение людьми внутренней честности, мужества видеть правду факта и отстаивать правду действия (в любой сфере и на любом уровне) – в этом мне видится путь общего оздоровления нашей морали и, соответственно, главная точка ее роста.

Несовершенство современного воспитания обусловлено общим засильем бюрократизма в жизни страны. Административно-бюрократические методы управления, ранее всего укоренившиеся в самом основании общества – экономике, проникли и во все другие сферы общественной жизни, в том числе в область воспитания. Командно-нажимной, бюрократический стиль руководства экономикой обрел в деле воспитания свой отчетливый аналог, что выразилось: а) в разделении населения на тех, кто призван воспитывать (облеченное соответствующими «полномочиями» меньшинство), и тех, кого воспитывают («массы», «подвергаемые» воспитанию); б) в искусственном вычленении особого рода деятельности, так называемой «идейно-воспитательной работы», осуществляемой директивно, с составлением громоздких комплексных планов, с пугающим нормального человека множеством планируемых «мероприятий», с назойливо требовательной и глубоко бесполезной для самого воспитания отчетностью по инстанции.

К сожалению, каких-либо существенных изменений в деле воспитания не произошло: слишком велика инерция сложившихся представлений и общего стиля «воспитательной работы». Во всяком случае, «точка роста» здесь пока не обозначилась, если не считать общего благотворного воздействия перестройки на процесс формирования личности сегодня. Считаю, что в теории назрела необходимость резко критического переосмысления самой сущности воспитания.

2. «Болевой точкой» современной этики является ее «сциентистское самомнение», ошибочное притязание на статус

«строгой» науки и на присущие частно-научному знанию способности практической полезности. Этика больна заблуждением относительно самой себя, своей природы, будто бы совершившегося или совершающегося превращения ее в частную науку. В действительности она обладает непреходяще философской природой, что подтверждается исторически сложившимся опытом теоретического исследования морали. Если нечто (в нашем случае мораль) теоретически изучается с самого начала и в дальнейшем только философскими средствами, то это означает, что специфика так (философски) исследуемого предмета не откроет возможности для теоретического исследования его средствами частных наук. Предмет частной науки выступает как нечто разложимое, расчленимое и в то же время статичное, «омертвленное» дистанцией научного анализа. Философия же как теоретически оформленное мировоззрение имеет дело с целостными образованиями мира и человека. Мораль представляет собой одно из таких целостных образований, не разложимое и не расчленимое для целей частно-научного аналитического рассмотрения, теоретически постигаемое только философскими средствами. Всякое разложение, расчленение моральных феноменов на более элементарные составляющие, всякое редуцирование моральных проявлений к субэлементарным означало бы утрату существенных признаков морали, такого ее содержания, в котором она только и является моралью и в этом ее качестве духовной сущностью.

Своего рода продолжением и развитием тенденции к преувеличению научных возможностей этики явилось представление о будто бы складывающемся общегуманитарном комплексе знания о морали как новой и перспективной форме ее теоретического постижения. Однако, частные науки, проявляющие интерес к морали в пределах исследуемых ими предметных областей, не в состоянии теоретически исследовать самое мораль, но способны доставлять вспомогательный, опорный материал в виде сведений, играющих роль «эмпирических» по отношению к создаваемой философскими средствами теории морали. В свою очередь, философское знание о морали как знание теоретического уровня способно удовлетворять потребность в соответствующих представлениях, возникающую у любой (частной) науки, которой почему-либо в ее собственных теоретических исканиях бывает необходимо располагать ответом на вопрос «Что такое мораль?» Созидание общегуманитарного комплекса

знаний о морали как попытка «теоретического» продвижения вряд ли выявляет «точку роста» и знаниях о нравственности, но скорее чревато для этики эпистемологическими осложнениями.

3. Ответ на этот вопрос логически вытекает из ответа на предыдущий и потому может быть сформулирован кратко: 1) этика в союзе с другими средствами философского знания отвечает на вопрос о сущности морали, о ее историческом и индивидуально-личностном становлении и развитии; 2) теоретизирование по вопросам морали осуществляется в единстве с моралистической функцией этики; 3) можно выделить два наиболее характерных типа теоретизирования: а) теоретизирование с сильной «академической ориентацией» (работы этого типа предназначены в основном для «внутреннего обращения» в сфере специалистов, моралистическое звучание их ослаблено), б) изложение теории сочетается с активной морализацией, сочинения этого типа пригодны для целей широкой пропаганды этических знаний (не в силу их «популярности», а вследствие их моралистической направленности); 4) идеал этического знания в любом случае предполагает обязательное сохранение философского горизонта в рассмотрении проблем морали.

4. Этическая теория может быть полезна для практики двояко: 1) путем объяснения сущности морали, создания объясняющей теории нравственного воспитания этика может уберечь практику от ошибочного понимания самого воспитания и от неоправданных попыток «технологических вмешательств» в столь деликатную сферу; 2) путем моралистического воздействия в процессе этического просвещения.

Этическая (профессиональная) экспертиза ситуации морального выбора, на мой взгляд, невозможна. Моральный выбор в реальной житейской ситуации требует от человека практических нравственных ориентаций, а не теоретических оценок и квалификаций. Субъект, претендующий дать кому бы то ни было полезные поведенческие предписания в ситуации морального выбора, неизбежно выступает в роли моралиста (а не профессионала) и в этом его качестве в принципе равен любому другому человеку. Как следует жить? (Как поступить?) – Ответ на этот вопрос вне компетенции науки, он не может быть делом специалиста.

5. С целью совершенствования нравственного воспитания и нравственности в качестве первого шага следует теоретически обосновать необходимость отказа от словосочетания «идей-

но-воспитательная работа», которое ввиду его специфической семантической нагруженности порождает ошибочное понимание воспитания как «технологически» регламентируемой деятельности и, соответственно, побуждает к неверным действиям в этой области. Необходимо показать непригодность (или, по крайней мере, второстепенность) репродуктивных способов воздействия в сфере воспитания, дать истолкование воспитания как приобщения индивида средствами духовного воздействия к нравственным ценностям, культивирования в нем способности эстетического переживания, творчества, то есть как процесса не репродуцируемого в его самом существенном содержании.

б. Мой прогноз развития этического знания: думаю, что в обозримой перспективе оно будет развиваться в направлении возвращения к осознанию этикой ее непреходяще философской природы. Другой тенденцией в развитии этической теории будет, по-видимому, насыщение ее моралистическим содержанием, обогащение искусством талантливой нравственной проповеди. Последнее должно в определенной мере заместить ту миссию в утверждении добра, которую всегда была склонна брать на себя религия.

***

В. Н. Сагатовский
(Крымский госуниверситет)

Не только этика...

1. Моральный выбор – один из аспектов целостного мировоззренческого, смысложизненного выбора и должен рассматриваться в контексте последнего.

Последовательная ценностная ориентация на перестройку как продолжение революции порождает и «болевы точки», и «точки роста» также и в сфере морального выбора.

Обратим внимание на две «болевы точки» такого рода. Во-первых, это «кадровая проблема», моральный аспект которой состоит в следующем: как поступать в такой ситуации, когда практические противники перестройки не хотят нести полной ответственности за прошлое и, отвечая за перестройку в настоящем, тормозят переход от слов к делу со стороны ее практических сторонников? Во-вторых, трудности, порождаемые глубоко укоренившейся ориентацией на негуманитарное,

функционалистское, вульгарно-материалистическое отношение к человеку как «винтику», функции «социального, конвейера».

Основная «точка роста» – неистребимые, вновь и вновь поднимающиеся ростки естественного достоинства, неформальной (вне «починов») самостоятельности, внутренней ответственности. Увы, пока еще рано продолжить этот список подлинной интеллигентностью...

2. «Болевые точки» этической теории, общегуманитарного комплекса знаний о морали и воспитании: а) это еще не комплекс и не часть системы – этика не нашла еще свою «нишу» в становящемся комплексном человековедении; б) наша этика и педагогика пока еще явно не гуманитарны (хотя в педагогике новаторов прорывов к подлинной субъектно-субъектности, к преодолению утилитаристского редуccionизма больше, чем в этике).

«Точки роста»? Скажем так: первые контуры точек – интенция к преодолению редуccionизма, осознанию неповторимой специфики и самоценности морально-нравственного аспекта целостной деятельности (а не сознания или «сознания и деятельности»).

3. Любая философская дисциплина, а не только этика, имеет (в принципе, может иметь) и фундаментальный, теоретический, и прикладной, практический уровни. Этика как «учительница жизни», с одной стороны, меньше, чем практическая философия, а с другой – больше, чем наука-этика. Речь должна идти об этическом аспекте культуры. И здесь этика – ядро ее (культуры) гуманитарного, субъектно-субъектного, диалогического уровня. Однако и здесь этика необходима, но еще недостаточна для созревания подлинного гуманизма: нет любви и сопричастности без добра, но они больше, чем добро.

4. Я бы предпочел говорить не о наукоемкости практики (оставим это в рамках естественно-научной модели знания), но о культуроемкости жизни. И этика здесь снова больше, чем наука, но меньше, чем гуманитарная экспертиза в целом (оценка проектов, процессов и результатов деятельности любого рода с точки зрения целостной системы жизненных смыслов, ключевых ценностей, выражающих сущностные силы человека).

Этическая экспертиза должна стать частью целостной аксиологической оценки любого проекта, процесса, результата любой деятельности (научно-технической, экологической, экономической, социальной, политической и т. д.), оценки на со-

ответствие ценностному основанию деятельности. Добро, польза, красота, истина и др. имеют здесь самостоятельную, нередуцируемую друг к другу значимость. Выбор любых альтернатив включает моральный выбор в качестве необходимого момента. Таким образом, целостная аксиологическая экспертиза включает в себя экспертизу гуманитарную, а последняя включает в себя моральную экспертизу.

Специфика гуманитарной экспертизы – в ее диалогичности (она невозможна без понимания оцениваемого субъекта) и принципиально качественном характере (несводимости, невыразимости через количественные показатели, баллы и т. д.). Субъект такой экспертизы должен обладать качествами, обеспечивающими эту специфику. Не просто знания и профессионализм, но человеческая мудрость должна быть присуща такому «эксперту». Требование исключительно высокое: не просто эксперт, но Учитель жизни. Но иначе нельзя. Отсюда вопрос: а кто готов к такой экспертизе? Бывают в истории времена, когда такие люди или уже не выжили, или еще не созрели.

5. Формировать человека должна именно нравственная жизнь прежде всего, а «воспитательная деятельность» – всего лишь в ее контексте, на ее почве. Фундамент нравственной жизни – это развивающаяся гармония свободы индивидуальности и ее сопричастности к началам добра в социальной макросреде, микросреде и объективной диалектике мира в целом. Здоровый климат социальной макросреды нашего общества создается перестройкой. Но непосредственно моральные ценности жизни и культуры передаются и вырастают на почве первичных социальных групп. Если в них атрофирована культурно-историческая память и то, что Л. Швейцер называл «благоговением перед жизнью», то они не способны сформировать нравственность.

Отсюда вывод: внимание к источникам нравственной жизни семьи, групп общения, профессиональных групп, народа, человечества – прежде всего. Не надо проектировать «поле нравственности» – надо сохранять его и не мешать ему жить своей естественной жизнью; «поворачивать реки» здесь еще более опасно, чем в природе.

Этика – и теоретическая, и прикладная – должна найти свое место в становящейся системе комплексного человековедения, положив в основу соотношение ключевых ценностей нравственности и морали – добра и долга – с интегральными

ценностями человеческой жизни в целом – счастьем и любовью, свободой и сопричастностью.

6. Что важнее для развития морали – этическая рефлексия или непосредственность фундаментальных ценностей? Ценности, питающие рефлекссию, и рефлексия, возвращающая к ценностям.

***

А.И.Титаренко
(МГУ, кафедра этики)

Обретение этикой своей подлинной роли

1-2. Не «болевая точка», а скорее тяжелая, ставшая хронической, болезнь – рассогласование (в некоторых аспектах доходящее до острейших противоречий) экономической жизни и нравственного фактора. В центре – нарушение принципа социализма: «от каждого – по способности, каждому – по труду». Источник отклонений от требования «по труду» следует, видимо, искать не только в более или менее очевидных проявлениях, лежащих на поверхности, а в сбоях самого механизма хозяйствования. Здесь неожиданно мы обнаруживаем самые удивительные метаморфозы в действии этого механизма, если его рассматривать вкупе с социальными реалиями. Величайшие социально-исторические достижения социализма, оказывается, несут сами в себе возможности тех или иных отклонений в случае пренебрежения субъективным фактором, который обеспечивает их надежность.

По-видимому, определенным «синтезирующим центром» не только экономических, но и социально-политических, нравственно-психологических и т. д. негативных явлений выступает бюрократизм. Его нельзя ставить в эклектический перечень «болячек» нашей жизни так, как это делалось ранее: «взяточничество», «стяжательство», «пьянство» и... бюрократизм. Он не равноценный компонент этого перечня, а то, что можно назвать внутренней, вездесущей, основной «бациллой» болезнью социализма. Отвечая на вопрос об угрозе, которую представляет мораль бюрократизма нравственному здоровью народа, можно ответить, что не столько эта мораль, а сам бюрократизм – вот то ядовитое жало, что нацелено в сердце народной нравственности.

Вероятно, именно бюрократизм следует считать ответственным и за такое тяжкое болезненное явление при социализме, как отчуждение. Особенно – неприкаянное нравственно-психологическое состояние отчуждения. Как известно, отчуждение – многокомпонентное, сложное явление, имеющее и свой (наиболее тревожный) аспект – моральный. Подход Маркса к отчуждению, оставаясь методологически действенным, требует все же своего дополнения и развития применительно к социализму (и здесь автор тезисов признает необходимым пересмотреть свою точку зрения на суть морального отчуждения; см.: Вопросы философии. 1983. № 6). Отчуждение наиболее нестерпимо как постоянное самочувствие человека, оно свидетельствует о кризисном состоянии самого морального фактора.

Итак: не только рассогласование взаимодействия этого фактора и экономики, но и внутренняя эрозия самой нравственности. Мораль, бывшая долго «лакокрасочным» цехом, обязанным закрашивать наши социально-экономические прорехи, понесла тяжелый урон. Вместе с тем, она воочию доказала свое глубинное социально-историческое значение, сломав в реальной жизни навязанную ей официально жалкую роль, и в течение многих лет народной жизни, своим практическим, стимулирующим влиянием подготавливая революционный процесс перестройки.

Тем не менее, надо с полной ясностью видеть тревожное неблагополучие в состоянии социалистической нравственности. Выветривается содержание многих завоеванных социализмом моральных ценностей, скудеет их запас и, главное, теряется их былая эффективность. В отдельных аспектах нравственной жизни, под влиянием разноуровневого социально-экономического развития, урбанизации, ускорения ритма социально-экономических и бытовых сдвигов, абсолютизации национальных культурных традиций, местничества, определенных «пустот», возникающих в результате отмирания ряда старых норм (обеспечивавших родственные, патриархальные и др. связи), которые «не успевают» заполняться новыми и т. п., создается ситуация хаоса норм, принципов, оценок и пр. За этой, хотя и поверхностной, но весьма очевидной картиной императивного разнобоя, скрываются тяжелые разломы в самой системе нравственности.

Здесь лучше всего рассматривать нравственность в трех ее основных «пластах»:

а) мировоззренческий (общие моральные принципы);
б) ценностные ориентации «среднего» уровня (моральный престиж профессии или способов проведения досуга, направленность интересов в конкретных областях жизнедеятельности и др.);

в) система норм, запретов, «образцов», санкций и т. п., действующих на уровне повседневно-бытового, «суетного» течения жизни в его привычном временном ритме.

В общем, наверное, следует считать доказанным, что взаимосвязь 1-го и 3-го уровня нравственности происходит через пласт 2 – см. концепцию Ядова В. А. о «диспозициях». А этот уровень в реальной жизни, оказывается, прежде всего, «выбит» из системы как целостности (по форме ценностные ориентации еще могут соответствовать уровню 1-ому – «ложное прикрытие», но по содержанию они уже с ним плохо сочетаются); ввиду же неисполнимости ряда «средних» ориентаций, они оказываются в болезненном рассогласовании и с пластом обыденной регуляции «мелкомасштабного» бытового поведения.

Мировоззренческое содержание морали, разумеется, весьма сильно поддерживается и накачивается средствами массовой информации. В некоторые годы могло создаться даже впечатление, что мировоззренческий «пласт» нравственности непоколебим, несмотря на очевидно наблюдаемые деформации других уровней. Но это – до поры, до времени. Времени, когда высшие нравственные ориентиры, теряя точки опоры, теряют и свою былую очевидность, устойчивость: возникает такое явление, как равнодушие к высшим моральным целям индивидуальной жизнедеятельности. Это опустошение сопровождается потерей и собственно морального смысла ценностных ориентаций, а также морального порядка в повседневной, «бытийной» жизни личности. Не все и не на долгое время могут вынести подобное опустошенное морально-психологическое состояние.

Наступает период самостоятельных («новых») нравственных исканий. Здесь зреют «точки роста» в реальной нравственности, зреют надежда и вера в моральное «исцеление». Критический потенциал, накопленный моралью, становится мощным стимулом социально-исторических преобразований, обновления. Идеалы становятся в жизни еще более необходимы, чем хлеб насущный: их не хотят занять из чужих рук, а стремятся выстрадать самостоятельно. Идет поиск – иерархия мировоззренческих ценностей проходит нелегкую историческую «ин-

вентаризацию». Вдруг обнаруживается, что ряд «старых» ценностей (идеалов), казалось бы, «затертых» от злоупотребления, в действительности незаменим, и они обретают свою новую императивность и привлекательность.

Происходит широкая передвижка и в ценностных ориентациях среднего уровня: меняется их иерархия, статусы и т. п. В бытовом течении жизни возникает заманчивая и довольно сильная тенденция: выковать из повседневных «маленьких» справедливостей своего суетного бытия Большую Справедливость всей своей Судьбы, а если это не удастся, наполнить это течение каким-то моральным – пусть даже иллюзорным «игровым» (хобби и пр.) – смыслом. Это тоже «точка роста» реальных нравов, причем, в тех сферах социальной жизни, которые ранее находились в явном небрежении.

Происходят существенные сдвиги и в общих показателях морального сознания и поведения. Исходная нравственная позиция морального выбора активизируется, ставя личность в новую ситуацию социальной и психологической ответственности. Более широкий диапазон ценностных ориентаций расширяет возможности этого выбора, сначала нередко в негативном, а затем – и в позитивном плане; вместе с тем, происходит как бы «естественный отбор» этих ориентаций, часть их обесценивается, а другие, напротив, в процессе жизнетворчества субъекта морали – человека – возвышаются.

Меняется иерархия моральных норм и запретов, происходит их обогащение за счет новых (например, «экологическая мораль») и возрождения незаслуженно приниженных (милосердие, готовность утешить, деликатность, сострадательность и т. п.). Подобно птице Феникс, возрождаются из пепла скептицизма и равнодушия высшие нравственные ценности – доброта, любовь, дружба, верность (см.: И. Кон. Дружба. М., 1987). И пусть это для многих далекие, однако, тем не менее, путеводные звезды. На этой почве появляется жгучая социально-психологическая потребность (увы, неудовлетворенная этикой) в надежных морально-этических «Абсолютах» жизни. Новую роль постепенно, хотя и с очень большим трудом, обретают и контрольно-императивные механизмы саморегуляции поведения личности – совесть и долг. Бессовестность, вероятно, все же «выйдет из моды», как и неверность, предательская ненадежность личности.

То, что здесь написано о «точках роста» нравственности, выглядит, конечно, несколько морализаторски – как «желаемое», «должное» и т. п. Однако это не совсем так: дело в том, что «точки падения» и «точки подъема» чрезвычайно близки (а порой почти совпадают) в реальных ценностных координатах нравственной жизни (их, следовательно, надо изучать и прогнозировать в единстве).

Ответ на первый вопрос в значительной мере предопределяет и ответ на второй. Главное в том, что этика может преодолеть мелочный горизонт навязанной ей до сих пор жалкой роли и стать выразительницей той морали, которая есть творческий, глубинный стимул гуманистического созидания истории ее субъектом – всем человечеством. Для этого ей необходимо пройти нелегкий и непростой путь преодоления многочисленных, тормозящих обретение ею своей «подлинной роли», стереотипов и «идей-идолов».

Среди них можно назвать: элитарно-академическую импотенцию этики в ее отношении к нравственной жизни, т. е. болезнь, даже сейчас (на новый лад!) выдаваемую за ее достоинство; морализаторство с его «черно-белой» схемой, в основе подрывающей научные основания этики; отрыв от достижений смежных конкретных дисциплин – прежде всего, психологии, социологии, культурологии, – которые нередко вынуждены «заметать» те или иные проблемы этики; спекулятивизм, с его штампами («идеями-идолами»: а) «личные интересы – общественные»; б) «обуздание» как важнейшая функция морали; в) ложная для марксизма альтернатива автономной и гетерономной этики; г) боязливое отношение к «контрольной» функции морали в политике; д) уклонение от анализа девиантного поведения и причин его сообразительности; е) пренебрежительное отношение к повседневно суетному течению нравственной жизни и его установлениям; ж) неумение и нежелание реализовать в этике интуитивно присущую морали способность к прогностике и мн. др.); з) примитивный «рационализм» (с тремя «р»), в ущерб принципу сенсуализма в этике и роли чувств в морали и мн. др.

Эта программа пересмотра этики, разумеется, подчинена позитивному развитию всех аспектов (составляющих) этики (см. дискуссию о «моралеведении» в ж. «Вопросы философии». 1982, № 2). Здесь можно было бы назвать и целый ряд особых проблем, открывающих широкие горизонты для этических

изысканий (см. «Панорама идей», ж. «Вопросы философии». 1981, № 8). Это и проблема общения как «резервуара кристаллизации», зарождения новых норм; и проблема морального содержания этапов жизни (в т. ч. моральный смысл старости); и «вечные» вопросы о смысле жизни, счастья, смерти; и нравственное переживание течения времени; и даже основы статистики нравов и т. д.

И все же главная, ключевая проблема: методологическое обеспечение развития этики. Арсенал методологии этических исследований может быть пополнен широким использованием (и дальней разработкой) этического историко-аксиологического метода исследования, спасшего от ловушек морализаторства и формализма. На этой основе чрезвычайно перспективен метод «феноменологического моделирования» нравственной жизни в ее динамике (см. П. Ландесман, Ю. Согомонов. Спор с пессимизмом. М., 1971).

Сейчас надо использовать для развития методологии все, что обещает, хоть какой-то, пусть частный, успех.

***

Ф.Н. Щербак

(Ленинградская лесотехническая академия)

**Пусть "Самотлорский практикум -2"
не будет спором глухих**

1. Для понимания сегодняшней ситуации в сфере нравственной жизни необходимо признать наличие глубоких деформаций, произошедших за минувшие годы в общественной морали. Речь идет не только о фактах морального разложения отдельных социальных групп, погрязших в хищениях, спекуляции, взяточничестве, но и о падении трудовой морали в целом, о значительном снижении порога морально дозволенного в массовом сознании, об ослаблении чувств общественной солидарности, взаимопомощи и т.д. Есть основания говорить о серьезном кризисе фундаментальных ценностей морального сознания: ответственности, порядочности, честности.

Если бы речь шла о правах тех или иных коррумпированных слоев общества и только (например, об образе мыслей и образе жизни торговой мафии или государственной бюрократии)

тии), то было бы, как говорится, полбеда. Но сегодня мы видим признаки деградации массовой общественной морали, что чревато серьезными последствиями для духовного здоровья всего народа.

Для преодоления указанных тенденций, поистине, нужна перестройка всех сторон общественной жизни, но рассчитывать на быстрый успех не приходится. Психология общественного равнодушия, пассивности, конформизма, очерствление межлюдских отношений довольно глубоко проникли в массовое поведение, и требуется долговременная программа мер для изменения сложившегося положения.

Перед лицом этой ситуации этическая теория должна критически оценить свою общественную роль и сделать выбор. К сожалению, необходимость перемен пока (судя по публикациям) осознается слабо.

2. Современная этика пребывает в глубоком отрыве от реальных проблем нравственной жизни. И это состояние во многом определяется ее познавательной установкой исключительно на внутринаучные проблемы, на изучение морали как таковой, а не на практическую жизнь в ее нравственном измерении, т.е. не на нравственную практику. В итоге имеем парадокс: этическая теория почти все знает о морали вообще, но мало что вразумительного может сказать о моральных проблемах реальной жизни.

Не странно ли, что за три года перестройки не опубликовано ни одной этической статьи, где были бы подвергнуты профессиональному анализу нравственные аспекты процесса демократизации, гласности, самоуправления и т. д.

Практически ни один вопрос хозяйственной жизни (реформа управления, новые формы организации труда, кооперативные отношения и т. д.) не попал в зону интересов этической науки. Нет у нее интереса и к социальной сфере: отсутствует этический анализ проблем социальной справедливости, социального равенства, образа жизни и многих других.

Да разве мало других актуальных проблем самого различного содержания? Взять, к примеру, вопрос о целесообразности отмены в современных условиях смертной казни. Бурное обсуждение в печати этого предложения проходит без участия этиков. Этическая наука ограничивается общими рассуждениями о человеческой личности как высшей ценности, но уклоняется от анализа конкретных общественных проблем. Все они оказы-

ваются недостаточно «специфичными», а потому и недостойными стать предметом этического анализа.

3. Поставим вопрос: не покушаемся ли мы на этическую теорию как таковую? Не отвергаем ли мы мораль как предмет этической науки? Нет, конечно. Но изучение морали как таковой, с нашей точки зрения, имеет смысл лишь постольку, поскольку позволяет затем выявить специфику «моральной компоненты» реальных практических отношений. Вне этой задачи постижение морали «само по себе и для себя самой» есть чисто спекулятивное занятие.

Важно не ограничиваться внутринаучными проблемами (разработкой категориального аппарата), а переходить к анализу нравственных проблем экономической, социальной, политической, духовной жизни. У нас, к сожалению, связь морали с жизнью трактуют чаще всего лишь в плане внешнего сопряжения: «мораль и политика», «мораль и культура», «мораль и общение» и т. п. Такая методология заведомо обрекает исследователя на сопоставление понятий, дефиниций и т.п. Но есть принципиально иной план их диалектического взаимодействия: нравственные проблемы реальной политики, моральная культура данного общества, нравственное общение в различных сферах общественной жизни и т. д., где «бытие морали» реализуется не вне, а в самой ткани жизненных процессов.

4. Несмотря на постоянные призывы сомкнуть теорию и практику, развитие этической мысли все более приобретает самообращенный характер. В оправдание ссылаются на статус теории, которая не может обойтись без саморефлексии, без абстракции и т. д.

Но спор не о том, нужна ли теории сила абстракции, категориальный аппарат и т. п. Суть в другом: допустимо ли застревать на абстракциях и не желать конкретности знания? А отсюда и другой вопрос: можно ли обеспечить теоретическую конкретность этического знания без обращения к практике?

Этика умудряется сохранять полную абстрактность в подходе к самым животрепещущим вопросам, искусно очищая их от практического содержания. Она умудряется, например, изучать общественное моральное сознание в отрыве от массового и индивидуального сознания, от реальных нравов, от поведения, в результате чего моральное сознание оказывается тождественным с абстрактными «моральными смыслами», понятиями как таковыми, моральными кодексами и т.п. Обращаясь же к

феноменам индивидуального сознания, она чаще всего представляет их в абстрактно-психологизированном виде вне реального контекста конкретной жизнедеятельности, в силу чего этический анализ опять-таки вращается в замкнутом круге категориальных построений, классификаций и систематизации элементов и т. д. и т. п.

Нет ни одной этической работы, где приращение теоретического знания осуществлялось бы на основе обобщения практического опыта нравственной жизни. Знание прирастает (если прирастает), главным образом, за счет логической дедукции, что в целом обрекает науку на круговорот идей, а если и случаются прорывы к новому, то только благодаря подсказкам «здорового смысла».

Отсюда и характер этических рекомендаций практике. Это чаще всего или советы того же «здорового смысла», или абстрактные заповеди предельной общности. Современная этика вообще не признает никаких гипотез, она формулирует «вечные истины» (современная этическая натурфилософия!).

И это, конечно, не случайно, поскольку этическая наука (как и современная академическая педагогика) считает возможным разрабатывать теорию без обращения к практике. Между прочим, у нас написаны сотни работ по нравственному воспитанию молодежи, в которых нет даже упоминания об опыте учителей-новаторов. Прорывы этической мысли к новому сегодня связаны (и это надо признать!) не с наукой, а с художественной литературой и публицистикой. Разумеется, науку нельзя заменить литературой, но и научные претензии должны иметь какое-то подтверждение.

5. Исходя из сказанного, предлагаю пересмотреть ряд укоренившихся догм современной этической науки и на этой основе уточнить некоторые господствующие ныне представления, в частности:

преодолеть понимание морали как сферы сугубо духовных интенций, в полной мере реализовать эвристический потенциал концепции морали как способа духовно-практического освоения действительности;

отказаться от представлений, согласно которым мораль – сфера исключительно должного, а не сущего (Мильнер-Иринин). Мораль по самому существу дела выступает как единство должного и сущего;

преодолеть сугубо идеологизированный образ морали и перейти к целостному пониманию морали в единстве ее рациональных и социально-психологических аспектов;

в полной мере признать статус морали за нравственной практикой, реальным поведением (разумеется, не сводя поведение к поведенческим автоматизмам);

отказаться от третирования обыденного нравственного сознания как якобы лишенного моральной специфики, признать, что моральная специфика проявляется не только на категориальном уровне теоретического мышления, но и на уровне нравственной мудрости практического сознания;

отказаться от абстрактных рекомендаций и поучений практике. Не поучать практику, а возвращать практике ее собственный образ, поднятый на уровень теоретического осмысления;

перестать заниматься самообманом, считая, что можно серьезно изменить нравственные отношения, нравственную практику в обществе, ограничиваясь лишь мерами идеологического влияния, этического просвещения, моральных консультаций и т. д., радикально не меняя всю систему общественных отношений, хозяйственного механизма, политической демократии и т.д.;

преодолеть чисто регулятивный подход к морали, понять мораль в единстве ее регулятивной к ценностно-ориентационной (мировоззренческой) функций.

На наш взгляд, мораль представляет собой исторически выработанный способ гармонизации общественных и личных интересов посредством внутреннего самоопределения индивидов в качестве суверенных субъектов деятельности и общения.

6. Мой дополнительный вопрос: чего нам не хватает? Не хватает обмена мнениями, диалога: мы вроде бы боимся спорить. Но если исходить из того, что цель нашего спора не в опровержении оппонентов, а в совместном поиске истины, то, пожалуй, следует рискнуть.

Пусть Самотлор-2 не будет спором глухих.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

SUMMARY

Section: THEORETICAL SEARCH

Engineering Ethics

**Prokofyev A. Aspirational Ethics of Engineering
(an analysis of the project in professional ethics) 11**

The paper analyses peculiarities of the higher level of norms and values in engineering ethics. It is commonly called «aspirational ethics of engineering» and opposed to «minimal», «mandatory», «negative» and «preventive» ethics. The author reconstructs two most influential conceptions of aspirational ethics of engineering proposed by C.E.Harris and W.R.Bowen and discovers their strengths and weaknesses. The main raw spot of all efforts to create engineering ethos of high aspirations is the potential chaotic effect that can be caused by a free individual pursuit of the public good in engineering practice. The paper proposes some ways to overcome this difficulty that exist in the sphere of drafting professional ethical codes.

Key words: professional ethics, aspirational ethics, ethical code of engineers, virtues of engineers, C.E.Harris, W.R.Bowen

Sychev A. Environmental responsibility of engineer 37

The article discusses the transformation of moral responsibility of engineer. Three stages of its development are defined. It is shown that engineering ethics of the nineteenth century did not require special principles or codes, as by itself it was regarded as definite expression of the moral views of the Modern Age and practical implementation of the ethics of responsibility. In the twentieth century, the moral foundation of engineering activity was not so self-evident. It became clear that engineering can be used for immoral purposes. To resolve the problems engineering community developed particular principles and codes in the beginning of the twentieth century. At the turn of XX - XXI centuries engineering ethics merges with environmental ethics.

Key words: engineering ethics, environmental ethics, responsibility, technology, code.

Apressyan R. Engineering Ethics in Front of the Dilemma of Industrialism and Post-industrialism 54

Post-industrial society as such hasn't changed the framework of engineering ethics significantly. Anyway, post-industrial challenges are not topical for Russia; the Russian public is rather concerned regarding increasing de-industrialization. Nevertheless, a new modality of thinking has emerged in current society, which is more sensitive to environmental and humanitarian in addition to technological risks. So far environmental and humanitarian risk sore caused by risks rooted in advanced technologies, the society considers them as a subject matter of engineers' broadening ethical competence.

Key words: Engineering Ethics, Post-industrial society, Post-modern Society, De-industrialization, Social Responsibility, Professional Ethics.

Sogomonov A. Ethical Strategies in Engineering 67

Ethical search for validations in engineering profession is an object of the article. Responsibility is taken for being key notion in every engineering codex. But the very notion is vague and dynamically changing. The model of monocentric responsibility of early modernity has been crucially reshaped and nowadays substituted by the model of polycentric responsibility. Theoretically engineers have a wider choice of ethical theories to ground on, that makes their professional culture based on the principles and values of ethical egotism. Morally their professional conduct is becoming more reflexive and flexible.

Key words: Moral responsibility, monocentric and polycentric models of professional responsibility, ethical egotism

Alexeyeva I. Yu. Ethical Code in the context of moral relativism..... 82

Ethical relativism gains more and more influence. Now it is rather position of mass than of narrow circles of intellectuals. Problem of finding common grounds for ethical conduct seems unsolvable. In this context ethical code is especially useful as an a form of agreement and articulation of norms that should be shared by all members of the association.

Key words: Moral relativism, ethical code, engineering ethics.

Rohozha M. Specificity of Moral Actions

in Profession of Engineer 94

Professional activity of an engineer is represented in the paper from the prospects of ethics of the act. The author seeks to represent cultural and historic conditionality of norm and value content of professional ethics in Modernity and its unheroic origins. Engineering ethics as one of professional ethics at risk society emphasizes social (special) responsibility of professional, who is not oriented on a heroic act but on a daily life routine and the resolving of ethically ambiguous questions of professional activity. In the light of such matters institutionalization of morality is directed to facilitate professionals to act responsibly in daily life and in morally ambiguous situations. Ultimate situations, in which engineer exceeds the limits of institutionalized rules adjust the scale of moral responsibility because a person has no alibi in existence. The author claims that integrity of special and moral responsibility in professional activity of an engineer is necessary conditioned by proportionality of aims and means.

Key words: responsibility, moral act, unheroic origin, code of ethics, no alibi in existence, proportionality.

Gavrilina Elena A. Engineer in the modern world: Homo faber vs Homo mechanicus 107

Article is devoted to the justification of the place and role of engineering ethics in the structure of professional competence. It is shown that a pragmatic understanding of engineering pathos does not provide the necessary reflection's level on the value-semantic basis of engineering ethos. The key contemporary challenges to the engineering corps are shown and moral dilemmas arising from its members are described. There is fixed conflict between existing professional practices, which are transmitted through the technical universities and the contemporary challenges to professional group. Ways to bridge this gap are marked.

Key words: engineering ethics, engineer, engineering activity, engineering designing, prototype, code of engineering ethics, socio-technical system, virtualized engineering activity, technical university, engineering ethos.

Column of academician A.A.Guseynov

From responsibility to freedom 119

The main idea of the article is that alternatively to the traditional for the history of ethics approach which understands responsibility as a consequence of freedom the freedom should be derived from responsibility. Responsibility is seen as the human being's attitude to his/her own activity, conditioned by the fact, that he/ she is the cause of his/her actions. There are three levels (forms) of responsibility - for nature, for other people, for him/herself. There are also three correlating levels (forms) of freedom – freedom of action, freedom of choice, freedom of will.

Key words: Responsibility. Freedom. Morality. Action. Aimed activity. Subject of activity. Cause and consequence.

Section: ECUMENE OF APPLIED ETHICS

Abilkenova V.A. New old journalism identity:

renaissance of professional mission? 136

Journalism' identity crisis still ranks first at the agenda of both professional and scientific societies. But nowadays there have arisen the grounds to speak about the sings of successful journalism renewal, and above all – about the development of its old mission of social responsibility.

Key words: professional ethics for journalists, journalism mission, role of journalists, blogging, new mediae, media corporation, journalism' identity.

Section: UNIVERSITY MISSION

Bakshtanovsky V.I., Bogdanova M.V. «Execution of proper work» – dominant of engineering ethics (an Analytical Review of the Rector's Seminar) 147

The paper comprises the materials of expert examination done by the University executives major in the questions of paradigm of professional *responsibility* of a modern engineer. The agenda of engineering ethics needs renewing. Its world view reveals itself in the metaphor «execution of proper work» opposite to the focus on «to execute the work properly».

Key words: engineering ethics, world view guidelines, professional responsibility, ethical choices.

Section: DEPARTMENT OF APPLIED ETHICS

Viktoruk E. N. «What is» and «what ought to be» in the ethical-engineering education 202

Problems in engineering ethics are considered in terms of its teaching. The author compares the standards of modern educational programs in engineering and realities of ethical-educational process. The problem of training ethically competent teachers for engineers of the XXI century is considered as a most important one.

Key words: engineering ethics, the ethical education, ethical skills; ethical competence, levels of ethical education.

Section: FROM THE HISTORY OF INNOVATIVE PARADIGM

Practical philosophy at the crossroads:**the starlit hour of applied ethics 214**

The experience of formation of idea–technology of applied ethics' innovative paradigm – the humanist examination is described in the paper. There published the selected works of expert survey «Samotlor workshop-2» which was the first attempt made by action group of ethic society to use the knowledge about the ethics and education in modern practice in an expert and advisory way.

Key words: applied ethics, innovative paradigm, humanist examination, «Samotlor workshop».

Авторы выпуска

Абилькенова Валерия Анатольевна, к.с.н., ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТюмГНГУ; Kabvalerya@mail.ru

Алексеева Ирина Юрьевна, д.ф.н., ведущий научный сотрудник Института философии РАН; ialexeev@inbox.ru

Апресян Рубен Грантович, д.ф.н., проф., зав. сектором этики Института философии РАН, ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТюмГНГУ; apressyan@mail.ru

Бакштановский Владимир Иосифович, д.ф.н., проф., директор НИИ ПЭ ТюмГНГУ; priclet@tsogu.ru

Богданова Марина Владимировна, д.с.н., ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТюмГНГУ; etika2@tsogu.ru

Викторук Елена Николаевна, д.ф.н, проф., зав. кафедрой философии и социологии ФГБОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева»; eviktoruk@yandex.ru

Гаврилина Елена Александровна, к.ф.н., доцент, кафедры «Социология и культурология» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана; gavrilina@bmstu.ru

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., проф., академик РАН, директор Института философии РАН, главный научный сотрудник НИИ ПЭ ТюмГНГУ; guseinov@iph.ras.ru

Некрасов Юрий Иннокентьевич, д.т.н., проф., заведующий кафедрой «Технология машиностроения» ТюмГНГУ; prof_nekrasov@mail.ru

Новоселов Владимир Васильевич, д.т.н., проф., ректор ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный нефтегазовый университет»; general@tsogu.ru

Прокофьев Андрей Вячеславович, д.ф.н., проф., в.н.с. сектора этики Института философии РАН; ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТюмГНГУ; avprok2006@mail.ru

Рогожа Мария Михайловна, д.ф.н., проф. кафедры истории и культурологии, Национальный авиационный университет, г. Киев, Украина; rohozha@mail.ru

Согомонов Александр Юрьевич, к.ист.н., ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТюмГНГУ; sozi@mail.ru

Сычев Андрей Анатольевич, д.ф.н., проф.; кафедра философии, Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева; sychevaa@mail.ru

List of authors

Abilkenova, Valeriya Anatolievna, Ph.D. in Sociology; Leading Researcher of TSOGU Applied Ethics Research Institute (AERI); Kab-valerya@mail.ru

Alexeyeva Irina Yurievna, Doctor of Philosophical Studies, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science; ialexeev@inbox.ru

Apresyan, Ruben Grantovich, D.Sc., Professor, Head of the Ethics Sector at the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences; Leading Researcher of TSOGU Applied Ethics Research Institute (AERI); apressyan@mail.ru

Bakshtanovsky, Vladimir Iosifovich D.Sc., Professor, Director of TSOGU Applied Ethics Research Institute (AERI); priclet@tsogu.ru

Bogdanova, Marina Vladimirovna, D.Sc. in Sociology; Leading Researcher of TSOGU Applied Ethics Research Institute (AERI); etika2@tsogu.ru

Viktoruk, Elena Nikolayevna, D.Sc., Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology of Federal State Government-Financed Institution of Higher Professional Education "Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev"; eviktoruk@yandex.ru

Gavrilina Elena A., PhD, Associate professor, Department of Sociology and Culture Studies, Bauman Moscow State Technical University, gavrilina@bmstu.ru

Guseynov, Abdusalam Abdulkerimovich, D. Sc., Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Chief Researcher of TSOGU Applied Ethics Research Institute (AERI); guseinov@iph.ras.ru

Nekrasov, Yuri Innokentevich, D.Sc., Professor, Head of the Department of TSOGU "Mechanical Engineering Technology"; prof_nekrasov@mail.ru

Novoselov, Vladimir Vasilievich, D.Sc., Professor, Rector of Federal State Government-Financed Institution of Higher Professional Education "Tyumen State Oil and Gas University"; general@tsogu.ru

Prokofiev, Andrey Vyacheslavovich, D.Sc., Professor, Leading Research Fellow, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Leading Researcher of TSOGU Applied Ethics Research Institute (AERI); avprok2006@mail.ru

Rohozha, Mariya Mikhailovna, D.Sc. Professor of the Department of History and Culture studies, National Aviation University, Kyiv, Ukraine; rohozha@mail.ru

Sogomonov, Aleksander Yuriyevich, Ph.D. in Historical Sciences, leading Researcher of Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, leading Researcher of TSOGU Applied Ethics Research Institute (AERI); sozi@mail.ru

Sychev, Andrey Anatolievich, D.Sc., Professor, Department of Philosophy at N. P. Ogarev's Mordovian State University; sychevaa@mail.ru

Научное издание

**«Что такое хорошо и что такое плохо?»
в инженерном деле**

Ведомости прикладной этики
Выпуск 44

Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова

Ответственный секретарь журнала М.В.Богданова
Редактор выпуска И.А.Иванова

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52155 от 11.12.2012.

Подписано в печать 16.06.2014. Формат 70х100/16.
Гарнитура Arial. Усл. печ. л. 17. Тираж 250 экз. Заказ № 843.
Бесплатно.

НИИ прикладной этики ТюмГНГУ
625000, г.Тюмень, ул.Володарского, 38.
Контактный телефон (3452) 46-92-44.
E-mail: priclet@tsogu.ru

Типография библиотечно-издательского комплекса.
625039, г.Тюмень, ул.Киевская, 52.